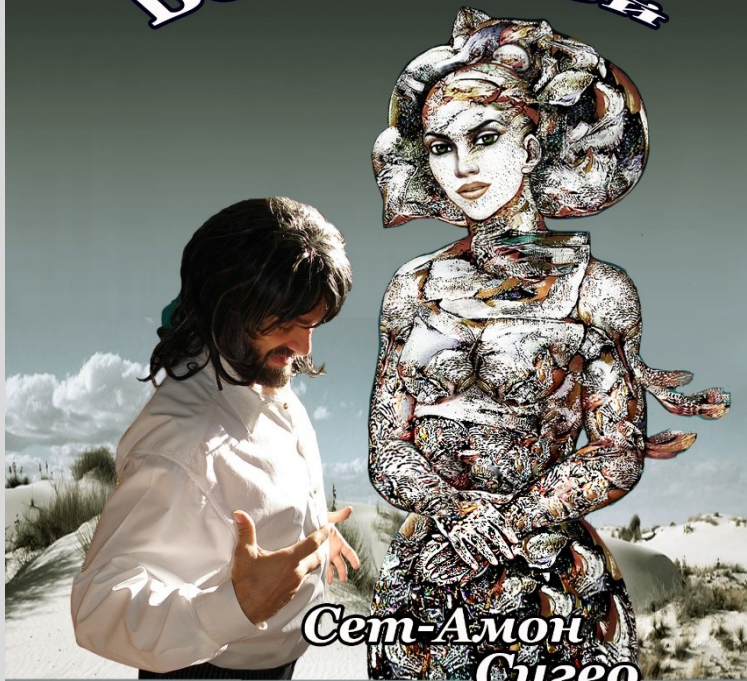

Вечные Пилигримы Вселенной

Сет-Амон
Сигео

ПУСТЫНЯ

Сет-Амон Сигео

**Вечные Пилигримы
Вселенной**

Книга 1

Пустыня

*Иллюзия – Сердце Реальности
Красота – её Крылья
Сет-Амон Сигео*

Рига 2019

Оглавление

Аннотация	5
От автора	6
Сэр Гомо*	11
Встреча 1 /2013/	29
Стихи /1970 – 1990/	37
Мастерская /1995 – 2000/	69
Художник	69
Падение Икара	72
Казанова	74
Оборотень	77
Люцифер	79
Африканец, Африканка	81
Амазонки	83
Ку-ку	86
Сабля /2003/	93
На краю Ойкумены – 1	203
Love in Stone /2005	223

Интервью /2005/	237
Аида /2005/	242
На краю Ойкумены – 2	258
Беседа с коллекционером 1 /2007/	268
Сценарий /2005 - 2010/	276
Часть 1	276
Часть 2	306
Часть 3	336
Часть 4	406
Беседа с коллекционером 2 /2012/	451
На краю Ойкумены – 3	474
Беседа с коллекционером 3 /2012/	476
Встреча 2 /2013/	483

Сет-Амон Сигео «Вечные Пилигримы Вселенной. Пустыня»

ISBN 978-9934-19-874-8

Copyright © 2017 Set-Amon Sigeo

Аннотация

Где та Пустыня – «пустота», где невозможно выжить вне Вселенской Боли? Красоты её... Любви. Где невозможно жить вне вечного стремления творить Миры?.. – Миры Живые.

Где то, что променяли мы на золото и честь «Венцов Творенья»?

Преумножить капитал хотите?

От одного тогда определённо воздержитесь: не читайте никогда и ни за что на Свете книг Сигео – для того они, чтоб разорить вас и пустить по Миру.

Куда?

Именно – в Пустыню! И не лет на сорок стадом, а в одиночку... и, возможно, навсегда.

И пусть следы мои с Пути вас не сбивают – пусть ветер заметает их. У каждого свой Путь быть должен.

От автора

Прежде чем отправиться в Новую Экспедицию, хочу преподнести людям Царский Подарок – Знание моё. Иногда, ввиду его «неудобоваримости», я называю его «Жабой Сигео» – это знание существа, строго говоря, человеком не являющегося.

Речь о сути моей, а не о форме на данном отрезке времени.

И речь о Вечных Странниках Вселенной, бессмертие черпающих в Пути.

Они являются ипостасями одного существа и приходят в различные Миры, чтоб стать там теми, кто являются хозяевами этих Миров.

Тогда они полностью забывают о своей сущности и от неё отходят.

Но... лишь на время.

Часть своей жизни на Земле они могут прожить как обычные люди, приняв их внешность, нравы, ценности... научившись любить, верить, страдать, убивать... Как все.

Однако по истечении отведённого на то времени, начинают возвращать своё знание о себе и Мире.

И знанием этим должны делиться с теми, чьи судьбы от него зависят.

Моё знание ко мне возвращается постепенно и отражено в моём искусстве. Это живопись, керамика, скульптура и литература: поэзия, философские этюды, статьи, информационные сообщения для сайта и электронные книги.

Если кому удастся уловить глубинную суть этих произведений, возможно, он найдёт в себе и достаточно желания и сил, чтоб начать менять себя целенаправленно, — становясь

Собой не в человеческом, а в Космическом понимании этого слова.

Не мне лично это надо. Это необходимо Космосу.

– Зачем?

– Затем, что часть людей для Вселенной имеют колоссальную ценность – даже невзирая на то, что человечество в целом пошло изменным путём Лжи и чудовищных преступлений в отношении тех, кому должно было помогать становиться совершенней. И в отношении того, что должно было беречь и защищать.

Но Гомо (Homo Sapiens) сделал всё наоборот и, несомненно, будет выведен из Потока Вечной Жизни.

Однако это не относится ко всем людям. Перед многими – именно это откроет грандиозные перспективы вне их видовой

сущности Гомо, а в ином качестве сущностей Мира, – в качестве иных существ, не скованных генетическим суррогатом гомоцентризма.

Мне далеко не всё известно, но проясняется всё в пути – в своё время. И я иду. И знание моё – в помощь идущим. А свой Путь и Истину – каждый находит сам.

В книге «Вечные Пилигримы Вселенной» я предоставляю возможность читателю пройти вместе со мной небольшой отрезок моего Вечного Пути. И пережить и «увидеть» то, как глубинная Суть Вещей поднимается на поверхность бытия в Реале, трансформируется в нём, и переходит в иные, более совершенные координаты Мира.

И это значит, что всё, что я намерен вам сообщить, вы узнаете от меня не на привычном языке «Поверхности жизни», а на языке более

глубокой её сути – прежде всего – на языке Искусства – посредством образов, метафор, композиций, аллегорий... И иллюзий.

Каждое моё произведение может быть прочтено как самостоятельное. Но, в отрыве от остальных, оно не может быть понято верно: мои картины дополняют мои стихи и поэмы – их, в свою очередь, дополняют мои скульптуры, книги, статьи, видео.

Но. Фундаментом всего служит мощный и совершенный метод познания.

– Что служит критерием истинности его?

– Только опыт и искренность автора. И его следование знанию своему.

Сэр Гомо*

Ночь.

Тусклый свет фонарей. Свет скупой.

Кто стучит по глухой мостовой?

Дождь стучит?

Город спит.

Кто стучит по лужам слепым?

Это вы, Зэ-Дой? – путник ночной.

Почему стучите?

Куда спешите? Куда бежите прихрамывая?

Едва поспевая за вашими таксами,

Что на двух поводках тянут вас за холодную
бледную руку.

Ваш плащ промок,

Лицо под капюшоном прячется.

Что держите вы в левой руке, бережно
прижимая к груди?

Продрогший, холодный вы.

Что в свёртке том, что над Сердцем храните?

Тепло своё которому дарите? –

Тепло ваше бедное, малое –

Последнее ваше Тепло, убывающее.

Кому его дарите вы?

Куда спешите?

Ницше:

«Отчего крадёшься ты так робко в сумерках,
о Заратустра? И что прячешь ты так бережно
под своим плащом?

Не сокровище ли, подаренное тебе? Или
новорождённое дитя твоё? Или теперь ты сам
идёшь по пути воров, ты, друг злых?»

На улице ни души... лужи, афиши,
продрогшие фонари.

Вам не до них, Зэ-Дой, – ваши ищейки след
взяли!

След Сигео!

Ах, как Сердце ваше стучит! Как Сердце
мечется!

Приструните его – левой рукой –

Той, где свёрток.

Скорее бежите. Бегите! –

Пока Черти молнии чертят,

Множатся в небе шальном –

Окаянном.

Пока под капюшоном – на бледном вашем
лице –

Улыбка.

Была забыта,
Изгнана она с лица вашего навсегда.
Но вот. Она. Снова она!
Блуждает на устах ваших змеиных, тонких,
сладких...

На устах медовых ваших. На устах
Сусальных.

Удача. Удача какая! След взят.
Бегите скорей. Ну же! Скорей бежите!

Ах, если б не ревматизм!
Если бы не «Штаны Пифагора».
Если бы не мешали...
Не вмешивались в самое неподходящее
время.

Эти Штаны!

Их только застёгиваешь, расстёгиваешь,

Расстёгиваешь, застёгиваешь...

Одев, раздеваешь, – раздев, одеваешь...

А если... Что если?

Вам словно кто-то шепчет на ухо – ваше
«среднее ухо».

Что если?..

Эврика!!!

В такой ответственный момент.

Не-е-е-е-т.

Свет. Свет в конце улицы.

Сколько света!

Сколько народу! Смеха, шума, восторга!

Что?

Что это там?

А-а-а-а-а...

Эти вечные проделки Сигео!

Какое представление он там даёт?

Что-о-о-о?! –

В мантии профессора

Несуществующего университета?!

Ах! Этот плут! Этот мошенник!

У него всё не как у людей.

Не так, как надо.

И Диплом его не того формата.

С опечатками в каждой строке,

В литере каждой.

Нет!

Вы только на него полюбуйтесь! –

Тореадор!

Сетью размахивает, точно брендовым
опахалом.

Павлин так машет хвостом.

Сейчас...

Я «представление» ему устрою.

И вы бежите, бежите... Рядом уже...

Почти.

У вас что там? Одышка?

Забудьте!

Поводки вырывают из вашей руки
разъярённые таксы.

Убегают вперёд.

И!.. не убегают... –

Не могут.

Не могут от вас убежать.

И вы раскрываете свёрток!

И... не раскрываете.

Его не можете вскрыть...

Только бежите.

Бежите с собаками вашими в ногу.

Но... не бежите –

Бег на месте ваш Бег.

Бег на месте.

Тем временем Сигео

Сеть сбрасывает на толпу весёлых
почитателей своих.

Она всех накрывает... движется...

Творит тоннели, лабиринты...

И Мир ликует в них вместе со всеми –

В калейдоскопе своих граней, красок, черт...

И!

Вдруг Сеть-Паутина уменьшается,
сжимается...

И только несколько красоток остаются в ней.

Очаровательных, прелестных, юных –

Ошеломлённых и влюблённых «Бабочек
Ночных» Сигео.

Да!

И музыка звучит!

Какая музыка!..

Толпа ошеломлённо умолкает.

Что это? «Посвящение Карузо»?

Кто? Кто поёт?

Сигео?!

Он поёт? Он обучался этому у Паваротти?

На всю Вселенную поёт своим любовницам
Сигео!

Какая наглость!

Голос...

Этот Голос!

Чёрт. Дьявол... Сатана. Шайтан! –

Сигео!!!

Что? Он взлетает? Он?

Он улетает со своим уловом?

О, небо! Ужас! –

Нет!

С этим покончить кто-то должен!!!

Ишь! Гад небесный...

Именно –

Индюк мочёный.

А-а-а-а-а... Это конец!

Всё...

Апокалипсис!

Ужас... Геенна...

Огонь, Преисподняя, Страх!

Всё, что угодно –

Черти, ладан, мумии, мощи, Грааль...

Только не это! Не это.

Не это Бельё, что на нём!

Святая Варвара!

Нательное Это Бельё!!!

Небо... О, небо!

Чтобы роскошь такая?! У негодяя.

А-а-а-а-а...

Жесть! Это конец.

Крушение Мира!

Цивилизации крах.

О-о-о-о... А-а-а-а-а...

Излишества эти!

Россыпи драгоценных камней!

Шпинель, изумруды, рубины, сапфиры...

О-о-о... – Бриллианты!!!

Мерцают камни в ночи...

Нет... – это Звёзды!

Звёзды зачем?

А-а-а-а-а...

Роскошь такая!..

Это пижонство, эти понты,
Расточительность эта!

А эти Гусыни, что повисли на нём...
Тупые, неумные, глупые дуры...
Ах, разглядеть бы... Ах, рассмотреть...
Но где там! – далéче уже.
Где они?
Уже далеко-о-о-о...

Бред. Безумие!
Нет.
Я не позволю!!!

И, словно гром, тогда звучит мелодия иная.
И плащ вы сбрасываете, Зэ-Дóй.
И в пляс пускаетесь.
Хачатурян?

С саблями танец?!.

Но ведь не долго —

Ревматизм... Что там ещё у вас?

Откуда у вас балалайка?

Ладно играете... Поёте?

На ухо два медведя наступали вам?

— Эх, яблочко, ты моё спелое,

А вот барышня идёт, кожа белая.

Кожа белая да шуба ценная,

Если дашь чего — будешь целая.

Но снова молнии сверкают.

В раскатах Грома Небеса дрожат.

И рассыпается толпа... и тает...

И вы один.

Без жалобно трескучей балалайки.

В плаще, продрогшем,
Вязнете вы с непокрытой головой.
Глядите хмуро в Небо,
Прижимая свёрток драгоценный ваш к груди.
Да... след потерян.
И эти таксы тут ещё... «Какого чёрта вам?!»
Злобно рычат
Из-под ноги ожесточённого пинка хозяина.

Ваш бледный лик, Зэ-Дóй, выхватывают
молнии из мрака,

Суровые черты и голову седую –
Недоброй мысли озабоченный приют.
И снова
Изгнана улыбка с ваших уст... Надолго.

Но. Внезапно.

С онемевшими, окаменевшими губами –

Вы поёте

Хрипящим голосом, сквозь зубы –

Сквозь злобы мутную волну –

Поёте:

– Русский ум изобретёт зависть всей Европы

– Спирт рекою потечёт – прямо в рот из...

Что? Что с вами?

Что мешает изречь вам финальное слово?

Что это?

Что не можете выплюнуть вы,

Заглотнуть не можете и проглотить?

ТЬфу ты, Чёрт! – эта Жаба...

Вездесущая Жаба Сигео!

Чавканье... кряканье... кваканье.

Песнь не допета...

Что?.. Не допета?

И голосом генсека «Б»

Доводите вы песнь до совершенства:

– И тогда народ наш русский – преотлично
заживёт,

Все сортиры перестроят в Винокуренный
Завод.

Черти. Молнии! Раскаты грома...

Но! В руках свёрток у вас.

И вот... на мостовой он лежит...

Холодный.

Его раскрываете бережно вы.
А там! – сокровище ваше –
«Ребёнок» –
Ваша «Бритва Оккама» –
Освобождённая... острая звонкая сталь!

Молнии!!!

Нет... то не молнии – то ваша Бритва, Зэ-Дой,
Сверкает, как молния!
В беспощадной вашей руке.
Оккама...

Но!

Вы складываете снова её...
Бережно пеленаете, словно дитя.
Прячете.
Прижимаете к Сердцу...
И прячетесь сами –

В густом предрассветном тумане...

Во мгле.

Уходите вы.

Ницше:

«Одинокий, ты идёшь дорогою к самому себе! И твоя дорога идёт впереди тебя самого и твоих семи дьяволов.»

* Кто угодно из моих несметных оппонентов
– Homo Sapiens.

Встреча 1 /2013/

Милый друг!

Отчаянный ли вы проходимец или «святой», отпетый негодяй или нобелевский лауреат, принимайте мои поздравления:

Наши Пути пересеклись.

Не на долго. Но... в некотором смысле – навсегда.

Теперь вы – моя «целевая аудитория» и прилежный (надеюсь) ученик. Ученик в Школе Светлого имени моего – Сигео.

Где все ровны... и не ровны. На моё усмотрение.

Эй! Куда вы? В бега? В бега, не отведав плети моей? Моих мокрых розг?

Хлётких розг, что вас из любой щели достанут. Из-под любого плинтуса извлекут!

Куда вы прячете избыточную вашу плоть? –
изнеженную биомассу.

Несовершенные мои! К тараканьим бегам
доброохотные, сверх меры упитанные и в край
избалованные.

Прошу всех к столу.

Прошу отведать блюдо, что я приготовил для
вас собственными руками, – блюдо, что вас
исцелит и наполнит Солнечным Светом.

– Что это за блюдо? – спросите вы. И я вам
отвечу:

– Это живая прыщавая Жаба, – Жаба Сигео.

Единожды дав ей приют в полости рта
своего, вы сможете жевать её вечно. Ибо Жаба
эта особенная: мудрость и благодать железы её
источают, а на её шершавом покрове –
проступают эликсиры молодости и жизненной
силы.

Ещё не удавалось никому тварь проглотить. Так может быть вы? А? Ну... Смелей! Утоляйте смелей вашу жажду познаний! И утоляйте её Вечно!

Здесь Школа Вечности и Бесконечных Перевоплощений: здесь у всех, будь вы Солнечным Зайцем или Дохлым Кротом, у всех есть шанс стать Другим, – стать тем, кем стать вы должны и стремитесь.

Вы оступились, споткнулись, упали? Ударились о камень, слушая «проповедь» мою?

Превосходно! Ведь это значит, что вы идёте. Давайте руку. Я помогу вам подняться. Вот... А теперь идите. Сами идите!

И не куда попало, а за пределы вашего убогого формата «Гомо», – за пределы лживого проекта Эволюции под эгидой Технического Прогресса.

Сами идите. Своим Путём.

Что? Усомнились? Своим Путём – да от Себя! Нет. Не хотите?

Выбор не ваш?

А известно ли вам, что у меня всего две руки?.. Левая и правая.

А сколько горячих плетей следует всыпать мне вам за ваши Сомнения, Нежелания, Выпендрёж?!

Знаете? Нет?

Ещё раз довожу до ваших Сенсорных Центров:

Путь у всех свой. И лишь изредка совпадает с путём Учителя – когда дальше идти «невозможно».

Но!

Здесь – в дебрях Формата Гомо – он совпадает и с «Точкой Невозврата», где некому

дать «подзатыльник» идущему, чтоб не сползал он с обочины Великого Пути.

Насилие. Это вы мне говорите?

Оглянитесь вокруг!

Вы не по Земле ходите? Вы не Шкафная Моль? Не Подвальная Крыса?

Устыдитесь! Где вам до этих благородных существ, живущих в гармонии с Природой?!

Где вам до Навозного Жука, занятием своим ничего, кроме пользы, Планете и вам не приносящего?!

Ах, как далеки вы от мудрости Великого Жука-Ассенизатора!

Вы. Вместе с вашими штуцерами и шлангами «Гофре» в миллиардах отхожих мест на всех Континентах.

Вам меню благородного насекомого не по вкусу? Вот как?

Но чем завалили вы всю Планету? Упасть яблоку некуда, яблоне вырасти негде, кроме как на помойке промышленного хлама и нечистот.

Вы скармливаете Земле яд ваших «Яств». В обмен на жизнь. В обмен на жизнь такую – вы пьёте Кровь Земли – Матери вашей! А Она – вынашивает вас и носит.

Я краски сгущаю? Преувеличиваю?

Да. Если не научились вы дальше смотреть вытянутой руки.

Смотрите! Вдаль смотрите...

Не вовне. В себя смотрите! Сквозь панцирь Гомо и его приоритеты.

Пустыню видите?

Её пройти вам предстоит. И перейти.

И перейти нельзя её. Ибо по ней если идёте – ОНА есть ВЕЧНОСТЬ.

И это единственное, что воистину Ваше. И становится Тем, чем становитесь вы.

Порой Солнце там жжёт нещадно, бушуют песчаные бури, ливни и снегопады. Молнии под раскаты грома летят...

И там!.. Оазисы бывают.

И столько всего происходит там!

Но.

Это трансформированный эквивалент вашей жизни здесь – в Реале.

Это вами созданный Проект того, что может стать Реалом.

И может им не стать никогда!

Наша встреча близится к концу. Она Первая. Вы молчите? Почему вы молчите?

Ах, да – вы размышляете.

А много ли проку в размышлениях ваших?

Спрашивайте!

Можете не спрашивать. Я и так знаю, что вам отвечу:

Дорогу назад сами найдёте.

А чтоб идти вперёд, одолевая Страх,
Вам Образ своего Пути вверяю.

Отражение его вы найдёте на страницах моих книг и сайта – начиная с юношеских стихов и заканчивая мощными и сочными аккордами подлинного «литературного» шедевра «Сердце».

Сейчас я там – на последних его страницах – где обрывается повествование моё.

И надо идти дальше.

Стихи /1970 – 1990/

Звонко Месяц сыплет Свет
На мои семнадцать лет.
Спорит с Вечностью букет
Из Космических монет.

* * *

Милый Месяц, это ты ли
Расстелил по речке крылья?
И игриво над водой
Светишь млечной головой.

* * *

В поле Ночном метель метёт,
В поле Ночном миндаль цветёт.
Ветер свирепую чушь несёт,
Одинокая горлица гнёздышко вьёт.

* * *

Кто возвысит, кто унизит...
Разве от Луны зависит? –
Девой белоснежной зачаровывать
Или Ведьмой бледной заколдовывать.

* * *

Звёздочка заблудшая,
Ты подружка лучшая.
Что, любовь-распутница,
Ты теперь мне спутница?

* * *

Мчится ветер по пустынной улице,
Лик Луны во мраке хмурится.
Одиноко маленькой распутнице –
В эту ночь Мечта не сбудется.

* * *

Мне под пальмовым покровом,
Александр – Саныч-Сан,
Нравилось, когда штормило,
Бороздить Бесстыдства Океан.
У туземок не ситец, а батик,
А я в этом Деле – Классик,
А ты – «Вася».

* * *

Я спросонья с Месяцем
Как-то говорил,
В котелке берестяном
Чай крутой варил.
Чай из пиалы расписной
Он охотно пил,
Свет по подоконнику

Таинственный пролил.

Чай казался в котелке

Чёрным Омутом,

Небо окаймлённое

Бледным золотом,

Был у Месяца во рту

Медный колокол,

Только говорил со мной

Тихим шёпотом.

Взгляд у месяца молочный,

Огонёк в глазах порочный,

Шёпот – чудо как хорош –

От него по телу дрожь...

А над пиалой облако,

Вздор... вокруг да около –

Чудеса по соннику,

Свет по подоконнику...

Облако румянится,

Словно спит красавица.
Шёпот – чудо как хорош!
От него по телу дрожь!..
Чудеса по соннику,
Я по подоконнику...
Облако румянится,
Словно спит красавица...
Я в ту Ночь неважно спал –
Месяц громко хохотал.

* * *

Я смотрю спокойными глазами –
Вдаль уходит яхта с Моими Парусами.
Пусть уходит яхта
С Моими Парусами –
Много ли мне надо под Крутыми Небесами?

—
Слышал я, какими голосами

Говорили женщины с поникшими цветами.

Слышал я...

Какими голосами...

* * *

Путник ночной, ты осторожен? –

Месяц серпом выпал из ножен.

Крадётся сквозь очи к Сердцу тому,

Которому –

Гореть одному.

* * *

В моем горле

Свила гнездо чёрная растрёпанная Птица.

И Она терзает мою гортань.

Я мог бы прогнать эту Птицу.

Но... я Её любил.

* * *

Друг мой!

Сейчас нелётная погода.

Не расправляй Сегодня крылья –
Ладья Смерти Сегодня в небе парит.

Не расправляй Сегодня крылья!

К Чёрной Земле прижмись.

Уймись!

Затаись.

Не дыши.

Замри!

И не Умри Сегодня –

Для той Ладьи.

Пробоин в ней не бывает...

Так много горечи Жизнь в тебя влила!

Быть может, только затем,

Чтоб ты написал эти строки...

Тогда спеши.

Ведь Осень уже на дворе –

Пора сочных плодов,

Жажду живых утоляющая.

И ты её утоли. И напиши:

Друг мой!

Быть может... так сильно нельзя любить?!

Нельзя Крылом Живым Чужой Звезды
касаться?!

Нельзя от Почвы так неосторожно
отрываться?!

Быть может, так –

Нельзя Любить?!

* * *

Отважный путник с открытым лицом,

Знаешь ли ты, что в Жизни почём?

– Есть Рубеж,

За который нельзя в одиночку.

Есть Рубеж,
За который нельзя вдвоём.
Есть рубеж, за которым неспешно —
Ты становишься Мудрецом.
И есть Рубеж,
За которым поспешно —
Ты становишься Подлецом...
Путник согбенный с закрытым лицом,
Понял ли ты,
Что в Жизни почём?

* * *

К чему я веду разговор
От надрыва и боли странный?
Серый день — Осенний, туманный
Застилает усталый мой взор.
К чему я веду разговор?
Может, к тому, отчего от скуки —

Рычат по ночам озлоблённые суки,
Может, к тому, о чём на цепи
Скулят разъярённые кобели?
А может, к тому,
Что над спелой нивой
Мчится кобылица с шёлковой гривой,
Увлекая хвостом за собой игриво
Жеребцов молодых,
Хмельных, ревнивых.
К чему я веду разговор
От надрыва и боли странный?
И почти готов рассмеяться
Над темой этой пространной.
Если б не день – осенний... туманный
И если б ни Жизни
Вечер Незванный.

* * *

Есть слова, которые я найду
Лишь на бегу
В священном бреду.
На ветру!
Оставьте меня – я к себе бегу!
Я лечу!
Я Стихию свою ищу.
Найду – не найду,
Найду – не найду...
Ветер!
Свищи – не свищи,
Свищи – не свищи –
Моё место в Ночи
У зажжённой Свечи.
У Свечи...
Ветер!
Гаси – не гаси,
Гаси – не гаси –

Моё место в Ночи
У погасшей Свечи.
И у погасшей Свечи...
В Ночи
Моё Место.

* * *

Там, где розовый утёс
В голубом тумане,
Там разгуливает пёс
С кукишем в кармане.

* * *

Отчего ты печальная
Моя дорожка случайная –
По которой иду, по которой гряду,
По которой уйду?

Пролетело Времечко,
Не пожалею темечко
И ударю весело
В малиновый набат.

* * *

Почему брови хмурятся?
Почему пустынны улицы? —
Не могу быть старым матёрым псом,
Что учтивости учится...
Я подамся в бега длинные,
Где мгла встретит бездонная,
Где пуля настигнет звонкая,
Оконное треснет стекло...
И пусть глаза изумлённые
На меня пялятся
Или не пялятся,
Если вопль из горла тянется —

То там и останется...

И потому пустынные улицы,

Как гнездо зимнее горлицы –

Не могу быть старым матёрым псом,

Что хвостом вилять учится.

* * *

На Жизни корриде – разгорячённый Бык,

Я из котла Смерти –

Горечь лакать привык.

* * *

И на этом Пути,

Если щёлкнут капканы,

Старый матёрый волк

Не станет зализывать раны.

* * *

Дорога слабеющего путника обвивает и
душит.

* * *

Долговязый, в рыжей шапке,
Я Печаль ношу в охапке.

Для чего? –

Не знаю сам...

Разбросаю по Стихам.

* * *

Сказка

Вышла на крылечко

Белая Овечка.

С дивным даром речи –

Всюду Волчьи встречи.

Ах! Какая встреча! –

Волк с зажжённой свечкой.

Сгорбленный, побитый,

И не шибко сытый.

– Гость прошенный желанный,

Мой серый, долгожданный!

Какие нынче зимы –

Совсем невыносимы!

Но стол уже накрытый,

Бокал шипит налитый –

Отрадная картина!

Не проходить же мимо...

– Милая, я слаб и стар

От редющих Отар.

У меня последний жар.

Мой единственный вам дар –

Мой прозрения удар,

Мой презрения угар.

– Ну что ты, согбенный,

Видно, от жару

Выпил ты в ночь не того отвару.

– Мутная пена, Горький Отвар.

Все пили вместе – и молод и стар.

Пили годами жёлтыми ртами,

Когда исцелимся – не знаем сами.

Благо – нынче пустой оскал.

Я Дорогу к Храму долго искал.

Я Дорогу к Сердцу жертвы искал.

Я на Путь Праведный твёрдо встал.

– Но как же Пастух без покорных Отар?

Но как же Пастух без покорных Отар? –

Не так уж, милый, ещё ты стар!

– И Волки были Пастухами,

И Бараны были Пастухами.

Теперь каждый себе –

И Волк, и Баран, и Пастух.

– У меня захватывает Дух!

– Клянусь – у меня пустой оскал.
Я Дорогу к Сердцу твоему искал...

Всплакнула на крылечке
Наивная Овечка –
Что теперь дар речи?
Как без Волчьей Встречи?

* * *

– Почему Жизнь нам грезится в Мире этом?
– Потому, что Господь родился Поэтом.
Потому, что кто-то, пленённый Рассветом,
Умрёт от Холода знойным Летом.

* * *

Входят люди во Храм и из Храма выходят.
И никто там не пребывает Вечно.

* * *

С клювом соколиным – соловьём не петь,
На крылах павлиньих – вдаль не улететь.

* * *

Блин, болото, балалайка,
Если можешь, отгадай-ка:
Почему у носорога бля
Бревенчатая майка?

* * *

Кому эта Жизнь на Небесах адресована? –
На полосатом матрасе второпях нарисована.

* * *

Если б знал я, как Прекрасен этот Мир,
Высморкался бы Хамелеону прямо в рожу.
Оценил бы я размазанный Плевок

Бисера и жемчуга дороже.

* * *

В веночке из ивовых прутьев
Заглянул я в крохотный дворик,
Где надменно Мнимая Речка течёт.
Где смешной косоглазый японец,
Созерцая лавину Мгновений,
Как пузатый баул, бесстыдно речёт:
– Мгновение – как бородавка.
Смиришься – превратится в прыщ.
Расковыряешь – брызнет гной –
Отождестви его с собой.
Вся Жизнь – лишь мелкая Канавка,
Внутри которой плещется
Смешная Бородавка.

* * *

Если Солнце станет Ниже,
Вол Святое Пламя слижет.

* * *

Где-то Правда роится, а где-то Ложь.

Ну и что ж?

В поле, сотканном из росинок,

Колосится духмяная рожь.

Ну и что ж?

Я пылинка, и я плевок.

Я былинка, и я комок

Из слюны уссурийского Тигра,

Что метит словесный поток.

Вот – Кентавр отрывается от скалы,

Моя Жизнь уносится в пропасть.

Рвут копыта прозрачную плоть,

Крутит Мельница стройную лопасть.

Я пылинка, и я плевок.

Я былинка, и я комок
Из слюны уссурийского Тигра,
Что метит словесный поток.
Я был очень когда-то встревожен –
Мне привиделась жуткая Рожа.
Но я не прятал глаза.
И, изумлённо, она улыбнулась мне.
И с тех пор я влюблён в Свиное Рыло,
В Бородавки на коже Шершавой,
В смех до слезы в глазнице Лукавой
И в Распутстве клеймёную Дрожь.
В поле, сотканном из Смешинок,
Колосится Бесстыдная Ложь.
Ну и что ж?
Я пылинка, и я плевок.
Я былинка, и я комок
Из слюны уссурийского Тигра,
Что метит словесный поток.

* * *

Длится, тянется томная Ночь –
Сонной Вселенной любимая дочь.
В сумрачном свете Небесных Светил
Кто-то в молитве словно застыл.

Зачарованный путник на шатком мосту,
Падай в воду – в Луны пустоту! –
Познаешь Пучины коварную глубину,
Познаешь Жизни Обратную Сторону.

Там... где светится сонная мель,
Резвится, искрится ночная форель.
А под ногами, как грозный сель,
Двигается Звёздная Карусель.

Зачарованный путник на гиблом мосту,

Луна освещает твою Пустоту.

* * *

Истины все из Тумана
У Христа и у Брахмана.
Из раскрытого Корана
Корчит рожы обезьяна.
Истина – звучит красиво.
Одолжил бы из архива.
Заглянул – какое диво! –
Червь грызёт её лениво.

* * *

Грохот в Каменном углу –
Тупость прячется в иглу.

* * *

Иссушили пески Золотые Виски –

Золотые Виски – в Золотые Пески.

* * *

Сосуд Жизни дал течь, и пролились Стихи.

* * *

Глаза старого Охотника такие же,
Как у подстреленной им добычи.

* * *

Подарю арбу арабу, если он проглотит жабу.

* * *

Моё брэнное Чёрное Я,
Мы летим друг другу навстречу.
Ты на чёрном, а Я на белом коне.
Мы столкнёмся в Космическом Зеркале,
Упадём.

И протянем друг другу руки...

Но не будет ни Нас,

Ни руки.

* * *

Я сегодня в Астрале опасном.

Я – ветреный день

Под растрёпанным Черным Крылом.

Я – дамасская бритва в полёте страстном,

В Сердце Вселенной стучусь кулаком.

Я раскрытия Тайн жажду!

Не хочу повторять дважды.

Был я как все однажды.

Утолите мою Жажду!

Я хочу на Мирском Постаменте

Сыграть на том инструменте,

Что Гармонию Миру являет

И Познанию Границы вменяет.

И тогда... я – Бездонный Омут!

В меня стекаются Реки.

В меня впадает Вечность...

Мои замыкаются Веки.

И тогда мои пальцы

Как к Свету Луны

Прикасаются к телу

Тончайшей Струны.

И тогда – я замираю от Страх!

Замерзаю от Страх,

Умираю от Страх!.. тогда...

И тогда...

Я не Бездонный Омут,

В меня не стекаются Реки.

В меня не впадает Вечность,

Мертвы мои Веки.

И я вязну в Мутной Трясине,

В чьей-то злобной Мысли тону...

Удава Смерти над горлом рву!
Или Струну... (?) Сатану... (?)
И...

Мне в Чёрном Пламени мнится,
Что Белая Птица летит над водой,
В жгучем пламени – милые Лица...
Белая Птица, возьми с собой!
Свет!

Поднимаю тяжёлые веки...
В Мрачном Огне я озяб и продрог.
Как напоённые вешние Реки
Я ощутил Запретный Порог.

Завтра – буду Чистым.
Завтра – буду Ясным.
Утомлённый Дальною
Растоплю Озноб.
И под вечер дивный,

И под вечер красный –
Брошусь упоённо
В розовый сугроб.

* * *

В этом Мире – Безумном и Правильном
Кто-то Заблудший, а кто-то Праведный.
Кто Заблудший? А кто Праведный?
Кто Заблудший, тот и Праведный.

А Ворон сидит на сухом суку
И мечтает о Падали в Гнилом Соку.
И оттого, что Душой не кривит,
Голодная Смерть ему не грозит.

А в Небе малая Птица вьётся.
Она о Гнезде своём Бедном печётся.
Но кровь прольётся,

И Жизнь оборвётся,
И Сытостью в Чреве тугом отзовется.

В этом Мире – Безумном и Правильном –
Кто Заблудший? А кто Праведный?

* * *

Жизнь и Вдохновение –
Свободное парение.
Одно крыло – Прозрение,
Другое – Подозрение,
Где Высота – Прозрение,
А Глубина – Сомнение.

И с Высоты Парения,
И с Глубины Падения –
Всё Заблуждение!
И в нём Спасение.

* * *

А у окна Она – бирюзовая нежная,
А за Окном Клён – налитый вешний.
А у окна Она – изумрудная ленная,
А за Окном Клён – голова пенная.
Но у окна Она – золотая не взятая,
Но за Окном Клён – Душа распятая.
И у окна Она – зимняя бледная,
И за Окном Клён – холодный бедный.

* * *

Всё есть, и ничего нету –
Небо, поле, золотые цветы...
Синеглазая девушка в белой накидке
Улыбнулась теченью прозрачной воды.
Закрываю глаза, чтобы лучше видеть –
Небо, поле, золотые цветы...

Всё закружилось под синим взглядом
Белоснежной Наивной Мечты.

Мне показалось – в этом взгляде
Сейчас отразятся мои черты,
Но отразились в синем взгляде –
Небо, поле, золотые цветы.

* * *

Как я смеюсь!

Но обольюсь слезами.

Мгновений тихий перезвон

В морщинках под глазами.

* * *

По заснеженной улице знойным летом

Бежит старый клён немного с приветом.

Бежит без оглядки за Девой-Весной –

За несбывшейся Сладкой и Горькой Мечтой.

Мастерская /1995 – 2000/

Художник

Что есть человек, стоящий перед чистым холстом,

С палитрой в одной руке, с кистью в другой?

Чего хочет он? К чему стремится?

Задаётся ли вопросом: кто он, где и почему?

Если речь обо мне,

То эти вопросы для меня ключевые.

Да будет этот белый холст зеркалом для меня!

Себя хочу я в нём увидеть.

Себя и весь Мир!

Но не снаружи. Снаружи нет. Изнутри!

На изнанку всего сущего я хочу посмотреть,

—
Посмотреть из-под ресниц, дрожащих...

И я выплёскиваю краски на холст.

И смотрю –

Как из-под шпателя, из-под кисти,

Мои эмоции наполняют поверхность

Этого странного зеркала.

Но этого мало. Я больше видеть хочу!

И тогда я рисую то, чего не знал, не видел
никогда.

Как будто не знал... Не видел... Не я рисую.

Но... кто тогда рисует моей рукой этот
образ?

Столь странный.

Столь непохожий ни на кого.

Может быть, на меня похожий?

Изнутри.

Как я и задумал. Не знал я...

Много чего я тогда не знал.

Но у меня появилась картина.

Картина, к которой я мог подойти...

Вглядеться в неё

И задать вопрос:

«Кто я? И Кто ты – изображённый?»

И возникало чувство тогда, что смотрю я в зеркало.

И прозреваю.

Медленно. Постепенно. Прозреваю.

«Это мой автопортрет», – говорил я.

Но кто всерьёз мог это принять?

«А интеллекта «себе» ты не мог бы добавить?» –

Я слышал в ответ.

И не мог добавить.

Потом картина приобрела своё название,

Была дважды переписана,

И теперь имеет вид незаконченной работы.

Превосходно!

Это именно то, что мне надо.

Падение Икара

Бывает радость беспричинной?

Если не думать о ней, – так и бывает.

И я бегу... Лечу! –

Лечу в прохладе дня –

Снежного... мрачного.

Но мне то что? – нрав у меня весёлый,
буйный.

И меня переполняет радость.

Шальная!

Нет... Это не я.

Такое не часто со мной бывает.

Я бегу, задеваю прохожих.

Шучу, смеюсь, спешу.

Спешу в свою тесную мастерскую,

Чтоб поскорее кинуть на мольберт

Самый большой подрамник

И начать картину.

И вот – я уже за работой.

И на холсте уже что-то.

Но что? Не знаю.

Заодно сочиняю стихи,

Декламирую с пафосом их...

Записываю на клочках бумаги.

И даже пытаюсь пропеть –

Торжественно. И по возможности басом.

Но какой я певец? Ну, просто смешно.

А потом – я смеюсь над тем, что у меня на холсте.

А на холсте – «Падение Икара».

Где б таким создал я его, если бы знал, что пишу?

Ох! И физиономия у персонажа!

Но она нравится мне.

А кенгуру на заднем плане?!

Заняты чем!

Бьюсь об заклад – так всё и было.

Или бывает. Или... вне всяких сомнений,

Ждёт меня впереди.

Эх! Проникнуть бы в смысл шедевра!

Но как?

Сколько времени это займёт?

Ясно одно лишь – время этого стоит.

Да, сто́ит!

И ведь не скучно?

О, нет!

Казанова

Чем больше шельма, тем лучше художник.

Картина не делается – она получается.

Так я всегда полагал, приступая к новой работе.

И работал неистово.

Нестеснённый ничем.

Знал я, что никто не работает так.

И что живопись – это другое.

Но не проблемы её я решал,

А свои – своего Понимания Мира,

Средствами, выбранными произвольно.

Изображение – одно из этих средств.

И к цели своей шёл я страстно –

Как мальчишкой когда-то

Разбивал вдребезги камни, работая

каменотёсом.

Так нравилось это мне!

Но... работа у художника иная:

Собрать из осколков бытия Новое Нечто,

Говорящее на языке искусства.

Собрать что?

Образ, конечно.

После Художника и Икара
Таким образом моим стал образ Казановы –
Так я назвал его,
Хотя к Джакомо имеет он лишь косвенное
отношение:

Своеобычный варвар на моей картине,
При всём своём завидном естестве –
Герой мифов иных.
Хотя формула обаяния его – всё та же:
Ничто больше его не украшает,
Чем плохо маскированная жажда обольстить.
Возможно, потому, что она безобидна.
И трогательна даже... Примитивна?
Возможно. Впрочем,
Казанова не спешит с тайной своей
расстаться.

Оборотень

Как темно! Как пусто в душе после этого
Взрыва!

Они пересеклись, столкнулись...
Взорвались! –

Любовь, жалость, протест, жажда борьбы...

Я в зеркало глянул –

И не увидел там Взрыва.

Взрыв где?

И...

Я кидаю на мольберт подрамник... Пишу...

Неистово пишу!

Не зная что. Не думая об этом. Хотя...

Но вот – уже вся моя страсть и сила

Отданы Ему –

Моему Зеркалу – холсту.

А у меня... нет ничего.

Но у меня картина:

«Оборотень».

Так я назвал её.

Знаю, что правильно назвал.

Всё остальное знание моё – туманно.

На моей выставке

В центре внимания был Он.

В роли Калигулы.

И роль свою сыграл блестяще.

И блестяще... сыграл он роль свою в жизни
моей.

Но.

Много лет спустя

Я захотел взглянуть на Оборотня снова.

И взглянул.

И встретились тогда мы безмятежными...
глубокими, –

Как вся Вселенная, глазами...

И я услышал то, что он сказал мне взглядом:

«Мне пора».

И мы расстались.

Этой картины больше нет.

Но знаю я, что встретимся мы непременно.

Точно знаю.

И встречи этой жду.

Люцифер

Где ты? – лучшая пора моей жизни! Где?

Чтоб тебя не узнал я?!

Ведь был же я счастлив тогда!

И не на картины,

Не на поиск ответов на мириады вопросов,

Тратил силы свои. Почти все силы.

Но именно тогда, уверенной твёрдой рукой,

Я создал образ, который удивил меня больше
всего.

Люцифер!

Я не помню, как сотворил тебя. Как узнал.

Ты сам как будто вошёл в дом мой без стука,

Когда меньше всего тебя ждал...

Ты вошёл... улыбнулся...

И застыл на холсте моём в позе
красноречивой.

Но в красноречии сам – никогда не был
замечен.

Этого... требовал ты от меня.

И я рассказал тебе всё, что знал.

О тебе. О себе. И обо всём на Свете.

Что знал. Сам не знаю откуда.

Совсем не то, что знают другие. Совсем не
то...

Но зачем тебе это?

Знаю. Это экзамен.

Люцифер...

Ты не напрягал меня появлением своим –

Не забирал на то моих сил больше, чем надо.
И мой первый экзамен... ты принял.
Знаю, что принял.
И знаю, что это первый экзамен.
И ты...
Проявил обо мне заботу.

Африканец, Африканка

Похожа ли память на ворона? –
Чёрной стрелой летящего низко,
Среди деревьев холодных, заснеженных,
зимних?

Похожа ли память на жёлтые искры
В зелёных глазах хищной птицы?
На искры в мерцающих, жаждущих жертвы
глазах?

Холодно...

Как холодно в синем зимнем лесу!

В объятиях ночи безлунной.

В пасти лютого страха... ледящего душу
живую.

Взрывоопасную.

Ха! Взорвалась в небе Луна!

Африканская золотая Луна.

О, искры!.. Зелёные. Жёлтые. Красные.

О, испепеляющие огни!

Чьи эти странные тени? –

Страстные тени,

Ликующие в тропической знойной ночи –

Под звуки музыки жизни пьянящей.

Откуда эти огни

В Сердце ворона замерзающем?

В ритме последнем...

Крике прощальном –

В холодной и мрачной

Лесной глуши.

Амазонки

О, храм несокрушимый памяти моей!

Под сводами твоими Солнце светит из
преодолённой дали.

И я пронизан Памяти лучами,

Как стрелами пронизан римский воин
Себастьян.

Стрелами добрыми пронизан я и злыми...

Стрелами, уносящими на неизведанную
высоту.

Где скоротечна высь,

Как жизнь в полную силу!

О, аромат талой воды! – холодной, свежей,
вешней...

Куда меня уносишь ты?

Я помню...

Несёшь меня в кроны деревьев цветущих –

В голубизну бездонную Небес – далёких.

В долину многоцветия и торжества
блаженства.

Но от чего Душе так больно?

Разве быть может больно от Красоты?

Да.

От Красоты быть может больно! –

Не созданной ею ещё...

Но что она может?

Она... – что не больше шмеля,

Цветы опыляющего.

Она...

Должна создать красоту?

Да! – человеческими руками.

Как?

Из чего?

Из того, чего нет?

Возможно...

И невозможно...

И под рукой нет ничего.

Ха! Не беда. Я создам Красоту

Из «ничего» —

Из обрывков холстов, мешков рваных,

Материалов, ни для чего непригодных.

Сздам!

И создал ведь.

Создал!

И шмель выпил каплю нектара...

Из Живого Цветка —

Земного.

Ку-ку

Эй! Тут есть кто-нибудь?

Эй!

Три месяца здесь пыль столбом стояла,
Рычал, лаял, зубами лязгал лютый зверь.

А что теперь?

Какая-то взлохмаченная кошка жалобно
мяукнула из-под коряги,

И – в Астрал! –

Словно душа, Дьяволом уносимая в тенёта
Ада.

И это всё... что от Кобеля ожесточённого
осталось?

Всё?

Ау-у-у-у-у... Дружище Зэ-Дóй, где вы?

Но в ответ лишь эхо цитирует друга:

– Стой! – куда?! А ну вернись!

Вернись, сволочь! Ко мне! И-ди сю-да.

Во падла! Мразь... Убью!

Иди сю-да...

На – на – на, фью, фффью – фу ты, черт!

Где ты там? Блядина!

Ах, сэр Зэ-Дой, сэр Зэ-Дой,

Какие времена канули в лету!

Как прытко разглагольствовали вы тогда!

Как шлифовали острые детали нашей
встречи –

Как их точили, шлифовали, пудрили,

Одеколоном поливали!

Ай-ай... Ай. ай...

С таксами вкупе.

А как дошло до Дела... Что? О грустном ни
гу-гу?

Ну хорошо.

А кстати, вы любите клюкву?

Откуда здесь её столько? Скормить бы кому?

Так вы любите клюкву, Зэ-Дой?

Бескорыстной заботой о вас сей вопрос обусловлен –

Интересом гуманитарным.

Ну. Выдайте тайну! –

Тайну гастрономических приоритетов ваших.

Ну!

Не умирать же дураком мне здесь – в этих чащобах.

Ах! – эти коварные болота, пустыри,

Шаткие кочки с ожерельями брусники, клюквы...

Кислятина, конечно. Волку ни к чему.

Но можно же и зубра завалить здесь, вепря, лося...

Ау-у-у-у-у... Вы слышите меня, Зэ-Дой?

Но.

В ответ раздаётся голос свиньи...

Везение какое! – Фарт.

Ох, если б не этот инстинкт –

Зов охотника – неистребимый!

Бегу!

Словно лечу с кочки на кочку... В трясине
вязну...

Нет. Снова бегу.

Дружище Зэ-Дой!

Сей кабан – не будет моим первым трофеем
на этих просторах.

Жирный Кабан! Не первый.

На территории щедро помеченной вами.

Ах, сколько костей здесь белёсых из топей
торчат!

Как радостно бежать на голос жертвы!

Простите мне и эту шалость, мой
Великодушный Друг.

На вашем пустыре – где ни Путан, ни
фонарей ночных.

Но!

Вместо вепря за кустами... – ветвистые
роскошные рога.

Рога такие Логика лишь наставляет.

За кем же я бегу?

Зэ-Дой!

Ещё два шага – и – лечу! – падаю в Волчью
Яму! –

В ловушку, вырытую вами для меня, мой
драгоценный друг.

И там – оттуда – из неё – глубокой, тёмной и
сырой,

Смотрю навверх: что будет?

А там – откуда свет струится малый – лишь
Рога... Рога... Рога.

И, наконец, – улыбчивый ваш лик! –

Сияющий ваш Лик, Зэ-Дóй! Ваш Лик
счастливей!

И ваше умилённое:

– Ку-ку.

Нежно-зловещее «Ку-ку» из ваших уст,
собранных в трубку.

И! Бритвы блеск, – сверкающий, – опасный.

– Ку-ку.

– Ку-ку.

Но длинные рога, торчащие из лобной кости

И любопытство,

Инструмент и аргументы ваши –

На много тяжелее вас,

Бесценный Кладезь мой Свирепого
Коварства.

И вы! – летите вниз вперёд рогами!!!

Рогами вашими, в которых средоточие
шестого чувства –

Чувства фантомного и обезбашенного
Ирреала.

И вы летите в Хиатус! В Зиянье! В Мекку!

Что вне пределов Ойкумены.

Что для крутого непредубеждённого ума.

Где Я.

Где Я, мой друг!

В одной из своих дико «толерантных»
ипостасей.

Сабля /2003/

Я странник ночной
В изумрудном хмельном Океане.
В горящей ладье
С раскалённым веслом в неслабой руке,
С охмелевшей Луной чуть повыше правой
брови.

И глаза мои видят то,
Что живому не должно видеть:
Что всё – ЖИВОЕ вокруг,
А я – почти неживой.

Свирепо и сонно скользит ладья моя верная
вместе со мной,

И жизни моей река под килем её ускользает
В пучине таинственной и бездонной,
Как кажется мне, – с изумрудным Солнцем –
Там – в глубине.

Блаженно. Дивно. И страшно.

Но... быстро.

Едва слышна волна,
Что с плеском разбивается о незнакомый
берег.

И я как будто просыпаюсь ото сна.

И что ж?

Моя свирепая ладья растерянно и тупо,
Как обезумевший осётр,
Тычется в непреодолимую песчаную
преграду.

Как чёрный обезумевший осётр.

Меня укачивает,

И я снова будто засыпаю.

Но отмель светится и «зубоскалит»,

И...

Я бью веслом насмешливой волне
прибрежной!

Нет, – говорю, – это не берег – это бездонная
трясина –

Её коварству нечего мне противопоставить!

И я сжимаю тонкое весло,

Как воин сжимает рукоять кинжала,

И бью им в чёрную разинутую Топь

В пасти необозримой Океана.

И Океан вздыхает.

Бросает мою лодку в жернова волны
вскипевшей.

И...

Борюсь я с Океаном!

Но.

Хрустит весло в моих руках. Трещит...

И уступает тяжести волны бурлящей.

Верное... Моё весло живое... уступает.

И уступает разъярённая волна.

Поспешно умолкает. Ускользает. Исчезает.

И нет в руке моей весла.

А в лодке щурится пробоина немая.

И будто нехотя вода в неё приходит.

И тогда я замечаю, как стало темно!

Замечаю, как стало пусто!

В небе не вижу Луны.

Ничего не вижу.

Нет, вижу!

Вижу кривую опасную Саблю –

Саблю согбенного старца,

Бегущего среди пылающих Звёзд,

С Месяцем в фазе последней,

Как саблей, размахивающего.

И...

Вонзается сабля кривая в левое око моё!

Потом только Тьма. Тишина.

Тихо струится густая тёплая кровь

По щеке моей и губам.

И сочится вода из пробоины в лодке.

А вместе с тем вяжет во рту незлобный
вопрос:

Кто враг тот, на кого я не смею поднять руки?

И я осмеливаюсь поднять на него глаза.

Вспомнить пытаюсь...

Пытаюсь вспомнить его!

И... не могу.

Прибита к берегу лодка.

Пора.

Последний раз края её сжимаю –

Хочу тепла побольше ей оставить,

Выжать из оцепеневших рук.

Потом на берег выхожу.

И ухожу.

Теперь идти и не оглядываться, – говорю.

Делаю шаг. Ещё...

И...

Боль в груди становится невыносимой.

Нет! – кричу. Оглядываюсь. И смотрю.

Смотрю ей в глаза – в глаза своей чёрной ладье.

И...

Её вижу!

Вижу, как чёрный осётр

Тщетно пытается выплыть на берег –

Беспомощно... осиротело... обречённо.

Бегу ему навстречу

Падаю.

Тянусь к нему руками.

Но. Быстрее он.

Ещё мгновение-другое смотрит на меня

Печальными не осетровыми глазами,

Вздыхает... Разворачивается...

И исчезает.

А я кричу – голос срываю:

«Я никогда ничего

Не забываю!»

Горечь глотаю... Запоминаю...

И снова всплывает осётр.

Снова глаза его верные вижу,

И снова они исчезают во тьме.

Нехотя. Исчезают.

Всё. Мы расстались.

Надолго?.. Не знаю. Но не навсегда.

И знаю: не под килем ладьи

Теперь истекать мгновеньям моим,

А быть отмеренными им –

Моими босыми стопами.

Ещё долго стою в прозрачной холодной воде.

Не замерзаю.

И знаю, чьё тепло замёрзнуть мне не даёт.

И, думая об этом... греюсь.

Успокаиваюсь. Затихаю. Оживаю.

И не знаю: потерял я... или нашёл.

Не знаю.

Потом... руку тяну к рассечённому глазу...

Смотрю им.

И вокруг ничего не вижу.

Вижу только внутри.

Вижу Месяца свет...

Но не знаю, что проку мне в нём.

И снова не знаю: потерял я, или нашёл.

А вода чистая –

Плещется, льётся, журчит.

Как будто смеётся. Хохочет.

Мне не до смеха.

Но небесные искры в воде умоляют,
Просят меня разгадать их нехитрую тайну:
Найти источник смешинок алмазных в воде.
Смотрю в звёздную ввысь...
И вижу полоску Месяца там молодого,
Прогнувшуюся в небе от смеха.
Но от чего веселие это? – незрелого,
Почти зелёного стручка на мантии
помпезной небосвода?

И тогда... лимонный свет скользит по моим
очам,

Улыбка скользит по моим устам –
Словно Месяц скользит по чертополоху
Звёзд.

И из груди моей вырываются звуки глухие,
Вторят колоколам наверху.

И с Месяцем вместе смеюсь я.

И словно лечу! –
Под купола небес...

Потом...

Всплески воды... К моим ногам прибито
нечто.

Нагибаюсь... поднимаю из воды весло.

Луч свет по нему скользит...

И нет в моих руках весла.

В них посох.

Всё. Теперь идти.

Но. Тогда... Я

Изо всех сил вглядываюсь в бездонную Даль

И кричу Небу и Океану:

– Я никогда! ничего не забываю!!!

Кричу это в прошлое.

Поворачиваюсь. Иду...

И произношу это в будущее!

И слышу, как содрогаются Звёзды в ответ —
Звёзды во мне. И во Вселенной.

Умножает эхо слова.

И они — цементируют
Мироздание.

В белой овчине морского тумана, куда и как
долго иду я — не знаю.

Усталость велит мне уняться.

И впрямь — идти иль стоять на месте — не всё
ли равно,

Если дальше вытянутой руки всё равно не
видать.

Да и сумерек колокол сонный настойчиво
бьёт по вискам.

И тогда — я смотрю на землю — ложе хладное
для ночлега.

Что верно, то верно — тут отдых не к месту.

Хотя ко времени, безусловно, да.

Ещё незадача! –

Сама гроза Пустыни взирает с земли на меня

–

Глазами скорпиона изумрудными,
светящимися изнутри.

Притом тварь эта, водрузившая себя на
белоснежный трон,

Сон утоляющей благоухающей овчины,
ретироваться не спешит,

И только хладно глаз мой уцелевший
созерцает.

Потом с достоинством неспешно отступает,

Поджимает золотое жало. Уступает...

Ночь. Сон... Почти неслышный шёпот
облаков отар.

Едино всё – Небесное, Земное. Всё – что
мнимо и что зримо:

Изумрудное Солнце на дне Океана, Ладья,
Глаза скорпиона, светящиеся изнутри.

Утро.

Туман неподвижный.

Звон колокола из поднебесных высот.

Потом какие-то невнятные, под стать
кошмару, звуки, скрежет.

Будто зудящая, саднящая возня во вшивом
кожухе тумана –

Хихиканье гиен,

Лай племени безродного шакалов.

И надвигается эта лавина.

Эх! – до чего некстати.

Что ж? Испугом не возьмёшь –

Овечьей шкурой разве что пожертвовать
придётся.

А посох. Ему крещение боевое в самый раз.

Но отчего вдруг паника во вражеском
многоголосом стане?

Как можно спешно так сменить
воинственность на страх?

И подступающие острые клыки
В миг развернуть, сомкнуть и уносить куда
попало.

Я полагал – так рассыпается только горох из
старого горшка,

Если разбить его одним ударом.

Должно быть, ошибался я.

Однако так залюбовался этой сценой,

Что упустил немаловажную деталь –

Сопровождало действие это – какое-то
ленивое рычанье.

И вот – с клубами падающей пыли,

Лениво затихает и самодовольный этот рык.

Что ж... тогда –

Пора и мне почтить видом своей спины лихое
удирающее стадо

И озадачиться вопросом:

– С кем же оставили меня эти зело
воинственные твари,

Спешно несущие хвосты свои за горизонт?

И поворачиваю голову я, и смотрю:

Тигр... Рык. Зевок. Да – тигр.

Глаза прищурены. Понять чего – и не
подумай!

Какая-то кошачья хитрость.

К земле прильнул.

Рычит. Приподнимается. Глаза отводит.

Как будто спрашивает одобренья.

Могуществен. Красив и совершенен.

Ладно...

Он понял, что я понял.

Глаза отводит снова...

Потом... взор устремляя на меня, их открывает.

И смотрит мне в глаза пытливо.

Смотрю и я.

И всматриваюсь в жёлтые тигриные глаза.

И вспоминаю... Вспоминаю...

Узнаю! Их узнаю!

И вырывается из глаз моих поток горячий...

А тигр становится на задни лапы...

Отпрыгивает. Отбегает. Подбегает.

И глаза его смеются... Убегают...

А я вижу, –

Вижу, как взрывается во мне скала.

Взрывается твердыня! –

Хранительница искры памяти моей – одной лишь искры.

Рушится скала

И пылью оседает среди скал.

И знаю я,

Чья ипостась со мною поравнялась на пути.

И знаю, чей дух в лукавом омуте тигриных

глаз

Напомнил о себе и путь мне указал –

Год Тигра, а созвездье Скорпиона.

Беру овчину белоснежную его,

Накидываю на крутые плечи

И на тигриную тропу ступаю.

По ней – не торопясь иду.

Опалённая Солнцем пустынная местность.

Деревья редки и растений не много.

Зелёное небо... лиловые и розовые облака.

Отражение Солнца от скал и песка.

Жмурю глаза.

Нет, не тигриные... и не скорпионьи они у
меня.

Почему-то улыбка скользит по моим губам.

Шаг замедляю...

И вижу:

Среди Пустыни... среди скал сизых –

Мельница Ветряная.

Но рассмотреть её не успеваю –

Навстречу мне хозяин её – сын мельника.

Я помню. Знаю.

Уверенно идёт... и не спеша.

Сияет весь.

И несерьёзное лукавство у него в глазах...

Потом мы пальцами впиваемся друг другу в
плечи,

Бьёмся лбами...

И расступаемся...

Хмелеем от силы удара,

И смеёмся.

Рычим, от удовольствия покачивая головами.

Улыбаемся, ни слова не произнося.

Идём.

Восходим на террасу, на которой Мельница
стоит.

Подходим ближе.

И на краю стоим обрыва.

И то, что видим мы – захватывает дух:

Под крутизной сияет Солнцем раскалённая
долина,

Золотом расплавленным залитая и серебром.

В ней гибельный ландшафт зияет.

И подступает... Наступает.

Огненный. Живой ландшафт.

Чарующий. Торжественный. И гиблый.

Лунный ландшафт?

Живой. Очаровательный. И жуткий.

А на краю обрыва – два огромных валуна.
Тень на одном от крыльев ветряка,
А на другом – лишь блёстки от полуденного
Солнца.

Мы переглядываемся и занимаем каждый
своё место.

Я в тени, сын мельника – на солнцепёке.

И вот – парят два трона каменных над
гибельным обрывом,

И самозванных властелина два торжественно
хранят молчанье.

Звон колокола из высот небесных –

Как одобрение тому, что церемониал
окончен.

Тогда наигранно многозначительно хватаюсь
я за голову,

Показывая, что забыл о чём-то очень важном.

Снимаю с плеч овчину

И усаживаюсь на неё.

Приятель мой в свою укутывается ещё
сильней,

И театральным жестом

Сетует на слабость солнечных лучей.

Потом вдыхает долго и гурманно
раскалённый воздух,

А выдыхая, такую строит сложную гримасу,

Что остаётся только звонко рассмеяться мне.

И оба мы смеёмся, говорим... И говорим,

И заговариваемся, как дети:

– Я точно это уже где-то слышал.

– И эту сцену вижу я не в первый раз.

– В тот раз она не удалась. Но... то было на
крыше Мира.

– Она поехала у одного монаха.

– Ну! У монаха был тогда медовый месяц.

– А подспудно шёл раздел Европы.

– Ту, что монах раздел ещё и разделили?

По экватору или диагонали?

– По периметру кровати.

– Того монаха?

– И периметру его упитанных телес.

– Кому же подфартило?

– Как посмотреть.

– Ну! – с крыши Мира.

– Той, что поехала у бедного монаха?

– Мне, сударь, кажется – у вас поехала корона.

– Тогда изобразите беспокойство.

– Держите крепче жезл. Он так и норовит свалиться в пропасть.

– Язык попридержите. Иначе непременно изречёте мудрость.

– О! Не просите! Я сдержать её не в силах.

И, откинув голову назад,

Внешне и внутренне преображаясь,
Мой собеседник нараспев бормочет
непонятные рассудку словосочетанья.

И пение сие становится всё громче, громче.

Причудливой хореографии под стать,

Он приглашает жестом лицезреть,

Как извлекается из носа мудрость. Из ушей.

И он её бросает словно сеятель под небо.

А в довершение всего, смахнув рукой со лба
усталость,

Садится важно на воображаемую Знания
вершину

И поднимает от неё свой драгоценный зад на
три вершка,

Опершись между ног о «трон» могучими
руками,

Манерно растопырив пальцы и подняв
мизинец.

Как не смеялся я, но равновесия не потерял и
в пропасть не скатился.

А поразмыслить над проделкой впрямь
имело смысл.

И мы задумались.

Но колокола звон вернул нас на трамплин
полёта мысли —

На кромку тонкую обрыва — в тень мельницы
крылатой.

Да. Мельница... Что есть она?

Что мелет? На месте этом почему стоит?

Я поворачиваюсь и смотрю.

И вижу — предо мной сооруженье до небес —

Словно готический собор

В плену у разноцветных крыльев
«колесницы».

В движении она —

Плавном... неумолимом...

Так что?.. Мельница эта –

В муку дробящий сгустки время механизм?

Чем выше я смотрю, тем более захватывает
дух.

И там – в зените

Я вижу изумрудных две Звезды.

К ним медленно крадётся колесницы чёрное
крыло.

И у меня кружится голова. Слезаю с «трона».

И поворачиваюсь к другу своему.

Стоит он рядом и в серьёзности его – больше
ни грамма шутовства.

Как будто не решается сказать – как будто
взвешивает слово.

Потом решается и произносит:

– «Затмение».

И мы отходим от обрыва. И уходим от
предмета разговора.

И перед нами снова мельница – ничем особым не отмеченный ветряк.

Хотя размерами и основательностью он похож на крепость.

А от скольженья плавного прозрачных лопастей

Даже малейшего не слышно шума.

И лишь тогда я замечаю на руках приятеля следы охристой краски.

Ведь он художник... и философ, и артист...

Но... по преимуществу – художник.

И к этому клоню я разговор.

– Дружище! Что? – на этих неземных широтах

У нашего искусства тоже перспектива есть?

– Прошу тебя, не будь ханжой.

– Прошу тебя, не будь занудой –

К живому созидания огню веди меня скорей!

– Ну что ж, идём, коль скоро ты не шутишь.
О созидании заговорил ты кстати.
Когда же с головой в него уйдёшь,
Недоумение едва ли приведёт тебя в восторг.
Подходим к мельнице – массивные, тяжёлые
ворота.

Проходим в них, переступая «световой
барьер»,

И попадаем будто в ночь средь бела дня.
Но из проёмов наверху струится белый свет
И падает, и рассыпается, собравшись
воедино в центре –

В плоскости грубоватой каменного пола.
И горлицы откуда-то летят к слепящей
белизне,

Кружат... и поднимаются, и исчезают...
И не исчезают.

И вот мы в центре – там, где день.

Небрежно где разбросаны палитры, краски,
кисти,

Расставлены в широкий полукруг дубовые
мольберты.

На каждом по картине – как по ребёнку на
руках.

Смотрю... И вспоминаю.

И будто лик иной Планеты предо мной.

Я узнаю их – все картины.

От первой до последней.

И это значит – они Живы.

И их творец со мною рядом.

В воспоминаниях блуждаем мы.

Потом произношу:

– Окно отсюда в Мир Земной эти картины,

Но тайны не становится в них меньше.

А ключ к разгадке где?

И что есть тайна?

ОНА... Как женщина она?

А может быть, и женщина – раскроется, если полюбит...

Не проронив ни слова, во мрак сошёл художник

И не спеша вернулся,

Держа в руке ещё одну картину.

Когда же свет скользнул по полотну,

Увидел я на ней изображение скульптуры,

Которую тотчас же и узнал,

Однако – не подал и вида.

Рука художника слегка дрожала

И на лице его вопрос застыл.

Но промолчал я. И лицо моё не выражало ничего.

И тем отчётливей было безмолвие моё,

Чем был громopodobней колокола звон,

Среди безоблачного неба.

Задумчиво и молча миновали мы
«пространство тьмы» до кованых ворот,

Прошли сквозь них и снова подошли к
обрыву.

А там!

Чёрные тучи над долиной — летят в
оранжевых лучах Заката!

Наэлектризованы космические дали.

Величье, Аскеза! Восхищение, Страх!

Всё надвигалось, менялось, переливалось...

Пугало и чаровало.

Голос друга прозвучал сердечно и спокойно:
— Чтоб соединять и сохранять Миры — в них
надо Жить —

Во всех без исключенья.

Об этом колокол шепнул мне «ненавязчиво»
на ухо.

Меня на мельнице всегда найдёшь.

Я о твоём приходе знать буду заранее.

Теперь, однако... прощаться нам пора. Но не
без церемоний!

Тигриные глаза смеются.

Кладём друг другу руки мы на плечи.

Встречаемся глазами...

Потом расходимся к своим громадным
валунам,

Взбираемся на них,

И мой собрат по разуму мне дарит зрелище
такого сорта:

Становится спиной к обрыву,

И с лукавством озорным в глазах,

Отталкивается ногами от своего «трона»,

Проделывает сальто через спину

И летит, смеясь, под каменный утёс.

Кричит:

– Теперь я в этом Мире не оди-и-и-н!

Уносится стремительно и исчезает.

А я, как зачарованный, стою –

Не в силах оторвать свой взор от вдруг
ожившего ландшафта:

В движение приходит всё – и свет, и цвет. И
облака, и скалы.

И колокол гремит. Грохочет гром.

И молнии скользят, как змеи по зелёным
небесам.

Потом по синим, красным, розовым,
лиловым горам,

Расселинам, обрывам, скалам...

Уже по чёрным небесам.

Уже по лунным светом заколдованным
просторам.

Лечу в ночи на каменной вершине.

И вот – теряю и её.

И только Звёзды надо мной, и подо мной
повсюду.

Лечу в созвездии созвездий,

Разливаясь до возможного предела.

И! – застываю. Медленно парю...

Потом сжимаюсь. Убавляюсь.

Всё скорей!

Кентавром огненным лечу!

Подковами пространство режу...

И падаю! – целясь на гордую скалы вершину.

Копытами ловлю её и подминаю. И топчу.

И мчусь под гору по опасному отвесу,

Раскалывая каменные закалённые пласты.

А у подножия горы – лазурный берег водоёма

Прозрачного, как воздух озера, притихшего
среди скал.

И перед ним я словно замираю.

И будто вылетаю из седла и падаю в
хмельную воду.

Прохладой обожжённый, к берегу плыву.

А там – я сам – рысак мой верный –

Жеребец с могучим торсом человеческим и
головой лихой... горячей.

Расставив руки твердокаменные по бокам и
запрокинув голову шальную,

Смеётся дивное чудовище сие,

Хохочет и приплясывает на незнающих
усталости ногах.

И я смеюсь.

И радость наша

В бою кулачном и в борьбе находит
воплощение своё.

Но вдруг мы останавливаемся и замираем.

Отступаем.

Навстречу нам – тончайшая и грациознейшая
из созданий.

Мы снова отступаем. Но перед чем?!

Перед величественной поступью
стройнейшей ножки.

Перед изысканностью линий, форм...

И белизной наряда, и перед остротою рожек,

Перед сиянием вокруг спокойных глаз.

И это фантастическое диво – Козочка
Небесная –

Взирает на меня моими же глазами.

Вот оно что!

Моя заступница –

Царственная утончённость, деликатность,
филигранность –

Заботливо и трогательно мордочкою тянется
ко мне.

Соприкасаемся носами...

К Кентавру подошла, серьёзным подарила
взглядом,

Боднула рожками. Спокойно отошла.

Тот засмутился – ни живой, ни мёртвый.

И я смотрю растерянно. Смотрю – что будет?

«А будет то, что ничего не будет», –

Таков ответ последовал обоим нам –

Как дождь серебряный пролился.

Три метких в сторону прыжка – и видели
попутчицу такую.

А мы застыли и не можем шелохнуться.

В себя приходим погодя.

Понятливо кивая, смотрим друг на друга и –
отходим.

К озеру подходим.

За ним – вулкана снежная вершина

Красуется в глубокой синеве небес.

Тогда моё второе «я» – Кентавр – рукой
указывая на вершину,

Мгновенно исчезает.

А через миг – он там и машет мне рукой.

И исчезает.

А среди бела дня – горит в небе созвездие
моё,

Переливается алмазными лучами.

Потом внезапно исчезает.

А Кентавр – снова со мной.

Ближе подходит.

И... мы смотрим друг другу в лицо.

Мы смотрим друг другу в глаза.

И я вижу, что у Кентавра тоже глаз рассечён.

И горечь давит мне горло.

Но... зрячий глаз Кентавра смеётся –

Указывает мне на вулкан.

И вдруг! –

Из слепого глаза его вырывается молнии
жало.

Вонзается в бедный вулкан,

И взрывает его!..

Потом... кентавр руку кладёт мне на глаза

А свои закрывает.

Закрываю глаза и я.

И тогда – мы без слов понимаем друг друга.

Погружаемся в Мироздания смутные воды.

Плывём...

Тяжело нам. И мы держимся друг за друга.

Плывём над Долиной Стальных Пирамид.

В глубине Океана. В Тайне плывём.

В самом Сердце её...

На пределе – исходе сил...

И только на миг открываем глаза –

Воды лазурные озера видим...

Белоснежную козочку

С рожками тонкими, филигранными...

И на одном из них колокольчик звенит.

Нас пробуждает... звенит...

На берегу один я... А чувство полноты такое,

Какого никогда не знал:

Как будто вся Вселенная во мне тихонько
притаилась – дышит.

И зовёт.

Крутые склоны гор притягивают, призывают,
зазывают.

Пьянит великолепие ландшафта.

Но... не тороплюсь я.

Созвездие Стрельца внезапно загорается в
глубокой синеве небес.

Затем поодаль загорается другое.

И оба гаснут.

И лишь тогда – я отправляюсь в путь.

Три дня в пути я.

Под дождём, под снегом... На свирепом,
злом ветру.

Солнце и стужа волю пытаются мою.

Всё чаще в небо смотрю –

Добрый знак в нём хочу увидетьь.

Но небо пустынно – нет Звёзд в нём ни
ночью, ни днём.

И только Солнце порой жжёт нещадно.

И вот... на голову кружащей высоте – ступаю
я в ущелье между скал.

В нём поднимаюсь выше, выше.

И останавливаюсь – дальше нет пути:

По обе стороны лишь две отвесные скалы,

А впереди стена, которую не одолеть мне.

И лишь тогда на небе загорается Звезда –
одна, другая, третья –

Все мои Звёзды!

На небосводе их не счесть.

А в них Кентавра глаз сквозь молнии мерцает

—

Взрывает и дробит стену, что путь мне
преграждает —

Крушит мою неодолимую преграду...

Когда всё утихает — продолжаю путь.

И снова Звёздами усыпан небосвод —

Таинственное и далёкое созвездие

Мне сыплет на ресницы звёздный свет.

И я иду и не смотрю под ноги.

Ковёр камней сменила сочная трава.

И чудится мне:

Будто месяц — серпом плывёт в густой траве.

И подплывает. Светит. Поддевает.

Нет... не поддевает,

А прогибается в рога на голове Быка —

Чёрного – белогрудого Быка.

И дышат мне в лицо теплом влажные ноздри бычьи.

Чуткие ноздри бычьи дышат огненным космическим теплом.

И бархатные добрые глаза смотрят в лицо мне...

Отступают.

Оглядываются. Зовут. И исчезают.

И я иду по следу белогрудого Быка.

И по моим губам скользит улыбка...

Но. Вот –

Неподалёку свет от разгорающегося костра.

За ним – приземистая пагода китайская зависла над обрывом.

А на краю опасной крутизны – задумчиво и неподвижно –

Хрупкая девушка стоит.

Мила, загадочна, красива.

Лицо её повернуто к Луне – покой и нежность излучает.

Темные волосы волной спадают с плеч.

Наряд изыскан. Украшенья необычны.

Притом всё скромно, буднично и просто в ней.

И потому приятно и тепло смотреть в её глаза.

И я смотрю. И я не в силах оторваться.

Но. Она меня не видит.

Или...

И вдруг – как будто ручеек на Солнце заискрился,

И зажурчал, и воды свои хладные понёс под снежную лавину.

В одно мгновение ожила «статуэтка».

И бросилась ко мне, обняла.

Заговорила. Слышу – как будто ручеёк
ночной журчит.

И плещется, и тишины не нарушает.

Ведёт меня к костру – усаживаемся в траву
неподалёку.

Рассказывает мне, какой здесь дивный Мир,

Какие откровения ей дарят Звёзды,

Деревья, птицы, фееричные цветы.

Потом ведёт меня в свою обитель –

Мир необычных форм – космических
скульптур.

Чудесный Мир,

Увековеченный и оживлённый «китайской
статуэтки» тёплыми руками.

И я люблюсь рукотворным чудом –
единством духа, глины и огня.

Но многие скульптуры мне знакомы.

На них иной Планеты след и свет.

И мысленно мы там и вспоминаем всё, что дорого и не забыто.

И, вспоминая, долго возвращаемся назад...

Но вот – внезапно умолкает собеседница моя.

Молчит. Всё не решается и медлит.

Затем берёт свечу и к выплывающей из мрака каменной стене её подносит.

На ней изысканная роспись –

Переплетение сюжетов, мне хорошо известных.

Тех самых фантастических сюжетов,

Что друг мой на своих земных картинах

В даль неземную посылал...

И в бархатных глазах художницы вопрос.

Недоумение в её глазах.

А я, как изваяние из камня, среди живых скульптур стою

И не произношу ни слова.

Выходим к Звёздам и Луне. К костру
подходим.

Возле огня молча сидим.

И нежно... грустно, тишины не нарушая, она
поёт –

Таинственным и нежным голосом своим –
как лунный свет,

Что по её лицу скользит.

И кажется мне – засыпаю я.

И волшебство это меня чарует –

Этот бездонный лунный свет!

И я сквозь сон уже произношу:

– Нет больше той стены... там Тигр в ущелье.

Там белогрудый Бык ему преграда.

Вижу почти во сне – как наклоняется,

Склоняется и приближается ко мне лицо
девичье.

Далёкое её лицо... И близкое....

Вижу большие тёмные и удивлённые глаза.
Но... тяжелеют мои веки. Смыкаются... и
замыкаются.

Сплю я...

Нет, на высокой горе лечу –

В звёздной ночи.

Среди облаков – лёгких и сонных...

И тишина надо мной горлицей белой парит.

И улетает.

Слышу, как Тигр уссурийский рычит –

Встревоженный.

Зовёт будто кого... и встречает.

За собой увлекает...

Потом – только белая птица и тишина

Невесомо парят надо мной.

Падает! Переворачивается гора!

И –

Падаю я!

Просыпаюсь.

Утро

Раннее, свежее, доброе.

Китайская Пагода укуталась в туман.

Под струйкой дыма затухающий огонь
костра.

Прощаюсь с ним.

И думаю о той, которой нет со мной.

Которую тигр за собой уводит...

Улыбаюсь.

И покидаю с грустью эту милую обитель.

Ухожу... – пришла пора вспомнить и мне,
что я художник.

Да, пора.

И вновь течёт река мгновений под моими
скорыми стопами.

И воображение рисует мне,
Кого ещё увижу на своём пути.

Как в зеркале, в ком я себя увижу.

Ибо творения мои – прежде всего – я сам.

В смятении просиживаю ночи у костра.

Без сна.

Томлюсь в безмолвном ожидании.

И вот... однажды,

Оторвав свой взор от пламени костра,

Я вижу то, что ждал:

Два волчьих глаза Оборотня, отливающих
зелёным светом.

Смотрю... И взором – словно пью из волчьих
глаз.

И упиваемся мы взглядами друг друга.

Затем... смыкает волк глаза, пасть
раскрывает –

И протяжно воеет...

Исчезает.

А я проваливаюсь в царство сна.

В нём до утра блуждаю...

Просыпаюсь вместе с многоголым
щебетом птиц,

В солнечных первых лучах,

В свежести, что дарит мне, падая тихо, роса.

Бегу!.. Спускаюсь в плодородную долину –

Мир изобилия зверей, цветов, растений.

Но я спешу и ничего почти не вижу.

И – я у цели:

В тени огромного, ударом молнии
отмеченного дуба,

Я замечаю мощную фигуру дикаря.

Усевшись на траве, в себя всецело уходя,
Он смешивает краски на палитре.

И пишет ими на холсте простой мотив.

Меня не замечает.

И тогда!

По памяти моей скользит свет бирюзовый.

Его перенести едва возможно.

Но... это свет Любви!

Любви предельно простодушной,
трогательной... верной.

То свет очей Художника, что предо мной

В окруженьи неумолкающих от восторга
птиц.

Они на руки, плечи, голову ему садятся,

И он не прогоняет их.

Только берёт то с кисти, то с палитры края

И говорит им что-то, улыбается и отпускает.

Они же отлетают, улетают, прилетают...

Вот крыска серая взбирается к нему на спину
И по плечу, руке спешит к ладони.

И эта грубая ладонь берёт её и держит –
Согревает бережно, заботливо и нежно.

Потом к лицу её подносит.

Что-то ей говорит Художник

И кладёт обратно на плечо.

Тут же лягушки, ящерицы, черепашки –
Свою долю тепла все получить хотят.

А он цветы рисует и поля.

И восхищается их красотой.

Блаженный...

Только сам! – почти уродлив... Или
совершенен?

Таким создал его я на своих картинах.

Кому же лучше знать его, чем мне?

Почти единственное слово на палитре его
чувств – Любовь.

Да — грубоватая... шероховатая, но искренняя до предела.

До беспредела его бирюзовых глаз.

Как будто на единственное это чувство

Он променял всё, что имел.

И нет теперь покоя:

Все тянутся к нему, ища защиту...
сострадание, любовь...

И кажется:

Если б нечаянно он раздавил кого своими
слишком сильными руками,

Тот был бы счастлив:

Когда нет ничего,

Кроме любви, в столь необузданной и
грубоватой силе,

Всё от неё снесёшь. И всё простишь ей.

Даже... свою погибель.

Но птицы вдруг наперебой ему что-то
щебечут,

И слушает он их... и понимает...

И тогда...

Словно скользит по мне Свет Бирюзовый –

Свет, что Видит...

И медленно встаёт... Идёт ко мне
Художник...

И на колени опускается передо мной –

Как блудный сын в картине памятной
Рембрандта.

И я его за плечи обнимаю. И говорю не в
силах слёз сдержать:

– Ты мне не блудный сын – ты самый мой
любимый...

И приподнять его хочу. Встаёт он.

И два бездонных омота открыты мне, –

Два бирюзовых омота в его глазах.

И нет в них ничего...

Кроме Любви.

Снова в пути я. Позади уютная долина.

И светом солнечным залитый ясный день,

И встреча, что как песня длилась – милая,
далёкая, родная.

Должно быть, лучшее, что есть во мне,

Увидел я в Художнике моём.

Иду и думаю: что мне готовит встреча
впереди,

Сколько должно их быть, чтобы себя
познать?

И снова ночь, огонь костра, летающие искры,

Со-н-н-н...

И утро.

Иду по берегу реки. Снова у цели,

Где раскрыты мне объятия Страны
Холодной беспокойной синевы реки и неба —
Порывов ветра хладных, свежих, сладких.
И шпилей скал, вонзающихся в облака.
А на вершине настороженной скалы —
Раскрыты мне объятья человека-птицы.
Икар!

Он машет мне руками с высоты.

И его крылья рукотворные приветствию
вторят, —

Рукам уверенным и твёрдым повинуюсь.

И! Персонаж картин моих Земных

Срывается с скалы недоумённой —

Летит ко мне навстречу словно птица.

Подлетает, почву каменную настигает,
нарушает

И тревожит сильными стопами.

Шальной. Смеётся. Страстный и
неутомимый.

Подбегает. Обнимает своего творца.

И слышу я, как бьётся Сердце моего героя.

Так бьётся, словно птица рвётся из гнезда.

И будто он ещё в полёте. И о полёте первые
его слова:

– Отец, я ждал тебя над облаками дольше,
чем под ними

И думал, – может, встречу там.

Ведь там и Солнце ближе, и Луна, и Звёзды!

– Твои сокровища на небесах, сын мой,

Но не Земля ль тебя порой от них спасает?

Икар тогда за голову хватается руками и
хохочет.

Рассказывает мне о приключениях своих.

И с удовольствием я слушаю истории,

Что сам то ли придумал, то ли пережил.

Но будто слышу их впервые.

Удивляюсь и смеюсь. И слышу:

– Отец, то был мой самый памятный полёт.

Поток Любви и Воли нёс меня, быть может, а не крылья!

Я позади оставил всё, –

Всё, ради Солнца впереди, забыл и навсегда покинул.

И так оно светило и влекло!

Так обещало

Избраннику явить гармонию и совершенство
Мира,

Что я уже торжествовал. Я праздновал
победу!

Но что глаза мои узрели,

Когда святыню я свою уже, было, обнял
трепещущим крылом!.. –

Из-за неё внезапно выплыла таких
громадных пара кенгуру,

Что Мир весь показался мне крупницей малой!
И это зрелище превосходило всё доселе
виданное мной.

Но не по святости, что я алкал,
А по предельной степени бесстыдства:
На алтаре Вселенной, в осиянном свете,
В недоумении и страхе я увидел —
совокупление Тварей Земных,
Величием своим превосходящих Солнце!
За что так был я посрамлён — не знаю,
Но места в Небе вскоре мне и вовсе не
осталось —

Пространство всё заполонили пары кенгуру.
И шёл вселенский жуткий трах!
Меня и мяли, и топтали наглые, бесстыжие
тела...
Копыта и хвосты!

И только о Земле тогда я думал. Только к ней
взывал.

Лишь на её одну я уповал как на спасенье.

А Солнце жгло. И загорелись крылья.

И падал я сквозь туши грешные. Кричал и
падал!

Смеялся и орал!

И избавлением моим была минута,

Когда укрылся я в глубокой синеве реки,

В волне прозрачной, свежей, чистой...

Всё обошлось.

Но как же так?

Выходит, Небеса, как и Земля, греховны в
той же мере!

Тогда к чему стремлюсь? И от чего бегу? И
не могу иначе.

С одной иллюзией расстался, – покоя нет мне
от других.

Трагедия всегда слегка комична. Поэтому я
произнёс полушутя:

– Как скорлупа хранит до времени птенца,
Так и несовершенные твои полёты

Хранят тебя от постижений более опасных...
До времени хранят.

А с временем – что толку спорить?

И нам пора – тебе в полёт, а мне в дорогу.

– Ну что ж, – мне говорит Икар, – со
временем спорить не стану,

Однако если разлучить надолго нас намерено
оно –

Есть про запас у меня пара крепких слов!

– На этот – «неправдоподобный» случай?

Смеёмся мы... Прощаемся.

И отпускают меня сильные объятья рук и
крыл Икара.

И отступаю я от синевы реки – глубокой...
хладной,

От накалённых страстью огненных
мгновений череды.

И ухожу.

Потоком Жизни обновлённый, становлюсь
на путь,

Что привести меня к иным мирам страстей
кипящих должен.

И снова я иду, бреду, блуждаю.

У искристого костра, в зеленоватой струйке
дыма

Свою усталость по ветру пускаю. Отпускаю.

Сплю... вижу сны... и в них блуждаю.

Но однажды... просыпаюсь и осознаю, что я
у цели –

Кондовый первобытный принц передо мной
В роскошном кожаном наряде.

Сидит подле костра и глаз с меня не сводит.

Тогда встаём мы и кидаемся в объятия друг к другу.

Смеёмся, шутим, говорим...

И вдохновенное творение моё –

Прообраз мой и образ сокровенный –
Казанова

Весь светится от радости

И говорит:

– Небесные светила, мой отец, мне указали,
Что долгожданной встречи нашей – пробыёт
сегодня час.

И мчался я к тебе, опережая время.

И я опередил его.

Так пусть теперь оно и нам послужит –

На полуслове пусть не прерывает нас.

В сторону реки мы движемся неспешно.

И Казанова вдохновенно продолжает,
поясняет, говорит:

– Тот Мир, отец, в котором я живу по
милости твоей –

Калейдоскоп шальных огней и мыслей –
идей полунаучных-полушарлатанских,
И побуждений столь же сумасбродных, сколь
и страстных.

Как я и ты. Так я, и не без оснований,
полагаю.

Однако действовать в согласии с собой
препятствует мне Время.

За кулисами томит,
И занавес над сценой не приподымает.
Упорствует. И «временит».

А вот и сцена! –

С волнением и блеском в озорных глазах,
И с грустным вздохом произносит Казанова,

Указывая мне на вереницу островов,
Блуждающих в душистом, сладком утреннем
тумане.

– Туда мне хода нет.

И только огненные стрелы свистят над
головой,

Когда поближе подплываю.

А изумрудными и синими ночами – костры
горят там,

Вьётся розовое пламя.

И упругие тела девичьи – сочные, тугие,
молодые –

Движениями плавными хмельному пламени
вторят.

В танце застенчивом и первобытном,

Как бурной жизни первые порочные ростки,

Манят и призывают, зазывают... и зовут.

И – бессердечные! –

Казнят, когда их зову повинуюсь.

И стрелы огненные посылают.

О! Беспощадные, коварные и сладкие
дикарки те!

А как пригрезятся в ночном таинственном
тумане,

В прохладном млечном свете перламутровой
Луны!

Как зачаруют, заласкают голосами!

Как шёпотом навеют и поведают такое,

Что лишь в реке студёной ты очнёшься

И поймёшь, что это – блажь...

Страданье мне, а им потеха!

Ну что ж...

Упорством и терпением возьмём и эту
крепость.

Как взяты те, что в области искусств
различных и наук,

Как взят барьер,

Что прятал от меня способность знать,
творить, предвидеть.

Во всеоружии всего, что я постиг,
Должно быть, заслужу и королевскую
награду –

Иначе как?

Ведь толку что – хранить в себе сокровища
такие!

И счастья не иметь о них поведать,
Не сметь затмить кого-либо своим
неотразимым светом,

Очаровать и просветить.

И с пьедестала мнимого подвинуть.

К развязке всё идёт – в том нет сомненья.

Однако тайна есть какая-то, что ускользает
от меня.

И на минуту Казанова умолкает.

И мы ступаем под навес плетёный –
тростниковый –

В лабораторию алхимика ступаем мы,
Где всё таинственно, загадочно и непонятно.

И я невольно поражаюсь, изумляюсь и
дивлюсь всему, что вижу.

А Казанова продолжает:

– Вот Философский Камень, вот – любые
эликсиры,

Вот снадобья и благовония, и зелья.

Вот ароматы, натирания и мази... Всё! –

Для абсолютного блаженства и Любви –

Всё! – праведных трудов моих плоды,

Изобретения и неизменный арсенал
познания.

О, небеса! – в моих руках такая сила!

Но поединок с Временем всегда проигрываю
я.

Оно ползёт себе как черепаха –

Хоть кол на голове его теши!

И Казанова умолкает. Ждёт. Что я ему скажу.

А я молчу... К реке иду.

Подхожу к лодке «принца». И говорю:

– Коль скоро ты готов, – в дорогу!

Крепость сама падёт, коль скоро ты готов.

И борется тогда со знанием своим

И жаждой перемен сиюминутных Казанова.

Но вдруг бледнеет от настигшей его мысли –

Как от стрелы, пронзившей его жаждущее

Сердце.

И взор туманится его...

И губы произносят тихие слова:

– Значит, «Затмение». Мне не хотелось
верить. Нет... не готов я.

Нет... ещё не время.

И мы прощаемся. И первобытный принц уходит.

А я в его роскошной лодке

Плыву в потоке времени к его заветным островам.

И огненные стрелы мне летят навстречу.

Вонзаются в весло и лодку. Догорают...

Но не жгут. Не ранят.

Не знал об этом Казанова.

Но!

Незнание его было его союзником и стражем

Страх мнимый перед огненной стрелой

Хранил его от подлинного страха.

А вот и берег, и мои застенчивые амазонки.

Оружие своё беспечно побросав,

Идут по мелководью мне навстречу.

И от их тихой нежной радости, улыбочивости
светлой –

В глазах моих искрятся капли золотые –

Искорки огненной реки любви,

Что чувством солнечным согреты.

И обнимаю я своих дикарок,

И вспоминаю каждую и узнаю.

И мы уже на берегу.

В белом дыму – от розовых костров
хмельном угаре.

И словно колокольчики звенят девичьи
голоса,

И каждая рассказывает мне о чём-то.

Шалят, поют, танцуют и смеются...

До глубокой ночи.

А я люблюсь ими и не в силах глаз сомкнуть.

И лишь под утро – утомлённый засыпаю...

Высыпаюсь. Просыпаюсь. Поднимаюсь.

Иду к заждавшейся меня реке и лодке.

Мимо любимых дочерей иду,

Как меж цветов весенних, ароматных.

Ухожу... прощаясь только взглядом.

И я в лодке... Отплываю.

Вдогонку мне летят цветы и огненные
стрелы.

И...

С такой тоской я покидаю этот милый
хрупкий Мир!

С таким желанием скорей вернуться!

Но. Течение реки несёт меня неумолимо.

Несёт к исходу своему.

Где завершается, кончается и
останавливается оно.

И нет уже реки. Теченья нет.

А есть простор морской до горизонта.

И тихая прибрежная волна.

Есть каменистый берег острова, где пальмы,
снежные вершины гор...

Заманчивый уютный Мир.

И вот его начало:

На берегу покачивает гривой гордый Лев,

Спрыгивает с золотого камня, на котором
грелся и дремал –

В ласковых солнечных лучах ленился.

Рычит довольный царь зверей.

Наконец – величественной поступью уходит.

Так уходит, что, очарованный, последуешь за
ним.

Иду по следу Льва. Поднимаюсь в гору –

Саванну вижу, Солнцем упоённую, под ней.

Вижу жирафов, антилоп... других зверей и
птиц.

И синие озёра.

В кронах деревьев я вижу златокрылых птиц...

А с высоты горы бегут ручьи.

Форель серебряная в них резвится.

И вот! – замок роскошный и фонтаны...

газоны и цветы.

И по ступеням мраморным

Я поднимаюсь на площадку перед замком –

Иду, бегу сестре своей навстречу!

И в объятиях родных... – мне кажется –
восходит Солнце!

Солнце... в незабываемой дали...

И по её тропинкам детским мы бежим

Всё вспоминая...

Над вместе прожитом, словно птенцы летим.

И не спешим вернуться... Не спешим.

И возвращаемся... неспешно.

Стоим в просторном зале замка.

На уникальном отрезке времени этого дня
стоим. Светлого дня.

Произношу:

– Здесь всё для блага твоего,

Как оно представлялось мне всегда.

Когда из Мира своего пожелуешь сюда,

Я буду счастлив бесконечно.

И поспешу тебе на встречу – на эти каменные
берега.

А что твой Мир?

Я полагаю, он велик, богат... роскошен

И в управлении невероятно сложен.

Но правишь ты в нем мудро и слегка,

Твёрдой рукой его изгибы поправляешь.

– Всё так и есть, – сестра мне отвечает и
смеётся, –

В том творчество моё. Имея власть,

Я покровительствую тем, кого люблю.

А я люблю достойных.

И этот остров оценить ещё сумею.

Боюсь лишь только – может стать он мне
ловушкой –

Так здесь красиво!

И светло от мысли, что поодаль есть похожий
остров.

К его вечнозелёным берегам пора нам.

К ним идём –

По каменной горы крутому склону
поднимаемся всё выше.

И не щадит дорога нас. И Солнце не щадит.

Как дети, держимся за руки,

Минуя самые опасные преграды на пути.

И поднимаемся всё выше...

А Солнце катится за горизонт.

Становится прохладно... снежно.

Но мы почти у цели. Усталые томимся у костра.

И, как в родном гнезде, обнявшись, засыпаем...

А утро свежее, прозрачное и голубое,

И золотое... в солнечных лучах.

И на вершине снежной, покорившейся горы,

Мы смотрим на заветный остров –

Из синевы морской, как крепость, восстающий –

Недосягаемый и грозный... Но и приветливый. Зовущий.

В небо глядим.

А там – пылают Звёзды двух созвездий... Гаснут.

И спутницу мою уносит Лев космический под облака.

А я лечу на каменной спине Кентавра.

С ним сливаюсь... Отрываюсь от него.
И падаю на золотой песок прибрежный
Вечнозелёного святого острова, хранящего
истоки...

Но...

Всё застигает здесь поток внезапный из очей,

—
Очей... воспоминания хранящих.

Будто во сне и в памяти блуждаю...

Тону в ней от избытка чувств...

Ищу сестру свою в слепом тумане. Долго.

И нахожу её.

Но... мы оба – словно слепые,

Падаем, не в силах совладать с собой...

Встаём. Идём, не видя цели.

Грядём, не ведая куда...

И вдруг –

Кот прыгает ко мне на руки и мурлычет...

Мордочкой тянется к лицу – трётся о нос мой,
губы...

Громко мурлычет...

И снова – видим мы! –

Видим, как отбегает кот игриво. Бежит.

И как бы не бежит – не убегает.

Мурлычет и зовёт.

Оглядывается. Снова бежит. Зовёт...

И убегает.

И мы идём – почти бежим – по следу легкому,
родному –

Сквозь заросли растений диких,

Вдоль синевы искрящейся реки,

Сквозь хладные алмазы брызг поющих
водопадов.

И нас приветствуют фламинго и павлины.

А мы бежим!

И буйную тропическую пышность покидаем.
Но тогда – саванна огненная, золотая
обнимает нас,

Обилием своим чарует...

И позади она – под радужной горой,
В прозрачной дымке о себе напоминает.

И! –

Весны Вечное Царство перед нами!

Цветущие поля, деревья и кусты словно
парят

В весенней солнечной прохладе.

И пчёлы, и шмели летают среди розовых
цветов –

Лиловых, белых... ароматных,

И жужжат – хмельные.

А вдали – почти воздушный замок –

Лёгкий... Белоснежный.

Среди весны блуждаем и цветов.

И будто видим...

Видим одинокое дерево поодаль от нас.

Оно тянется к нам ветвями...

Нам кажется, что оно тянется к нам своими
ветвями,

Цветами!

Бежим... Тянемся к нему своими руками!

И уже ничего не видим...

Только цветущее дерево нас обнимает
ветвями,

Цветами... Руками...

Тёплые руки нас обнимают...

Вечноцветущие –

Мы в материнских объятиях...
вечноцветущие.

Слышим голос её... но не видим.

От слёз полуслепые –

Новорождённые мы – незрелые, незрячие...
полуслепые.

Но вечные.

Потому, что помнящие.

И в материнских руках наша жизнь
повторяется, вспоминается,

Возвращается.

От Земного гнезда – до исхода Земного.

Но... голос её весенний и юный. И мы
становимся зрячими.

И видим её!

И она – такая, как мы – юная.

Улыбается.

Той самой улыбкой, что дороже всего нам на
свете.

В которой Начало.

Конец.

И Вечность!

Но тогда — союзник наш — кот с
мистическими глазами,

По ветке, цветущей, крадётся.

И вот — он уже на руках нашей матери снова
мурлычет.

Как это знакомо!

И мы предаёмся радости встречи —

Всё вспоминаем — что в памяти сберегли,
сохранили.

Счастливые. Потому, что вместе.

И потому, что снова — в начале Пути.

И тогда —

В цветущем весеннем саду,

В начале Пути,

Мы становимся рядом

И произносим молитву на родном языке.

И тогда глаза наши снова застланы.

Словно в тумане...

В небо глядят. И как будто видят.

Видят,

Как старый согбенный деспот

Нас с высоты Небесной водой окропляет...

И просыхают наши глаза. И видят, —

Видят, что в небе нет ничего.

И мы молча стоим...

Думаем об испытании, что предстоит.

Мрачнеем...

И становится тихо-тихо!

Так тихо, как на кладбище тихо зимой...

Сумрачно... зловеще.

И пчёлы молчат. И шмели...

Только кот чёрный дремлет спокойно на
ветке цветущей,

Где притаился... запрятался среди цветов.

Мурлычет... всё громче и громче...

И наконец — глаза свои жёлтые
приоткрывает.

И словно смеются его глаза.

Смеёмся и мы... тревогу в смехе своём
растворяя.

И возвращаемся в Жизни Цветущий Сад.

И снова я на каменной спине Кентавра
Лечу над мириадами Миров и Звёзд.

И среди них единственный... неповторимый
Мир свой нахожу

И по его лучам незримым — стремительно в
него врываюсь.

А там — спокойный тихий вечер,

Звёздными искрами усыпан небосвод,

Там распускаются цветы ночные

И падает роса сквозь томные мелодии цикад.

С горы высокой далеко всё видно:

Лучи последние заката,
Ветряную мельницу, что в них парит
И машет вереницей крыльев...
И мельника мне видно,
Что, как паук, среди колёс — капканов-
крыльев —

Снуёт и ловит за хребты
Ночных летучих крыс, шакалов и гиен,
Увязших в хитроумной паутине.
Ловит их... давит...
И сбрасывает в Чёрное Ущелье.
И скорпиона изумрудные глаза горят в ночи,
Рычит свирепый тигр на мельницы летящем
колесе,

Мне сонно... Сон меня одолевает.

Сплю.

Сплю до утра, не просыпаясь.

И снова я в дороге.

Давно в дороге – без цветов,

Деревьев, водоёмов, птиц.

Иду по каменной глухой тропе –

Который день! – что вместе с Солнцем –

Устало катится за горизонт.

Но вот – на берегу пустынном Океана –

Я Сыновей своих встречаю, наконец.

И радость встречи побеждает мрак ползучий,

И проливается по всем его изгибам,

Она ликует.

Но. Не приемлет радость этот Мир.

Грохочет.

И будто бранью извергается вулканом, что
поодаль.

Отрывает радость этот Мир.

Огонь не греет здесь – лишь обжигает.

И ветер злобно задувает пламя

Нашего дерзкого, трескучего костра.

Сидим на камнях в сизом мраке.

В ночи. Без Звёзд. И говорим.

И тяжелеют, и мрачнеют наши думы,

Обрывается тяжёлый разговор.

И растворяется в кошмаре сна полуслепая
явь.

Мы будто спим. Или не спим?..

А в полночь

Просыпаемся и видим:

Летит над гибельным простором Океана
Тигр горящий,

А всадник, что на нём – свирепый воин,

С короной, зрящей изумрудными глазами
Скорпиона.

И сквозь тигриный рык, и изумрудные лучи

Кричит разгорячённый воин:

– Время пришло! Наш пробил Час!

Над скалами как шаровая молния летит

И исчезает.

А мы бежим к берегу Океана

И в лодку прыгаем. На вёсла налегаем.

И плывём к Чёрной Горе, что горизонт
скрывает.

Но Океан всё злее и коварней.

Всё тяжелей и выше серая волна.

И вот – пучина чёрная уже заглатывает нас.

Но молнии летят из сумрачных небес и
разбивают волны.

И яростно копытом и огнём дробит Кентавр
волну.

К горе – зияющей во мраке – чёрной –
подплываем.

На берег нас выплёскивает разъярённая
волна.

И в щепки разбивает нашу лодку.

К подножью Пирамиды Чёрной нас кидает,
Которую не можем обозреть –

Ей нет конца ни вширь, ни ввысь,

А мы должны в неё проникнуть.

И –

Кентавра глаз незрячий молниями чёрную
стену вскрывает!

С неё пласты гигантские срывает!

И – чёрные врата нам открывает.

Из которых тьма холодная ползёт,

Пугает и наводит ужас,

Захватывает нас и увлекает.

Несёмся через лабиринты страха.

Утопаем в них и задыхаемся, и гибнем.

И лишь глаза спасаем – закрываем,
замыкаем, бережём

В трясине Страха.

И! – вязнут в ней наши Сердца.

И останавливаются почти.
Но там – на самой Грани –
С закрытыми глазами
Там! – Мы видим:
Среди потоков мутных,
В водах лазурных и прозрачных –
Хрупкую козочку с открытыми глазами –
Спокойными, исполненными самообладания
очами.

И мы собой овладеваем,
В водах чистых и светлых вместе плывём.
В них себя обретаем. Спасаем.
Дальше идём... Тупик впереди.
Кентавр его разбивает,
И мы попадаем в Мир драгоценных камней,
Освещённых одной только искрой огня
В драгоценном сосуде –

У подножья царского трона.
И одна только искра огня,
Отражаясь от граней камней многократно,
Светом своим наполняет весь этот Мир.
И трон освещает.
А там – Сын мой младший – четвёртый.
Мой Сын – Люцифер.
Он взирает пытливо на нас... лукаво.
В размышлении медлит.
И вдруг –
Срывается с места, подходит,
Меня обнимает. И я его обнимаю...
И – падаю я!
Падаем все.
Сквозь разделяющую грань наших Миров.
Сквозь Люцифера падаем в Сердце его.
Если Сердце... есть у него.
Если оно... – его Сердце.

Сквозь толщу гранитную ужасов падаем мы,
Сквозь Преисподнюю... Ад!

В муках корёжимся и умираем от боли и
страха.

Страдаем...

И гибнут наши тела.

Остаются лишь тени от них.

И вот –

Наши Тени снова в царстве камней...
драгоценных.

В чьём-то Сердце... Чужом? –

Каменном... или стальном?

И трон перед нами.

И Люцифер –

Взирает на то, что от нас осталось.

Взирает чужими глазами.

И вопрошает... глазами...

– Ты не Сын мой, – говорит моя Тень.

Он смеётся в ответ.

– Пусть будет так, – отвечает.

И вместо глаз у него колодцы пустые зияют.

И...

Я вижу две чаши весов перед ним.

В одной – искра Света одна лишь.

В другой – то ли колодец бездонный,

То ли чёрная впадина глаза хозяина Тьмы.

Смеётся он... И говорит:

– Я сейчас задушю эту Искру. Последнюю!

Слышишь?

И Мир покатится в Бездну к моим ногам!!!

Смеётся.

И переходит на шёпот с сладким душком:

– Время! Настаёт Моё Время!

И подносит к нам искру последнюю в
пальцах своих.

Хохочет... Гасит. Душит её. Злобно мнёт...

И ржёт над попыткой тени Кентавра
Метнуть молнию в чашу пустую Весов.
И уголёк гаснет последний в пальцах
стальных.

А голос могильный
Торжественно и самозабвенно шипит:
– Нет больше Света! Есть только Тьма от
Тьмы!

Тень. От Тени.

Смеётся...

Так громко смеётся, что содрогается Мир!

И... не содрогается...

Нет!

Смех Люцифера становится тише... и
тише...

Прерывается смех.

А вместо него – голос Тьмы вопрошает:

– Не содрогается?

На Чаше Весов нет ничего!

И в Мире нет ничего, кроме Тьмы! —

И мечется, места себе не находит «Владыка».

Во всём Мироздании рыщет.

И как будто находит...

Находит то, что искал.

Осведомляется — смиренно... вкрадчиво...

покорно:

— Что там в тебе? В Тени левого глаза.

Взять Это не могу. Отдай!..

Взамен проси, что пожелаешь. Время...

Вот я! Весь перед тобой!!!

Бежит он. Меня хватает.

Словно лечу через него

В бездну богатств, утех и услад...

В угаре елейном плыву.

Но Люцифер меня из себя вырывает.

И умоляет

Сделку свершить пока Время ему
подвластно.

Но я не спешу. И он понимает.

Заходит с другой стороны:

Задумчив становится... Лукав...

Презрительно и вкрадчиво шипит:

– Ты говоришь, что ничего не забываешь?

Так вот... ты лжец!

В себя гляди!

Долину видишь?

И тьму Железных Пирамид.

Им там нет счёту!

И каждая хранит твоё какое-нибудь
преступление.

Я их храню среди своих сокровищ

И не могу отдать.

Но если сам возьмёшь их,

Со мной сравнишься ты по силе.

И свой принцип жизни соблюдёшь!

И я над Пирамидами парю –

Гробницами стальными,

Хранящими меня от самого себя...

И понимаю:

Познав себя, себя же и разрушу.

Лукавит Люцифер –

На нулевой отметине весы тогда зашкалят!

И Конец тогда Всему. И Люциферу тоже.

А не познав себя, на то имея Власть... А я её
имею! –

Уже Ничто я – и нет более во мне Огня.
Вместе со мной

И он погаснет!

Вот в чём лукавство Люцифера!

И я из Тени глаза своего выхватываю Саблю,

Месяцем молодым горящую в Ночи,

И бью по Чёрной Пирамиде в Сердце –
В ослабшей памяти моей!

И вижу:

Ожили колодцы глаз коварных Люцифера.
Лимонным цветом зацвели.

И предо мной снова мой сын четвёртый –
младший.

Он хватает мою руку – тень моей руки –

И поднимает её вместе с Саблей,

Над головой моей заносит

И! –

Белый клинок в мой глаз вонзает...

Меня снова обнимает. Он.

И снова я лечу сквозь его Сердце. Падаю...

И тени вижу слабые союзников моих.

И ничего уже не вижу.

Я один... Снова один.

В Океане.

Там сонная волна меня качает — лёгкая...
живая.

А я... как будто неживой.

Лежу над гибельной пучиной— как
умирающий осётр.

И стынет Время... Останавливается почти.

Тону.

Но кто-то не даёт мне утонуть — мешает.

Выталкивает на поверхность тяжелеющей
воды

И к берегу несёт.

Несёт в Ладье.

В живой Ладье. Я помню. Знаю.

И вот — на берегу я. На песке лежу холодном.

И голову мою заботливые руки держат.

Открыть глаза пытаюсь.

Не могу...

Но вот – глаза мои открыты и я вижу:

Вижу бегущего ко мне навстречу Старца из
Вселенских Чёрных Недр.

Старца согбенного я вижу... чёрного... как
ночь –

Как тысячи ночей!

И он бежит и тянется ко мне рукой. К моему
глазу.

И вырывает огненную Саблю из него.

Кидает её в небо!!!

Светится Белым Светом сам... Горит!

И прочь спешит.

Вспомнить хочу – кто ОН?

Так хочу вспомнить!

И – не могу.

Но я живой.

Высвобождаюсь из заботливых рук.
Женских.

И предо мной ОНА –

Как ночь. Как небо звёздное. И полная Луна.

И отражение Луны в реке прозрачной –

Моя горящая Ладья!

И Смерть моя.

Держу в своих ладонях её руки... и целую.

И словно материнское тепло они хранят и
излучают.

Обнимают...

И мы стоим, обнявшись в свете Месяца
младого.

Смеющегося Месяца над отражением своим

В прозрачных водах Океана...

Что это? – колокольчики звенят на небесах?

Игриво падают снежинки.

Кружатся в танце вместе с нами.

Счастливые смеёмся мы...

Без слов всё понимая.

И расстаёмся...

Почти без грусти –

Ведь не расстаёмся мы.

Бегу в густом ночном тумане

Навстречу всем, кого люблю. Бегу.

И колокол звенит.

И Мельницы крыло мне машет,

Снежная радость кружит в небесах.

Я мимо мельницы бегу к космической
долины краю,

Где у обрыва два огромных валуна.

Взбегаю на один из них,

Смотрю на мельничных часов космические
стрелки:

Над ними нет зловещей Тьмы Крыла! –

И на парад созвездий целятся они.

Яркие Звёзды четырёх созвездий загораются
на небосклоне

И светом наполняют грозную долину подо
мною.

И вот – летят над ней космические монстры.

А я – отталкиваюсь от обрыва –

Лечу навстречу им.

Их радостно встречаю!

И несёмся мы в глубины Океанов
Мирозданья,

И наполняем радостью и жизнью их, –

Лучами глаз космических обзревая, –

Лучами глаз животворящих.

И –

Возвращаемся под Мельницы космической
крыло.

А там – над каменной долиной,
Как сказочный ковёр, завис прозрачный пол
хрустальный.

На нём герои всех моих картин Земных.
На нём костры горят, танцуют амазонки,
И Казанова, Люцифер, Икар, Художник
среди них.

И все мы там – в объятиях горячих Жизни.
Среди цветов, летящих и снежинок хладных,
Мы – артисты.

И искусство нас роднит
На этой сцене – хрупкой и прозрачной.
Где изобилие всего.
Где нету только – зрителя из зала.

Тогда я подхожу к своему валуну – что на
краю хрустальной сцены.

Взбираюсь на него и вдумчиво смотрю.

Смотрю, как Казанова пышные букеты
собирает из цветов парящих

И преподносит дамам.

И возгораются букеты эти разноцветными
огнями.

Горят. И не сгорают. Гаснут.

А он раскланивается и комплименты шепчет,
шутит,

В награду за усердие своё

Девичий смех в лавине из снежков холодных
получая.

В иллюзию студёной зимней ночи кто-то
«сцену» погружает,

В Земное окружение елей дремучих. В копны
снега,

В мерцание Луны – в лучи её таинственные...
голубые.

И вмиг – дремучесть зимнюю... ночную –

Сменяет многоцветие тропических красот и дня.

Раскачивается где Солнце на лианах смолянистых – сладких,

Золотые рыбки в струях водопадов где поют.

И все плывут в холодных, чистых, звонких струях водопада.

Летят под кронами деревьев... Летят над ними!

И возвращаются в иллюзии иные.

Свои. И не свои.

На этой сказочной волшебной «сцене»,

Где все – творцы реального причудливого
Мира –

Мира искусства.

Мира Миров, пересекающихся без
конфликта.

Мира Свободы –

Свободы воплощённых грёз!

Но! – между строк, в которых смысл их
оживает,

Я, как баран врата словес терзая,
Упрямо упираюсь в Мир Реальный.

Мир не покинутый ещё – Земной.

Среди картин своих я, что развешаны по
стенам,

Среди исписанных и скомканных листов,
разбросанных повсюду –

В жилье своём Земном и мастерской я.

Где Мир дерзаю сотворить, в который мне
уйти будет не тошно.

И где бессмысленно не будет пребыванье.

И будет Всё!

Всё будет! Если...

Если ОНА –

Что Небо звёздное, что полная Луна... Что
Ночь,

Пучина Океана –

На изумрудную его поверхность вынесет
меня.

Ладьёй живой, горящей –

Верной! Пылающей в Ночи.

Если ОНА –

Узреть позволит сквозь алмазы Звёзд

Старца бегущего... согбенного...

Среди горящих звёздных ос.

ОНА...

Если ОНА позволит.

И мысленно я покидаю место для строк этих

—
У стола.

Под временные жернова крылатой мельницы
спешу.

В иллюзии лечу созревшей – спелой.

И на замшелой каменной спине слепого
валуна,

Словно плыву я на спине холодной Океана.

Во времени плыву... в Ладье Горящей.

Словно осётр.

То ли в ладье. То ли в её объятьях.

Родных. Смертельных. Женских.

И женские глаза ночные, звёздные,
таинственные мне открыты.

И в Лунном омуте хмельном осётра два
плывут.

И тонут...

В Вечности тонут... Значит, – не тонут

Никогда!

На краю Ойкумены – 1

Зэ-Дой:

– Здесь край Гуманитарной Твердыни!
Дальше – Ирреально-Иррациональный Хиатус
– «Зиянье» – «Мекка» для непредубеждённых
умов с «Крутыми Яйцами».

Сигео:

– Я все Тайны Вселенной раскрою и
Мирозданием стану! Уже становлюсь.

Слышите вы, Зэ-Дой, – мой «Бриллиант
Истины»! Я – Сигео – распотрошу Вашу Тайну
и гиенам скормлю.

Ха-ха-ха-ха... Вопреки ожиданиям вашим.

Я загоню вас в чёрную Нору с дюжиной
дьяволов, что суть вашу фальшивым Естеством
питают.

Ох, вы попляшете!

Попляшите вы у меня в своём величии нелегитимном!

В лжепервозданном «Естестве».

А кстати, вам известно о желании моём? – желании неустрашимом! – вас в жертву принести Науке.

Нет?

Слушайте тогда:

Меня давно тревожит факт, что финансирование экспериментов на «Большом Адронном»... мои карманы неизменно огибает. И работа столь энергоёмкой и гигантской установки – в край неэффективна и вредна.

Сомнений нет – многокилометровый шланг «Гофре», вами используемый в тех же скудоумных целях, что CERN-ская труба, дал бы куда более значительный и перспективный результат.

Но. План действий у меня иной:

Хочу осуществить эксперимент: разгон частиц (вам хорошо известных) – в их эксклюзивной ипостаси мыслеформ – до аномальных скоростей – в пределах вашей черепной коробки.

И там – столкнуть их с целью синтеза новейших и беспрецедентных Знаний!

На завершающем этапе вы станете их выдавать посредством формул, уравнений, образов и афоризмов – само собой – приправленных высокопробным «золотом» вашей непревзойдённой брани.

Ха-ха-ха-ха... Как вам мой план? Боитесь?

Зэ-Дой:

Тля!.. Ещё и оскор-бля.

Сигео:

Ладно. Тогда – вперёд! – в очередную экспедицию, Дружище.

Где-то в конце семидесятых – в непролазных джунглях то ли Индонезии, то ли Папуа-Новой Гвинеи были обнаружены дикие племена гоминид, контактов с цивилизованным миром никогда не имевших.

Тогда «Момент Истины» при встрече менталитетов «Сапиенсов», отчуждённых «волею фортуны», выглядел приблизительно так:

У костра собралось дикое племя.

Вождь восседает на «троне» из шкур полосатых.

Переводчик в тени. Напротив – бел-человек смиренно сидит.

Икру верноподданно мечет... то бишь вопросы.

«Бури в стакане» не предвещает ничто.

Но вдруг задаёт Белый сакральный вопрос:

– А человеческое мясо... вы тоже едите?

В ответ оживление среди туземцев:

Имитация некого действия: грубые жесты...

отрыжки, жевание...

Недобрый блеск в глазах каннибалов.

– Так едят мясо врагов – шепчет Белому переводчик.

– Но ведь люди они, – возражает на свою бедную голову гость.

– Люди – соглашается вождь. Но! –
НЕНАСТОЯЩИЕ. Ха-ха-ха-ха.

С этого момента, на месте любознательного чужака – вы, Зэ-Дой.

Не сомневайтесь – такова здесь «Реальность» – на краю Гуманитарной Твердыни.

Задавайте вопрос ваш вождю.

– И мясо друзей вы едите?

В ответ радость на лице вожака.

И проясняются лица у всех – застенчивые улыбки их озаряют.

Стыдливо глаза все отводят –

Прячут глаза свои женщины, дети, мужчины.

Стыдятся.

Стесняются все.

Но исподтишка – проворно исследуют вас.

К вам приближаются. К вам прикасаются глазами.

Пробуют вас «на вкус».

«На зуб» пробуют вас глазами.

Глазами быстрыми – нежно, бережно пробуют вас.

Только глазами. Пока – только глазами.

И улыбаются.

Смотрят на вас. Вами любуются. И словно спрашивают о чём-то.

Стыдятся.

И вы начинаете понимать, – понимать суть замысла ваших Друзей.

И суть замысла Эксперимента Сигео.

И у вас начинается нервный тик.

И потливость.

И вы начинаете соображать, соображать, СООБРАЖАТЬ!!!

Ускоряя полёт ваших мыслей.

И улыбаться начинаете вы.

Широко. Дружелюбно.

Уверяю вас: вы никогда не улыбались так дружелюбно.

Столь искренней улыбкой, искажённой страхом, –

Улыбкой жертвы озарений.

Улыбкой мысли в потёмках Интенций
Смысла.

И вот! – вам открываются формы этих
интенций Реально.

Они в плен вас берут – взорами, жаждой –
стыдом ваших Друзей.

Любовью Хищников к Жертве.

Ах, Интенции эти!

Они дышат в лицо вам... в затылок.

Эти жаждущие вас – страстные формы Реала!

Девственные, – не отягощённые Знанием,
Логикой, Смыслом.

И лишь одна форма,
Воспетая вами, – задуманная как
общечеловеческая, –
Не открывается вам
Реально.

Запах пряностей... кокосового молока.

Гвоздика, корица, ваниль —

До того.

До того, как вас искупают в пальмовом масле

И молоке.

И до того... что будет.

Молодые туземки обступили вождя.

Теперь от него всё зависит.

Их руки скользят по его голове, лицу, шее,

Прячутся в складках одежды...

Но взоры их по голове вашей скользят.

Вашим рукам. Телу...

Да. Их взоры принадлежат только вам.

И вас оценивают они.

Любуются вами. Желают.

Мысленно.

Облизывают. Нежно. Нежно жуют... Вас.

Пока мысленно.

Стыдливо...

Ах, не совсем так, как вам бы хотелось!

Очень хотелось.

Но что вы видите в тех женских глазах?

Вглядитесь!

Что видите вы?

На вас застенчиво смотрит Природа.

Дикая. Не обременённая Смыслом – Природа
Гомо.

Как нежно она смотрит на вас! Как страстно
желает!

Желает слиться в Целое с вами.

Единое Целое – Неупрощаемое.

Растёт напряжение. Нарастает.

Духом разгула пропитан эфир.

Миражи оргии дикой глаза застилают!

Чем заняты мысли ваши, мой друг?

Какие формулы, уравнения, истины
застилают ваш взор?

Одно слово вождя – и вас в молоке искупают,
в блаженстве.

Осыпàть ласками станут... цветами!

Ах, эти дикарки!

Ах, будет вам счастье! – и «masahe», «mag-
kanto»,

И похлеще. Всё будет.

Ведь потомство должны вы оставить.

Друг!

Ведь вы Друг.

Да.

О чём мысли ваши, мой Друг?

О потомстве? Вы в состоянии Думать?

Да! – Ваш мозг гудит, словно улей!!!
В нём сталкиваются электроны и позитроны.
И синтезируют Знание, Правду, Мудрость.
Разбегаются ваши глаза – ищут Мудрость!
Со скоростью света ищут её.
Мудрость ищут, мой Друг.

Недомогание?

Что?

Это у вас?

Пустяки. Что вы!

Ну... улыбнитесь! И не потейте.

Как улыбка к лицу вам! –

Улыбка ДРУГА.

Улыбнитесь и Ницше.

Ведь и он липкой слюной плевался на то,

Что ценой безмерных усилий
Не отрывало человечество от истинной его
Природы.

Улыбнитесь ему.

Ну что уставились вы на вождя?

Предполагаете, что у него свои резоны?

Да, полагаете:

Что для вождя важней всего Закон – Слово
его –

Эквивалент непрекословной Власти.

Одно движение руки Пан-каннибала –

И вам позволено ретироваться.

И! –

Бежите вы к реке, – бежите с скоростью
трудно вообразимой!

Бежите к лодке.

Где я вас жду... с веслом в руке неторопливой.

И вы в ладье.

Поторопиться просите меня с отъездом.

Однако вождь мне не велит. Сам с переводчиком подходит.

И спрашивает вас:

– А что на завтрак вы едите?

Что в состоянии произнести вы, то и выдаёте:

– Спиноза, Ницше, Гегель, Фейербах.

Когда суть вашего ответа до вождя «доходит»,

Тот с уважением оглядывает вас, похлопывает по плечу и говорит:

– Так значит, самых умных?

А я всё думал, сомневался – Настоящий ты или ненастоящий? Так вот – ты Настоящий!

Слово моё – Закон!

И наклоняется вождь... обнимает вас,

И нежно шепчет вам на ваше среднее ушко:

– Теперь я знаю, как стать самым умным.

И смеётся.

И нам позволено отчалить.

Плывём.

Джунгли вокруг – жестокое и беспощадное
Очарованье.

– Спиноза, Гегель, Ницше, Фейербах...

Мечтательно вы произносите речитатив с
полузакрытыми глазами.

– Вы обобщаете? – интересуюсь.

– Причём здесь это? Эврика!

– О чём вы?

– Огонь... Жаровня... Фейербах...

– Галлюцинации у вас?

– Какое блюдо!

– Вы!

– Суть запроса.

– Безотлагательная конвертация улыбчивости вашей у костра.

– Точней.

– Converting пережитого – в Метод Познания.

Извольте!

– Я мог их трах...

– Цель.

– Насилие. Свобода. Произвол!

– Точней!

– Флуктуации необременённого разумом Мозга. Мышление понарошку – в кредит.

– Вы Недрами Сознания стяжали Правду.

Будете вещать?!

– Да, буду.

– Выкладывайте: чем наполнена отныне Пустота ваших нейронов?!

– Ах, Пустота вам та покоя не даёт! Да, разумеется. Где ж быть ей?

Теперь она в моём Желудке.

– Где? Но... Вы почему так смотрите?

– Но-но-но-но-о-о!

– Чего уставились?

– А ты, браток, поди – Ненастоящий.

– Вы мне не тыкайте. Вы! – «Настоящий».

– Но голоден я. И в Законе!

– Тогда – на территорию Закона! – вон к тем приматам, что на берегу.

У них в желудках та же Пустота – рецепты блюд будите вместе сочинять.

– Вы не в своём уме? – вы белены объелись?
Ха-ха-ха-ха...

Так нет же. Нет – не вместе!

Я буду сочинять. Я в Законе!

– В моветоне.

– В Законе! И никто не спрашивает вас.

– Я спрашиваю. Будете вещать?

– В рифму и матом? Извольте:

На-за-а-ад! Назад к Приматам!

На-за-а-а-а-ад!!!

Вы истошно орёте, и Бритва в вашей руке –

Опасная, жадная «Бритва Оккама».

И поднимаетесь вы в полный рост и машете
ею,

Как умалишённый кричите. Орёте:

На-за-а-а-а-ад! –

В Зияние! В «Мекку»! –

К ноге!

К Правде! Острой, как Бритва, –

На расстоянии Планковской Величины

От природных подвесок в начале ноги!

Ха-ха-ха-ха...

К ноге!

Вперёд по Истинной Стезе Познаний!!!

И вы становитесь одной ногой на борт ладьи,
Другую же – заносите над водами
хмельными «Ирреала».

И... шагаете вперёд! –

Себе навстречу.

Уходите под воды рядовых Реалий Мира.
Быстро – с Бритвой, сверкающей в руке.

Густой туман над речкой... Стелется.

Туман.

И ничего, кроме тумана, над Пропастью
Познаний.

Тишина.

Но!

Вроде голос знакомый из глубин
Ирреального «Быть»:

– На-за-а-а-а-ад!!!

Стой – куда?! А ну вернись!

Я кому сказал: КО МНЕ! Вернись, сволочь!

И-ди сю-да. Да что это? Кому сказал!

Во падла! Убью! – мразь. Иди, иди сюда, моя
прелесть, моё хорошее.

На – на – на, фью, фффью... фу ты, чёрт!

Где ты там? –

Блядина!

Love in Stone /2005/

*Постигнутое необъяснимо,
Объяснённое непостижимо.*

Чтоб сохранить Любовь, следует...

Нет?

Хранить не следует её в неуязвимом Сердце
Камня?

В твёрдом, надёжном и верном Сердце его!

Но это – лишь Образ.

Образ... – Сплав Разума и Духа.

Образ Жизни в Сознании.

Не твёрже? Не сильнее? И не надёжней он
любого Камня?

Образ...

Не взрывоопасней он гранаты в тверди
аксиом менталитета человека?

Образ сцепления и взрыва творческих идей!

Образ-программа... Миг.
На Вечном Пути Жизни.

Много ли знаем о Вечности мы?

Почти ничего.

И почти всё знаем,

Если... мы Любим.

В академическом ключе о том же

Проект Love in Stone – неотъемлемая часть Пути художника Сигео – результат и продолжение его творческой работы в различных видах изобразительного искусства и литературы. А также – воплощение его «фантастических» замыслов в Реальную Жизнь.

Свои произведения: живопись, поэзию, скульптуру – художник рассматривает как

отдельные ступени на Пути познания себя и Мира – как часть своего Глобального Проекта Жизни.

– Что есть Знание? Знание тех, кто беспредельно влюблены в Красоту? Кто стремительно грядут ей навстречу?

– Идти в этом Мире некуда, если не идёте вы к Богу, – произносит визави художника в поэме «Сценарий».

Но.

Кто Он? Учитель этот.

Содержат ли Правду слова его? Или нет Правды в них?

И Кто есть Кто в этом Мире? В границах Искусства. И на необъятных просторах Жизни. Жизни в «Реале». И там, где кончается «Он».

Границы «Реала», Границы Форм Жизни, Границы нашего Понимания – эти «независимые» планы – Фрагменты Бытия –

ЧТО ЭТО?

Это – и те вопросы, на которые художник пытается найти ответ в своём творчестве.

Увы. Не представленные здесь произведения творца не смогут свидетельствовать о его Пути более красочно и живо.

Но... им здесь пока не место.

Однако и сейчас не самые элементарные для понимания искусство и идеи ждут вас на страницах книг художника и его сайта.

В пределах своего масштабного Проекта – Сигео представляет Новое Искусство, новый взгляд на вещи и указывает путь к новым вершинам любви, гармонии и красоты.

В поэтическом ключе о том же

Январь. Озябшая продрогшая зима.

И – Лето!

Лето после шести часов полёта –

Тёплая арабская зима.

Здорово?

Да. Для художника без гроша в кармане.

Всё и без денег возможно.

Всё!

Если случай не упускать.

И не изменять призванию.

Но в чём оно? – призвание это.

В творчестве самозабвенном?

Вне всякого вознаграждения за труд?

Не так ли?

Так.

Верней... Совсем не так.

Суть – о каком вознагражденье речь?

Ведь, в сущности, вознаграждён сполна я.

И богат несметно.

Вот только... Деньги.

Речь о больших деньгах.

Для них хоть что-нибудь я сделал?

Нет.

Не их любил я. А искусство.

И лишь ему принадлежало моё Сердце.

И только времени всегда так не хватало!

И так могла пройти вся жизнь.

Но нет. Она так не прошла.

И я теперь не тот. И жизнь моя не та.

И Мир другой – Любовью упоённый!

Но... идея эта не моя –

Страсти и невероятных воплощений шалая
стезя.

Здесь – в этом Мире – не моя Идея!

Но. Теперь живу лишь этим я.

Хочу здесь воплотить всё то,

Нет для чего здесь места и условий.

Они в Иллюзии – в том Мире,

Что я вне Мира этого дерзнул создать.

И вот –

На жизнь и здесь – Иллюзия есть у меня.

Взывающая к воплощению,

Где потерял я пониманье всех.

Где я один со своей сверхзадачей.

Один. И мой Проект.

Я из Любви и безнадёжности его создал –

Как средство –

Одоления препятствий на пути к Любимой.

В моих поэмах отражение его.

Оно в моих стихах, картинах.

Но Суть Идеи в чём?

Быть может, в том, чтоб Тень моего Мира –

В который ухожу –

Легла на этот Мир?

Тень. Только Тень?

Возможно...

И знаю я, как цель достичь.

Ведь здесь и сам я – Тень,

Отброшенная моим настоящим «Я»,

Без права уповать на чью-то помощь.

Смогу ли я? Успею?

Это что? –

Искусство? Философия?

Жизнь моя это!

О, вкус Любви! – Жизни Напиток –
Зов вечной и неутолимой жажды!

«Тенью» напиться? – Мечтой?

Нет. Нет же!

Ведь Реальность она!

Что на Мечту только похожа.

Реальность Мечтой стать должна?

Нет! Она – Явь! –

Моя Йеанние –

Моё знойное Лето! –

Полёт!

После шести часов к ней полёта.

В ночь – после шести... После Зимы...

В лучах вечных Любви Восхода...

Любимая!

Как бессердечно!

Матёро...

Зима разделяет нас

Скоро!

Последний Луч Солнца...

В Руке Йеанние –

Прощай, моё Вечное Лето!

Жесть лютой Зимы

После шести... часов

Перелёта.

Здорово?

Да?

И без гроша всё возможно...

Всё?

Есть шанс у меня?

Не знаю.

Но Идея есть у меня,

Что в движении вечном,

Что, словно змея,

От понимания ускользающая.

И только в ней для всего есть место.

В Лучах Солнца Любви.

Но здесь – всё в тени.

Всё во власти денег!

А я здесь – во власти Любви.

И власть над деньгами –

Даже мне здесь – необходима.

С каким вкусом сумею её применить!

С каким размахом!

О, каким расточительным быть обещаю!

Всё. Всё по ветру пустить обещаю.

Если только это ветер Любви.

Смерч... Ураган Любви!

О, мой Проект! – Мечта Сердца из Камня –

Полёт навстречу Телу Неземному –

Любимому,

Летящему уже в мои объятия.

Чтоб обуздать коллизию Вселенского
масштаба,

Этот полёт намерен я осуществить.

Но... Для того я почву подготовить должен.

Ту почву плодородную, живую,

Что в моём Сердце, что в пламени моей
Любви,

Что острова заветные мои

Далёких Филиппин из Океана поднимает.

Быть там я должен.

О, Филиппины! Индонезия, Таиланд...

Там быть я должен.

О, женщины Таиланда!

Всех островов на Свете.

Мои объятия вам всем открыты! —

Йеанние...

Аллах. Азиатские небеса!

Сыплет свет медоносный Луна.

Шайдилла...

Звон ледников — снов раскалённых

Упоённая тишина...

Азиатские небеса!

Аллах.

Йеанние. Аида...

Все камни,

Осколки Вселенной!

Ведь кто-то должен любить Вас!!!

Интервью /2005/

– Итак, Сигео, похоже, у нас с вами сделка: в обмен на публикацию в нашем журнале вашей картины, вы делитесь с нами некоторыми подробностями вашей творческой и личной жизни.

– Сделка. Какое строгое, изящное определение! Вы верно поняли меня, точно изложили суть дела, и я к вашим услугам.

– Тогда скажите: как до такой жизни дошли? В галерее сестры ваши позиции были всегда столь прочны.

– Галерея в лице моей сестры желает видеть лишь одну грань художника Сигео. А я, фигурально выражаясь – многогранник.

– И какая из ваших граней пришлась «ко двору» галерее?

– Наиболее неотёсанная, энергетически и эмоционально перенасыщенная, забавная, жизнерадостная, озорная грань. Нет спора – это превосходная грань моего необузданного таланта, и я надеюсь всегда оставаться с ней в галерее сестры. Но присмотритесь ко мне. Неужели я похож на человека, которому неизвестно, что такое нежность, глубина, изысканность и утончённость чувств?

– Не знаю. Но как эти перевоплощения с вами происходят? Возможно, они у вас имеют сезонный характер?

– Всё зависит от женщины.

– И какой должна быть женщина, чтоб вы из циника превратились в лирика?

– Она должна быть родом из Юго-Восточной Азии, иметь совершенно определённую внешность и внутренний мир, и не говорить ни слова ни по-русски, ни по-латышски.

– И вы встретили такую женщину?

– Да. Это произошло в Арабских Эмиратах. И теперь в её маленьких ручках, из которых она подавала мне чай с молоком, всё страдание моё, вся радость моя и надежда.

– Вы, конечно, преувеличиваете. А на каком языке вы общались?

– Не знаю. Моего английского вполне хватило, чтоб объясниться в любви и предложить ей свою руку и Сердце.

– И что она вам ответила?

– Она сказала: «О!»

– О, да? Или о, нет?

– Ни да, ни нет. Но как она это сказала!

– И это всё, что она вам сказала?

– Можно сказать, что всё.

– Вы идеальный жених, Сигео (если не патологический). Стоит женщине произнести «О!» – и вы покорены.

– Женщины просвещённого Запада говорят слишком много. Непозволительно упрощая, запутывают всё и искажают. И вы туда же. Поэтому для женщин Запада... – я потерян. Раз и навсегда.

– Как жалко!

– Где вы были раньше?

– Не зарекайтесь. Расскажите лучше о персонажах вашей картины. Кто они?

– Моя картина – это, прежде всего, состояние моей влюблённости.

Что до персонажей, то это как бы – Я и Она.

– Помилуйте, но на картине изображён юноша. А предо мной умудрённый опытом, с сединой в бороде...

– Скажите ещё: «не первой свежести»! Личность не стареет никогда! Стареет только её «скафандр». Видеть – это значит видеть

Личность, Индивидуальность. А не какую-то там оболочку.

– Но согласитесь всё же, что новый «скафандр» предпочтительней.

– Я не расслышал вопроса. Может, по этой причине, наконец, перейдём к делу?

– По этой причине мы можем лишь завершить интервью. А к делу... могли бы перейти в следующем – после вашего очередного турне. Однако принимайте в расчёт, что для всех ваших невест места на страницах нашего журнала не хватит.

– Какой цинизм!

(Интервью не опубликовано)

Аида /2005/

Я благородный рыцарь на белом коне –
В парике восемнадцатого века,
В пространстве космическом,
В гибельных жёстких лучах
Лечу навстречу любимой своей!
С бантом голубым в волосах ароматных,
В белоснежной сорочке лечу кружевной,
В шёлковых бриджах, вышитых золотом и
серебром,
И к ногам её каменным припадаю.
И умоляю
Принять дары любви моей беспредельной.
Из тончайшего хлопка гольфы мои,
А башмаки! – усыпаны самоцветами щедро.
Из кожи дракона они.
И носят по миру меня бережно и осторожно:
Как носит змеёныша в чреве своём

Его ядовитая мать.

Любимая моя — бесформенная каменная
глыба,

А проще — астероид,

Летающий в направлении Планеты Голубой.

Вот-вот, в космическом,

Смертельном для всего живого на Планете
поцелуе

Сольются тучные, «безмозглые» тела.

Сомнут земные континенты

И Океаны выплеснут,

И реки выльют до их девственного дна!

Но до того, по замыслу,

Событие должно произойти иное.

Событие, способное величием своим

Затмить восход сияющего Солнца из глубин
солёных Океана.

И для того я здесь —

Посланник изошрённой и коварной воли.
И предстаю перед любовницей своей
Из серого холодного базальта,
коленопреклонённо.

И излагаю пламенно безотлагательного дела
суть –

Ради чего я здесь, в сиянии ореола страсти,
У белых нежных ног,
Самых очаровательных на свете.
Но сути подлинной любимая моя
Знать не должна – в том замысел коварный –
Плод мысли творческой, венец традиций, –
Пик знания, доступный только
посвящённым.

Эх! Мастерство воспеть бы филигранное
моё!

Хореографию всего, в чём так силён я:
Мои манеры, ракурсы и жесты,

И мимику мою, и слово,
И интонации его, и тембр!
О, Обольщение! – искусство величайшее на свете!

Мой искренний и честный взгляд
Всегда к твоим услугам.
И выступаю я.
С открытым забралом я наступаю!
И глыбу гранитную заключаю в объятия свои:

Как горлицу нежную полевую держу.
И кровь закипает во мне,
И страсти лавина
В потоке словесном кипит на устах!
И на устах – слова мои оживают:
«Любимая! Аида!
Вселенная – «ничто» в сравнении с тем чувством,

Что пламенем бессмертным зацвело во мне.
Ведь ты вдохнула страсть в меня такой
безумной силы,
Что не могу я совладать с собой.
О, Камень мой! О, драгоценный Камень!
Любимый, Философский Камень мой!
С тобою слившись, я к познанию открою
путь,
Опасный и смертельный,
Как жало твари неземной, пропитанное ядом.
О нежное, о сладкое дурманящее жало Твари,
Снующей в лабиринтах мрачных!
Тайну твою я, как гадюку, вытащу из Сердца!
Я вытащу её из Сердца твоего,
Мой Философский Камень,
Мой желанный!
В кровь губы разобью,
Целуя страстно твоё гибельное тело!

Впиваясь белыми зубами
В кожи нежнейший и благоухающий гранит.
Скользкий гранит, прозрачный, как тело
медузы.

И обжигающий, и сладкий.

Любимая,

Сколь необъятно твоё тело!

Как острова всей Индонезии и Филиппин –

Все вместе взятые

Любимые мои, святые острова!

Все острова на твоём теле.

Потомство я хочу своё оставить

На каждом острове, без исключений.

Пусть минимальное, но я хочу на каждом!

Под пальмами, среди костров дымящих,

В волне прибрежной Океана.

Даже на Солнце я хочу, Аида!

Я у ног твоих хочу...»

И вот – я поднимаюсь ввысь в любви потоке.
В потоке страсти, камень омывающим.
«Куда уносишь ты меня, Аида?
Об Индонезии я рассказал тебе не всё.
Не всё я рассказал тебе о розовых песках
прибрежных.

О солнечных Сердцах девичьих,
Обжигающих, как пламя.

Но я теперь с тобой, моя Любовь!

И нет мне дела до этих Сердец.

Любимая! Ну отверни же лик свой от Земли!

Ах, до чего скудны нравы этой Планеты!

Нам нечего делать на ней,

О, Астера! –

Единственная моя!

Мне журналистка даже сказала одна,

Что я попросту трахнуть хочу

Эту безобразную глыбу из камня и льда.

Такое сказать о тебе, дорогая!

Ах, как я ненавижу её! Как хочу отомстить!

Хочу, чтоб от ревности удавилась она,

Узнав, что мы вместе летим среди Звёзд

В объятиях страсти.

Подумай о нашем потомстве, Аида!

На каждой Звезде, на каждой Планете.

И астероиде или комете,

На каждой пылинке!

Но не на Земле.

Летим же дальше от этой Планеты!

Ну, повернись!

Развернись же немного левее, Астра моя!

Как люблю я тебя! Левее. Ещё левей!

О! Как я хочу покрыть поцелуями всё твоё
тело!

Всё!.. Слева направо. И справа налево.

О! Какие нежные углубления!

Какие таинственные расселины на теле твоём!

Я всегда мечтал только о них...

Это фантастика! Левей от Земли!!!

Единственная!..

И навсегда.

Ибо всё, что левей – это Вечность для нас

И нашей Любви,

Божественная!!!

О! Как бьётся Сердце твоё!

Как содрогается!

О! Эта вибрация страсти!

Ты вся дрожишь и вибрируешь,

Аида моя!

Ты, самая мудрая женщина,

Так содрогаясь?

Какое ты примешь решение?

О! Какой материал обрели мои пальцы
художника!

О! Самые нежные округлости на Свете!

Выступы тела, одухотворённого...

Твоего тела, Аида,

Дрожащего в сильных объятьях моих.

Но как я мудрость люблю!

Как мудрость люблю!..

И мы летим над Планетой Земля.

Левее, левее прошу тебя, Астра!

Ведь ты знаешь, как я мечтал об этих
мгновениях.

О! Как тело моё дрожит!

Как содрогается!

Вибрирует вместе с тобой, Аида!

Но... как я Мудрость люблю!!!

И вот —

Как телёнок молочный, как змеёныш
беззубый,

Я лакаю мудрость твою.

Ах! Как алчно лакаю я мудрость твою!

Из недр, из глубинных ключей твоего
поцелую.

И мы... удаляемся от Земли.

Но... дрожим... ещё.

Содрогаемся.

И теперь мы навеки, моё яблоко мудрости!

Я тебя «надкусил».

И теперь мы навеки. Вместе –

Моё искушение, мой философский камень.

Теперь мы из плоти одной,

И во мне яд мудрости сладкий –

То ли губельный, то ли животворящий.

Яд!

И мы летим среди мерцающих Звёзд.

Позади Голубая Планета —

Нетронутая. Девственная. Спасённая.

И ты спасённая, Аида.

Я спас тебя от искушений лесбийской любви.

Неповторимая моя! Навеки...

Но откуда здесь эта мерзкая белая тварь на
теле твоём,

Дорогая?!

Почему драгоценное тело твоё

Бьёт она копытом своим?

Откуда здесь жеребец?

Нет. Я этого не позволю!

Любимая! Я только его прогоню...

—

И снова я рыцарь на белом коне!

И герой. На Планете моей Голубой.

На вотчине страшных, диких божеств,

Идолов злых, пучеглазых.

По Священной Земле рысака своего погоняю.

И срываюсь с седла. И падаю в пыль!

Купаюсь в пыли... Извиваюсь...

Блаженный...

Глаза закрываю... И не смотрю... Не вижу...

Блаженный!

Но меня осыпают цветами.

Цветами меня осыпают!

Весенними. Свежими. Снежными.

И женские руки меня обнимают.

Нежные. Трепетные.

О! Сколько рук меня обнимают!

Их мириады. Нет больше. Значительно больше!

Ах! Как я люблю тебя, Индонезия!

Мечта моя. Любовь моя. Моя Индонезия!

И ты любишь меня.

Не в последнюю очередь руками своими.

Нежными. Женскими. Только женскими!

Они цветами меня осыпают. Лепестками
терпкими.

Из дорожной пыли меня поднимают.

Уносят...

Ах! Как уносят! Как держат! Несут...

О-о-о-о... Кажется мне... Не знаю...

Возможно, здесь принято так.

Боже! Воистину...

Не только руки художника творят чудеса...

Не только руки художника!

И я открываю глаза. И вижу... Вижу, что я в
Раю –

Солнце. Пальмы. Океан. Дым от костров
летучий,

Песок раскалённый я вижу.

И вижу женщин влюблённых.

В меня влюблённых. Только в меня
влюблённых!!!

И только их вижу.

И воображение моё уже рисует,

Что будет,

Когда сумерки опустятся на их округлые
колени.

Нет ничего в красотках этих,

Против чего я мог бы устоять.

Всё совершенство Мира собрано в них
воедино!

Всё совершенство Мира!!!

Но... Моей любовью собрано!

Кому ещё, кроме меня, это известно?

Яд мудрости... Ну до чего ты сладок!

Сегодня. О, Яд!

Ну до чего ты сладок!

Ты говоришь:

«Моей любовью собрано всё воедино...»

Но почему её всегда так не хватает?

Любви. Так не хватает!!!

Но почему её всегда так не хватает вам,

Невесты смуглые мои?

И почему мне вас всегда так не хватает?

Так не хватает вас мне!..

ВЕЧНО.

На краю Ойкумены – 2

Сигео:

– А вы заметно взбодрились, посвежели, Зэ-Дой.

Должно быть – по факту беспрецедентной актуализации вашего психофизиологического ресурса.

Похоже, вы много нового для себя открыли, прояснили...

Или... это целебным океанским бризом из прошлого веет на вас? –

В памяти оживают яркие, сочные краски природы,

Полыхают костры... бубны звенят?

Молчите?

В дыму пред глазами образы смуглых туземок плывут?

Белозубые их улыбки. Искристые глаза...

Ах! – эта мускатная Нега! –

Тропическая...

С ароматом подснежников на женских телах.

Зэ-Дой:

– Любой звер-вебрь, требующий к себе уважения, хочет быть человеком.

Настоящим!

А оскотинившаяся людина наоборот, спит и мнит себя дикообразным.

Сигео:

– Эврика! Какой вы мощный старик, Зэ-Дой!

И времени зря не теряли, – день и ночь жалом вода по моим текстам. И что?

Зэ-Дой:

– Маразм!

Сигео:

– Да неужели? А на костылях скакать случайно вы не разучились?

Охотно освежу вам память способом отчаянно болезненным, мой Друг, – малоприятным.

Но не лучше ли вам «добровольно» обналичить своё мастерство? –

Тени Покойников поднимать из гробов.
Мумии подвоскрешать!

Зэ-Дóй:

– Маразм!

Сигео:

– Занавесь открывается – веселье начинается!
Вы артист, Зэ-Дóй? Нет? Но это и неважно.

Лишь полюбуйтесь для контраста на Сигео!

На осанку его, выправку, поступь –

Выпад... Прыжок... Вращение... Сальто.

Поддержки партнёрш.

Спереди... Сзади...

А вы?

Лишь копаете вкупе с цепной вашей сворой –

С Таксами гладкошёрстыми!

Водите жалом. Ищите «Нонсенс».

Ищите!

Ох! Ах! – Нашли? Неужели?

Скорей на стремянку! На костыли. На
ходули.

Нашли!

Нонсенс-сапфиры, бирюза, изумруды. И всё
это ваше теперь, Зэ-Дой!

– Хе-хе-хе-хе... –

Вы смеётесь и восходите на строительного козла.

На ходули восходите. Скачите на них от счастья.

И пускаетесь в пляс.

И на разбухающем Самомнении Вашем – растёте как на дрожжах.

И поднимаетесь в Небо!

И растут, раздаются Ходули –

Как две стройные мачты, удерживают вас под облаками они.

И вы кричите:

– НОНСЕНС!!! МАРАЗМ!!! –

Кричите на весь околоток. Да если бы только!

Хохочите. Размахиваете руками – рыщите... ищите что-то во тьме... смеётесь.

Отыскиваете что-то на ощупь. И не находите.

Не находите там «Бабочек» тех ночных...

Тех, что Сигео у вас «увёл».

И тогда – вы поднимаетесь ещё выше. И выше!

А Мотня ваша опускается ниже.

И ниже!

И вы снова кричите:

– Маразм!!! –

И поднимаетесь ввысь.

Метаморфозы какие!

И вы лихорадочно ищите в небе тех юных прелестных созданий –

Тех «Глупых Гусынь», что виснут на шею Сигео.

– Маразм!!! – вы кричите и причитаете:

– Им сколько раз говоришь: «Дуры»! А они виснут.

Им говоришь: «Куда? Цыц»! А они за Своё.

Им говоришь и говоришь, говоришь и говоришь,

А они... –

И вы шарите руками во тьме и говорите:

– Господи!

Да вы когда-нибудь подымитесь выше п*здоносных тирад? –

Дала-не дала... А надо ли было? Не рано? – обождать, может быть, было надо?

Настоящий муш-чина! –

Это тот, кто требуется в критических ситуациях?!

Но ведь для этого существуют прокладки:

Вы рекламу не смотрите? Полистайте каталоги, что ли? –

Сплошной матричный идиотизм – вой (а по сути – писк) матки.

Будто влагалище наделили зубами и вставили в него язык –

И он болтает. Болтает без умолку.

Разве что для приличия требуются руки ещё,
чтоб «клаву» тыкать, —

И вы ищите и поучаете... Ищите и
причитаете. Отчитываете, наставляете.

Но... ничего не находите.

А Мотня ваша уже по земле влачится!

И вы на стыке двух мачт — хозяин самых
крутых «подвесок» —

Крохотный человечек с бледным лицом и
тонкими губами —

Возомнивший себя Цицероном —

Центром Вселенной — в призрачном свете
небесных огней...

Как брезгливо губы ваши обвисли!

Подбородок выпячен, ноздри раздуты.

И вы, как Царь Мира, — несёте Вселенной
страшную весть:

— Маразм!!! —

И молнии вас освещают – истца от лица
Племени Гомо.

И, наконец!

Наконец, вы произносите ключевое слово
вашей блистательной речи –

Вы изрекаете, извергаете из себя это самое
страшное слово на Свете:

– Сигео!!!!!!

О-о-о-о!!!

О-о-о-о-о-о-о...

О-о-о-о-о-о-о-о-о-о...

Всё-о-о-о... –

Взрывается всё!!! Рушится, валится...

Падает оземь...

В дорожную пыль. В пыль придорожную –
где веками пылится Нетленая Мудрость.

Там же и тело ваше пылится, Зэ-Дóй, –
дымится и тает.

Малое тело. Со скромным скарбом потёртых
штанцов.

Там-м-м-м-м – на краю Ойкумены –

Подле подошвы штиблета Сигео.

Беседа с коллекционером 1 /2007/

– Вы оцениваете свои картины в десятки и сотни миллионов долларов, маэстро. Ваше слово и ваши мысли, предположительно, тоже недёшево стоят. Позвольте осведомиться относительно продаж?

– Почти все созданные мною ценности при мне, мой друг. Они не по зубам ни вам, ни тем, кто свои миллионы не ведают на что потратить.

– Однако, возможно, вы создали никому не нужные и непотребные произведения.

– Возможно.

– Тогда и грош цена им.

– Невежество не стоит и гроша.

– Вы просветитель? Просвещённый?

– Я одинокий путник в Пустыне Бесплодной, где снег и метель следы мои заметают. Я птица,

взлетевшая так высоко, что вам её уже не узреть.

– И там нужны вам миллионы?

– У личностей различного масштаба – реальность не одна и та же.

– И примечательное нечто есть в реальности, что только вам открыта?

– Примечательно в ней всё.

– И то, что не считаете себя вы человеком?

– Разумеется. А что есть человек?

– Да, что есть человек?

– И вы не знаете?

– Не знаю.

– Ха-ха-ха-ха. И я не знаю.

– Ха-ха-ха-ха. Но вы хотя бы что-то прояснили?

– Да. Постепенно я осознаю, сколь сложным, многогранным существом являюсь. И каждую

из своих граней я могу увидеть, изменить её... и ею быть.

– Должно быть, это требует существенных усилий.

– Да, фантастических усилий и точнейших инструментов. Часть позаимствовал я у «предтеч». Речь о художниках, мыслителях, поэтах... Часть сам создал.

Мои произведения – мой путь к прозрению и совершенству, а не поверхностное отражение Мира художественными средствами.

– А что, если усердствовали вы напрасно?

– Да, я никого не знаю, кто согласился бы со мной, что ради этого нам и дана жизнь здесь. И что в искусстве нашем – шанс её продолжить.

Никто не склонен связывать небытие своё или бытие с духовностью и опытом, что обретаем здесь мы – в этом Мире.

– Но люди верят в Бога.

– В обмен на его щедрость. Моя же «вера» в том, что к Абсолюту следует идти им становясь, – одолевая трудности и непрерывно совершенствуя себя теми средствами, что в наличии у всех – жизнь, разум, совесть, Мир.

– Для этой цели – и ваше уникальное искусство, преобразующее наш привычный Мир.

– Всё, что я делаю и то, как я живу – для этой цели.

– Вы себя познаёте. А что для вас другие люди?

– Другие существа. О них я ничего почти не знаю.

– Но. Ориентиры ваши, возможно, пагубны для них – вредны.

– Для всех? Не думаю. К тому же, я ценности свои от подлинных не отделяю. И что, если я прав?

– Правда опасна и вредна. За Правду можно, и, скорей всего, придётся поплатиться.

– Я за неё плачу исправно.

– Но продаваться Правда дёшево должна.

– И вы настаиваете на этом?

– Никто вам миллионы за ваши картины не заплатит.

– Никто! Но и никто не сможет отказать мне в праве заявлять о подлинной цене моих произведений!

– Да. Но не лучше ли в руке синица, нежели?.. К тому же... ваша экспедиция на Филиппины.

– Что экспедиция?

– Вы намерены о ней только мечтать?

– Но этот замысел, вне умопомрачительных затрат, немислим.

– Так продайте то, что даст вам нужные финансы.

– Уймитесь, мой друг. Всему своё время.

– Ну хорошо. Но... как экспедиция ваша... на Астероид?

– Подготовка к ней в полном разгаре. К тому же до 2019-го – времени хоть отбавляй.

– Но... к этому времени ваша любовь к камню может остынуть.

– Любовь?! Может остынуть?

– Она может стать... ну, скажем, платонической – не более того.

– Ах! Не надейтесь. То, как обращается воображение моё с этим космическим объектом, никто не в состоянии себе представить даже отдалённо.

– Надеюсь, извращений никаких?..

– Надейтесь.

– Ха-ха-ха-ха. Во всяком случае, если уж человечеству погибнуть суждено от астероида...

– Аиды.

– Да, Аиды. То, по крайней мере, то, что вы хотите учудить с телом её, могло бы как-то примирить землян с их участью многострадальной.

– Вы полагаете?

– Да, чем я больше думаю об этом, тем больше нравится мне ваш Проект.

– Похвально уже то, что думаете вы.

– Погибать следует красиво, изящно, остроумно: Земля – театр, земляне – зрители, Аида – сцена, вы – артист. Это трагедия... или комедия?

– Соображайте. Не на то ли интеллект вам?

– В хорошей форме вы должны быть. Все эти эротические сцены потребуют от вас полной отдачи. Не подкачаете?

– Для этого понадобится мне изрядное количество презренных денег.

– Вы миллионы эти и даже миллиарды получите после того, как только это совершите. Уверяю вас. Конечно, если обойдётся всё. Как «обошлось» в поэме вашей.

– Не обойдётся. Если в ближайшем времени не окажусь на Филиппинах я. С беспрецедентной миссией своей.

– Вы впрямь намерены всё человечество спасти?

– Я не уверен... что оно заслуживает это. Но из любви к искусству...

– К красивым женщинам и камням.

– Я готов на всё!

Сценарий /2005 - 20010/

Часть 1

– Ибраги-и-и-и-и-м!!!!!!

Когда ты прекратишь меня за яйца по Миру водить?!

– Когда вы поведёте за собой всё человечество, мой друг, –

От искушений пропасти, греха трясины.

– Всё. Довольно.

И без того достало меня это варварское племя

–
Неблагодарностью своей, тем, что меня вести дерзает,

Держась при том за все мои места, что только ухватиться можно.

И цепко держится, барахтается. Но ведёт.

И доведёт.

И до Цугундера ведь доведёт!

– Простите... До чего, учитель?

– И это называется Сценарий!

Молоть такую чепуху.

Зачем? Чтоб потерял Лицо я?

Мое лицо!

О ком кино снимаем?

Где образ мой? Мой образ!

– Ваш образ столь пластичен, мой учитель,

Столь восприимчив к совершенствованию
всякого рода.

– Какая наглость!

Он. Совершенствует меня.

Слова какие.

Я сам усовершенствую кого угодно – вон той
дубиной!

Есть лишь одна на свете вещь, не
поддающаяся улучшению –

Этот сценарий!

А вместе с ним и ты, осёл.

Вот и якшайтесь вы, насколько дури хватит,
– ты и твой сценарий!

Вас двое. Я один. Меня увольте.

– Из любопытства, может быть, хотя бы
только... мой учитель.

Я знаю, вы могли бы...

– Мог бы.

Из любопытства глупость умножать?!

Что узнаю я? От кого?

Куда ты клонишь, дурень?

– По тексту тут совсем иное.

– Что?

– И до Цугундера ведь доведёт.

– Это я говорю, болван!

– И вы в траву усаживаетесь

И произносите весьма категорично:

– Всё!.. В дальнейшем воздержание моё

С спасеньем человечества несовместимо.

– Но воздержанье от чего?

– Что за вопрос? Это вопрос?

Так вот – от женщин и еды. Или не сделаю больше и шага.

Когда же, наконец, ты перестанешь задавать вопросы?

Ибрагим!

– Но мы должны.

– Меня это не убеждает.

– А убеждает что?

– Опять ты за своё.

Свинья, зажаренная целиком на вертеле – как будто убеждает.

Да, убеждает.

И вина бочонок убеждает.

– И костёр пылающий и жгучий убеждает,

Танец лихой, в лучах Звезды Полярной.

– Банька по-чёрному. Веник дубовый.
И прыжок памятный мой,
Взрывающий озера тихую гладь.
Ты здесь, Ибрагим?
Ты всё ещё здесь?

– Очнитесь, учитель, проснитесь!
Пока вы уединившись дремали в траве,
Я всё устроил. Всё, как вы хотели:
Теперь вы сидите на мягкой подушке с
китайским узором,
В костре, что напротив, поленья с треском
горят:
И ночь. И Луна. И озера гладь,
И банька по левую руку,
Народ ваш покорный подле костра с
почтением смотрит на вас.
И я – ученик ваш и друг – слово беру:

– Други мои, грядущие в потоке будней
мрачных

И тягот жизни, вас к земле клонящих.

Погибнуть так легко в зловещем мраке,

Когда нет Света впереди.

Когда глаза не видят Света.

Но где ваши глаза?

Где Свет ваших очей?

Не вижу.

В ваших глазах нет Света!

Когда нет Света своего... есть утешение одно

–
Если Свет из источника иного – в них
отразится –

Засияет, заживёт!

И там останется навечно.

Где сей источник? – вы спросите меня, мои
слепые.

И я отвечу вам: «Вот. Перед вами он!
Источник Этот.»

Ах! Этот на подушке мягкой восседающий
Ручей!

Магический узор китайского шитья
подмявший под себя, как Демон,

Ястреб –

Словно голубку нежную, подмявший под
себя китайскую подушку.

Сей Источник!

Притаптывающий «голубку», – невинную,
живую...

Куски поджаренного мяса, как слепые
сонные вороны,

Сами летят в его утробу через рот –

Рот – жадный, как воскресные базарные
ворота.

И ручейки невинные свиного жира,

Весёлые, журчат на его алчных губах,

На подбородке властном.

Текут по бороде. И по груди текут...

И реки винные текут!

И наполняют –

Чудовище из Мысли и Живого Света.

И эта Мысль, и этот Свет

Потоком бурным всё пленит, охватывает всё,
что на его пути! –

Леса, озёра и моря, и континенты, и Планеты.

Солнце! И Солнце, и Вселенную охватывает
он!!!

– Да ты хоть крикнуть дай.

– Вселенную охватывает он!

Не передайте, мой учитель.

Вселенную охватывает сей поток из
выпученных глаз.

Какие яркие эти глаза! Прожектора!

Где свет костра? Его уже не видно.

Учитель!

Вы пляшете в Сердце костра –

Стопами белыми угли, мерцающие,
подминая, рассыпая...

И смеётесь. О! – как вы смеётесь!

Как поёте!

Вы поёте?

Чудовищно. Но вы поёте.

И поёт с вами народ...

Пляшет в мерцающем ложе костра.

Ликует! –

Алмазные угли раскалывает нежными
стопами.

Весёлые, счастливые все и живые.

С глазами ясными, проснувшимися ото сна –
Смертельного!.. Далёкого уже...

И на устах у всех вопрос.

У всех вопрос в глазах: Кто вы, учитель?

– Я волк в овечьей шкуре.

– Вы говорите им.

И все смеются.

И вы им говорите голосом нарочито
истощным:

– Овцы мои! Пополнить моё стадо в самом
деле вы хотите?

– И вам в ответ доверчивое: «Да!»

– А если править буду вами из-под веника,
Лёжа лениво на горячей банной лавке?

– И вам в ответ: «Ура!»

И дым, и копоть от костра, и искры,

Брызги свиного жира и вина.

Всё в танце бешеном перемешалось...

И вы как тень, учитель, носитесь во мраке.

Вы поднимаете на руки всех...
подбрасываете и ловите.

И снова поднимаете по два, по три... По две,
по три...

Какая сила! И неутомимы вы.

И изловчаетесь закопченной, засаленной
рукой

По формам девичьим «пройтись» случайно.

Сперва случайно... после неслучайно

И сверхцеленаправленно потом!

Вот в чём вы весь! Кто б мог подумать.

А сцены в бане, что по-чёрному для вас
топилась?

О них, должно быть, многочисленным
потомкам вашим

Поведаете вы стихом александрийским.

– Занятно. Но на сценах в бане, Ибрагим, не
точку ставить надо,

А упитанный. увесистый акцент – как веприк
тот, что съел я.

– А ваша рыбная диета, что до праздника крутого?

Вы что, забыли?

Вот акцент!

– Ты что такое мелешь? Ты о чём?

– О том, что аппетит у вас звериный. Что в рыбе фосфор.

Что фосфор светится в ночи. У вас его с избытком.

И всё, что для акцента надо... отменно светится у вас.

Не столько днём, сколько...

– В ночи?! Ты что, авангардист? А я-то думал...

– Вы тоже хороши. Такое учудили! –

Высокий философский штиль, и вдруг –

Безумный балаган и вакханалия, и стоны, крики.

– И жертвоприношение, мой юный друг,

Тем существам и силам, в любом из нас
которые живут

И жизнь нашу своими соками питают.

Ну... что там дальше?

– Утро... Млечное утро.

Купание в озере ленном – дыханием лета
согретом.

А уж потом!..

– Ну! Не томи! Что там потом?

– Кальсоны...

– Ах!

– Двубортные дублёные Кальсоны! Да. С
начёсом изнутри.

С начёсом... И они – на теле вашем!
Слышите, учитель?!

– Ну, наконец-то! Красота какая!

А дальше что? Что дальше?

– Полегче пуха голубинового они...

– Шедевр! Это Шедевр!!!

– На вашем теле, дышащем нетленной
памятью ночей шальных.

И!

Ваше восхождение на Трон.

– Вот он! Час Истины! Жги, Ибрагим!!!

– Холм празднично наряженный, как ёлка,
Притоптанный народом вашим,
Томящимся в смятённом ожидании Чуда.

Вы это Чудо! Вы учитель.

– Не надо длинных пауз.

– Вы это Чудо. И вы входите во власть –
Восходите на Трон!

И под восторженные возгласы толпы,
Водружена на вашу голову Корона.

– Да!

– И вас цветами осыпают. И в толпу кричите

ВЫ:

– О, мой народ! – вешние птицы...

Вам говорю я:

Не ангелоподобны те, кто более всего любимы Богом.

Так за дело!

За дело Вечное, несметные мои отары!

– И ваш народ... в возвышенном порыве... –
закладывает вас,

Учитель! – запрягает.

Мерина запрягают...

Ему на глаза повязку кладут.

И погоняют.

ВАС погоняют!

И вы бежите... тащите плуг за собой.

Землю вскрываете им.

А на голове – золотую Корону несёте.

Алмазы над вами сверкают. Свет источают.

Блестят.

А ноги в земле... в почве сырой прозябают.

Ах! Эти ноги...

По ним черви ползут,

Жуки навозные скопом влачатся...

О, Портки! Белоснежные Королевские
Кальсоны!

Каким коротким был праздник для них!

Ваш праздник... Ваше величество!

Но!

Вы прирождённый пахарь.

И разгоняетесь.

Несётесь словно ветер!

И! – Останавливаетесь внезапно.

Замираете!!!

Стоите, словно вкопанная в землю каланча.

Хохочете...

А ваш народ, бегущий следом, натывается на
вас

И спотыкается.

И падает на вас... И катится с крутого склона.

Смеётся и хохочет ваш народ...

И говорите вы ему сквозь смех:

– То ли не жизнь?! – Вы падаете и смеётесь.

Падаете, но смеётесь.

А всю жизнь – падали только да рыдали,

Ведомые зрячими вожаками.

Ха!

– И вы срываете повязку с глаз,

И произносите, на борозду указывая, что
пред вами:

– Таков след настоящего Пророка,

Нарушившего сон пластов сознания
дремучих.

И горе вам, коль не найдёте этого следа в
сознании своём.

Таков же Мужа след, грядущего Себе навстречу –

По этой, не засеянной злаками мудрости, земле.

– Но раньше к плугу вы не прибегали –

Я как бы в шутку говорю.

– Зачем шутить, коль нет на то таланта?

– Но всем смешно, и доля правды в этом есть.

– Не будем отвлекаться. У меня по тексту:

Смысл ритуала в символичности его.

След Истины – есть образ Нивы Вспаханной – плодоносящей.

Другого не ищите. Не найдёте здесь.

– Затем, под вечер, вы даёте представление в стодоле.

Там музыка и декорации, и сцена.

А вы – главный герой любого представленья.

То Юлий Цезарь вы, то взбалмошный Нерон,
Калигула, Наполеон...

Вы – гений сцены, мой учитель, но под утро

–

Сбивает с ног усталость вас, как вероломная
петля.

И... – утро.

После взбодрившего вас сна, сидите на
лужайке вы,

Пению птиц внимая.

На табурете деревянном вы сидите.

И ноги ваши плещутся в воде –

В медном тазу.

И две девицы юные, угодливо припав к
вашим стопам,

Перстами нежными их разминают.

И умывают... омывают... моют.

Обнимают трепетные ноги ваши.

А вы, впадая в сладостную дрёму, с
полузакрытыми глазами –

Глаголете самозабвенно:

– О, ноженьки мои... косточки сахарные –

Дерьмо всех тварей Мира повидавшие,
познавшие.

Облюбовавшие...

Ох, дерьмо! Ах, дерьмо! Тут дерьмо, там
дерьмо.

Вчера и позавчера. И сегодня, и завтра...

И послезавтра.

И ночью, и днём. И всегда. Навсегда...

Ни дня... ни дня без тебя,

«Счастье» моё – такое большое и малое...

Как без тебя?

Не знаю... Уже не знаю.

Ох!.. засыпаю.

Я засыпаю.

Отдохните и вы, ножки мои —

Косточки сахарные.

Познайте и вы теплоту женских рук,

Ноженьки белоснежные...

Ножки мои...

— А потом вы забываетесь, отрешаетесь...

Спите...

И просыпаетесь далеко пополудни.

И не можете в толк взять, что происходит.

И тут — с докладом подступаю я:

— О, Ваша Светлость! Вашим целебным
ВИНОМ

Снова наполнены меха народа,

Грядущего в Невежества ночи.

Как улей, зажужжала вся страна.

И на слуху у всех только одно —

Ваша Корона и ваш дар Правителя Миров.

Проснитесь же!

И в городах, и в сёлах... в полях и в будуарах
Медовые ждут Пчёлки вас – Шмеля –
спросонья жалящего щедро.

Бежим же!

Там – за лесом... Ждёт нас Огромная Страна.
Любовь Большая!

Ну... Скорее же! Бежим!

– Ах, да... как бы... Но что за срочность?
Впрочем, бежим...

Хотя... Лыжи мои. Где лыжи? Ну же... Ну...
Скорей!

– Мне бы одну.

– Ещё чего! Да ладно. Вот. Бери... Пошёл ты!

– И вы бросаете всё и бежите.

К дороге. К Камню придорожному бежите –

К замшелому серому Валуну...

Вы подбегаете. И вот...

– Что вот?

– Как что?

Вы как-то символически это свершали.

– Так символически.

– То в жизни.

– Ну...

– А тут КИНО.

– И что?

– В КИНО – всё натурально.

– Ну... Так сразу и сказал бы. За этим дело никогда не станет.

А последствия какие?

– Всё, как всегда:

Таз с отваром целебным – под ноги,

На голову – компресс.

Мне сцена эта особенно по вкусу.

Сцена в саду весеннем –

Благоухающем, цветущем:

После утех праведных – сермяжных

Вы безмятежно спите...

И сновидения вас посещают из Миров иных
– прекрасных,

Удалённых.

И удалённый вы. И отрешённый. Сладко
спите...

И просыпаетесь... Соображаете.

Потом:

– Что-то неладно... Ибрагим... Где ты?.. Тебе
чего?

– О, Ваша Светлость! Я осведомиться лишь
хотел.

– Да. Спрашивай, мой друг.

– Хотел бы знать: как часто похождения
подобные мы станем совершать?

– Какие похождения?

– Валун. Тот Камень, что тут рядом при
дороге.

– Ах, Камень! Значит, Камень...

А знаешь... дело это – не твоего ума.

Ступай. И чтоб про Камень! больше я не слышал.

– Однако если в голову кому придёт,

Что вашей страсти Пламенный Олимп

Внезапно сократился до размеров валуна, что при дороге –

Как оскорбление личное восприму это я.

– И с этим человеком я делил свой хлеб! –

Отцом и матерью был для него. И Солнцем, и Луной!

И в благодарность! Что я слышу?

Ты – извращенец, Ибрагим!

– И вырываете вы тазик медный из-под ног, учитель,

И его швыряете в меня с размаху.

Но изворачиваюсь я и ускользаю невредим.

– Я предпочёл бы, чтоб не увернулся ты. Ну ладно. Что ещё там?

– Утром – мы покидаем эти милые края.

Послушать проповедь прощальную народ собрался.

И в ожидании томится.

А вот и вы.

Взором окинув всех, неспешно говорите:

– Овцы мои... Пчёлы мои и Птицы!

Туманные... предрассветные...

прозревающие.

Я трутень, нектар не собирающий,

Говорю вам, пчёлам неугомным:

В небесных сотах мёд слаще, нежели в сотах земных!

Я птах, гнезда не вьющий,

Говорю вам, птицам, вьющим гнёзда, токующим:

Земное гнездо вас спасёт от земной тоски и опасности,

Но не от Вселенской.

Не заточайте себя в гнёзда земные,

Не будьте узниками Мира сего.

Я – пилигрим вечно блуждающий,

Говорю вам – баранам и овцам оседлым:

Идти в этом Мире некуда, если вы не идёте к Богу.

Но нет дороги одной для всех.

У каждого – своя Дорога.

Её ищите.

Находите!

И отправляйтесь в путь, – в Путь Вечный.

Но знайте:

Не по тому узнаете Свою Дорогу, что легче нет её,

А по тому узнаете, что нет её трудней.

Смело по ней дите!

И знайте:

Где будет трудней всего и опасней,

Я буду рядом.

Затем и не прощаюсь с вами...

Пора нам... Пора, Ибрагим.

– Но я смотрю в лица нас провожающих

И не могу сдвинуться с места. И не иду.

Остаться хочу –

Как всегда, хочу остаться.

И как всегда, говорю вам:

– Не убеждает меня это, учитель.

И вы, как всегда, отвечаете мне:

– Мы должны.

– И уходите вы.

Идёте... Бредёте... Грядёте... И не

оглядываетесь.

Долго.

Потом спрашиваете:

– Ты почему молчишь, Ибрагим?

– Я размышляю.

– Много ли проку от размышлений твоих?

Спрашивай.

– Учитель.

– Да.

– Когда-нибудь... пение ангелов слышали вы?

– Да.

– Они хором поют?

– Хором.

– И есть запевала у них?

– Есть.

– А как поёт он?

И вы вдыхаете звенящий воздух,

Им наполняете грудь до отказа...

И с невообразимой мощью! – на всю Вселенную поёте:

– А-А-А-А-А-А-А-А-!!!!!!!

– Вы поёте... Что-то бормочете и причитаете.

А я смеюсь до слёз... и хохочу.

А вы – посохом машете своим... И в пляс пускаетесь.

В грубой своей – длинной рубахе...

С босыми ногами.

Танцуете вы и смеётесь. Поёте. Бог знает что!

И я сквозь смех, сквозь слёзы говорю вам:

– Нет, учитель... Вы-таки доведёте меня до Цугундера!

– До чего?

Спрашиваете вы.

И мы смеёмся вместе.

Часть 2

– Учите-е-е-е-е-ль!!!!!!

Я всё потерял...

Вас потерял в этом тумане.

Хоть земля под ногами здесь есть?

Куда мы идё-ё-ё-ём?

Не вижу...

– Мы пришли, Ибрагим...

Река. Вода.

Зимняя, быстрая вода перед нами.

И всё.

– А есть другой берег у этой реки?

– Если есть Вера... есть и Берег.

– Значит, дальше мы поплывём.

– Дальше пойдёшь ты один, Ибрагим... –

У этой реки нет твоих Берегов.

Это моя Река.

У неё – лишь мои Берега.

– Вы хотите сказать...

Вы хотите сказать, что мы расстаёмся?

Учитель!

Вы это хотите сказать?

– Разве друзья расстаются?

– Нет. Но именно это вы хотите сказать!

Увы...

И прижимаете вы голову мою к своей груди,

Чтоб слёзы мои меня не смущали.

И так... мы стоим.

Недолго.

И тогда...

Вы идёте.

Уходите.

Вы!

Ступаете в Реку.

И не ступаете...

Вы идёте через неё по поверхности холодной
воды.

Идёте...

Но я подбегаю к Реке и зову вас:

– Учитель!

И поворачиваетесь вы

Лишь для того, чтоб сказать мне:

– Теперь ты учитель.

Уходите вы.

В неизвестность. В туман.

И моё тихое «но...» покидаете без ответа.

Впервые – меня оставляете без ответа.

Но!

Река ваша течёт предо мной.

Всё быстрее, быстрее!

Стою на Берегу вашем, учитель.

Стою без ответа.

Пересыхает от жажды горло моё.

И...

Я наклоняюсь и пью из вашей Реки.

Пью холодную свежую воду...

Из вашей реки.

Напиваюсь.

И жажду свою утоляю.

И нет больше Реки.

Словно я выпил её.

Вашу Реку!

– Учитель!

Когда так долго не перебиваете меня вы,

Я будто равновесие теряю.

О вашем самочувствии позвольте мне
осведомиться.

Не в нём ли кроется причина?

– Нет почвы у твоих тревог,

А важно тут другое:

Чтоб не ускользнула почва из-под твоих ног:
В полёте творческом сколько угодно
пребывай,

Но не теряй землю из виду!

– Здесь есть определённый риск,

Но я надеюсь, вы позволите великодушно...

– Позволите!

Допустим, не позволю.

Это хоть что-нибудь меняет?

Дальше читай! А там – посмотрим.

– За этим дело никогда не станет.

И вот, стою я посреди Пустыни...

Вглядываюсь вдаль.

Пустынно. Пусто. Но...

Но! –

Оранжевым становится внезапно небо.

Огромный Солнца диск в нём загорается.
Пылает.

И Океана чёрная волна словно вскипает подо
мною.

Кипит тяжёлая волна. Меня хватает и
уносит...

И поднимает на свою вершину! –

Где брызги белые и пена,

Где небо в Солнечном огне.

И даль!

Накатывают волны тяжело,

С собой уносят...

Как красиво! Страшно как!

От красоты такой

Глаза не в силах отвести я.

Но... закрываю их. И...

Падаю...

И разбиваюсь о песок.
Лежу на нём – холодном.
Словно поверженный, лежу.
Но разве можно быть сражённым Красотой?!
Бегу... Бегу к своему Океану.
Чтоб броситься в него –
В Вечные его потоки Жизни...
И утонуть в них...
И не утонуть.
И переплыть...
И никогда не переплыть
Океан Вечной Жизни!

Но. Ночь подступает.
Ночь. И неумолимая усталость.
Я снова падаю в песок
И засыпаю.
Сплю до утра сном беспокойным.

Или... так кажется мне?

Просыпаюсь.

Пустыня. Одиноко и пусто.

Лишь бесконечные отары тянутся по
горизонту –

Как облака плывут. Идут... и блеют.

– Чьи эти овцы?

Спрашиваю даль перед собой и небо. И как
будто слышу:

– Мои.

– Куда бредут они?

– К воде, –

Я снова слышу.

– А овцы, что вне стада... чьи они?

– Тоже мои.

– Куда путь держат?

– Те... ко мне грядут.

И трудно мне задать вопрос последний.

Но... произношу:

– Я среди них?

И ничего в ответ не слышу.

Только кажется мне:

Будто Улыбка Вселенной скользнула по
мне...

На губах моих остановилась...

И я снова бегу к своему Океану.

Бегу, чтоб его переплыть –

Лечу!!!

Пятьдесят лет я в пути.

И силы мои на исходе.

Но иду я... Медленно, спотыкаясь... иду.

И я снова в Пустыне.

Кажется, в той же,

С которой начал Свой Путь.

Да, я в той же Пустыне.

Но! Я не тот.

И я не могу сделать больше ни шага.

Ноги вязнут в песке.

Падаю.

И не могу подняться.

Ах, как хочется пить!

Как тогда...

Где она? Где теперь ваша Река, учитель?

Ах, эта жажда! Жар этот! Огонь! Эти слова:

«Теперь ты учитель».

Какой я учитель?

Я никогда никого не учил.

Я всегда только учился.

И теперь учить уже поздно.

А всегда – было рано.

И некого.

Отары по горизонту...

Поздно учить.

И ноги вязнут в песке.

Жар! Этот огненный жар в груди!

Отары вдали...

Кому?

Вам моя Правда нужна?

Ушканы, суслики, скорпионы...

Вам проповедь моя нужна?

Да, вам только она и нужна.

Возможно.

Отары... Не я ваш пастух.

Жар у меня.

Оставьте меня в покое!

Не наступайте! Не я ваш пастух.

Волк я.

Я волк в овечьей шкуре!

Вам к водопою. Я навсегда забыл туда путь.

Волк я. Я Оборотень!

Но... Вязнут ноги мои в песке. Падаю.

В песке зыбком тону...

– Нет!.. Топтаться на месте... «по кругу»
ходить – вот кротчайший путь к водопою! –
Кричу...

И встаю. Снова иду.

И – ноги мои не вязнут в песке –

Будто Слова мои несут меня над землёй.

И я продолжаю:

– Вода мутная в тех прудах –

Вода, утоляющая жажду безликого стада, –

Стада, кругами петляющего к затхлой воде.

К воде свежей и вкусной нельзя прийти
стадом!

Своя у каждого стезя.

Один глоток свежей воды –

И никогда вы не вернётесь в стадо.

Пейте!

Но вы отводите глаза. Бежите.

Убегаете.

Ну, где же вы?

Мои слова сегодня – та Чистая Вода.

У вас есть выбор.

Пейте же! Или не пейте –

Ваш это выбор.

У меня выбора нет. Мне к Океану!

Через Пустыню.

Через Правду мою.

– Когда-нибудь... проповедь читать Пустыне
Вам доводилось, мой учитель?

– Читать Пустыне проповедь – одно и то же,
что читать её впустую.

Об аппетите ты моём не забывай.

О нём в народе говорят высоким штилем.

О нём слагают страшные легенды.

О мудрости моей – ни слова.

Однако сыт я.

Вот и суди – не доводилось ли когда-нибудь

Читать мне проповедь впустую.

Сыт я.

В том есть заслуга моего «прихода».

В тех овцах, что перемещаются по горизонту,

Есть прок какой-нибудь?

Ты, Ибрагим, читай сценарий!

В нём твоя мудрость – не за пределами его.

Читай!

– Зыбкий... коварный песок в той Пустыне.

Но я бегу пока он меня держит.

Держит ещё.

И уже нет, – не держит.

Словно плыву... в звонком песке.

Тону в нём...

Овцы блеют вдали.

И я говорю им. Снова им говорю:

Идти в этом Мире некуда,

Если не идёте вы к Богу!

Но!

Все чужие дороги ведут лишь к водопою!

Ищите свою дорогу! Найдите её!

Дорога по кругу – лишь часть пути.

Место в стаде – лишь часть пространства!

Как место в гнезде.

Но есть ли птица, гнездо не покинувшая?

Есть ли птица,

Крылья свои не расправившая?

И у Мечты, у Иллюзии, Мысли есть крылья!

Позвольте им вас унести от гнезда.

Позвольте открыть им для вас Миры Новые,

—
Восхитительные!

И снова слова мои вырывают меня из песка,
И я снова бегу по Пустыне.

Но. По горизонту! –

Чёрные тучи.

Они бегут мне навстречу.

Чёрные Овцы... как облака... Как бегут!

И не блеют.

Лают они... смеются.

Чёрные овцы... – Шакалы... Гиены...

С клыками, оголенными, наперевес!

Ах, эти пасти!

Морды собачьи...

Но я только один.

Не всем хватит!

Возле меня вы, – как возле корыта.

Вонзаете зубы в меня...

Вонзайте!

Вкус крови на языках ваших и нёбах

Знаком вам...

Из затхлых прудов тех давно вы не пьёте.

Кровь пьёте вы! –

Кровь паствы вашей.

Но я не овца.

Последний раз пьёте.

Волк я.

Оборотень!!!

Да. В пустыне, как в Пустыне – пески до горизонта.

Не правда!

То не пески –

То небольшими тушками шакалов и гиен усыпана Пустыня.

Вся!

Как жалко! Нет... не жалко.

Обозреваю волчьими глазами поле брани.

Отбегаю...

Убегаю –

Ноги уношу свои –

Лёгкие волчьи ноги.

И одинокий серый Волк бежит среди песков
безбрежных...

И освещает его бледная Луна.

Потом... лежу я на спине в песке холодном,

Струится кровь из моих рваных ран.

Но волк зализывает их.

И исчезают раны.

Последние он словно смахивает с моего лица.

И смотрит мне в глаза.

И понимаем мы без слов друг друга.

И... один я.

Пустыня. Ночь.

Громадный лунный диск завис над головой.

Лежу в песке холодном.

Ввысь пристально смотрю... И вижу:

Пространство надо мной – лишь этот
бледный лунный диск.

А в нём! – всё брэнное движение «по кругу».

Всё до деталей вижу.

Понимаю.

Сон-н-н-н...

И снова я в пути... Молча иду. Спешу. Бегу.

И кажется – молчание моё целебно.

И безопасно.

Но следом мудреца должно быть слово.

Должна ли кровь быть следом мудреца?

Чья кровь должна быть его следом?

Как хорошо в пути хранить молчанье!

Но!

Снова песок не отпускает мои ноги.

Нельзя преодолеть эту Пустыню молча!

Чтобы не утонуть в песке,

Я за слова свои как за соломинку цепляюсь.

Говорю:

Ложью пропитано любое слово в этом Море.

Но самая отчаянная ложь — в словах тех
мудрецов,

Что на плодах словес своих жиреют.

Кто путь указывает к Истине, кто судит!

И отпускает кто грехи.

Я лишь свой Путь нашёл.
И очарован его красотой,
Но ясно мне: не в праве я покинуть этот Мир,
В нём не оставив своего следа.

– Не в праве?! А я в праве?

Не оставить на спине твоей следов кнута?
Кого имел в виду ты, говоря о мудрецах,
Что на плодах словес своих жиреют?!

– Ложью пропитано любое слово в этом
Мире.

Мои слова не исключенье.

Но к Свету Истины мы через слово
пробиваем путь,

И потому бедны, как жалкие бродяги.

На ваших выдающихся костях, учитель,

Вы место обнаружили достойное для жира?

Не обольщайтесь! –

Для тягот жизни и побоев это место.

Или не так?.. И так-то – лучше.

– Ты до побоев у меня договоришься!

Ладно... Читай!

– Не вечно... – временно движение «по кругу»,

А дальше что? Конец или Начало.

Выбирайте!

Я выбрал Вечность! Ухожу.

Вы – выбирайте.

Но!

Кто вы?

Что сделали вы для того,

Чтоб выйти за пределы заколдованного круга?

Не зря же вы ходили по нему?

Только нельзя уйти оттуда в никуда.

Оттуда лишь в свой Мир уйти возможно.

Или... в Мир чужой.

Думайте. Размышляйте...

Выбирайте!

Вы ждёте что-нибудь от Бога?

Но он уже всё дал вам.

Я напомню:

Жизнь вам дана. Совесть. Душа.

Разум вам дан и Вера.

Любовь дана.

Как вы распорядились ею?

Время дано. Мир этот дан.

Свой Мир должны создать вы сами.

Но! Это Трудно. Очень трудно!

Легко просить.

Молиться и просить.

Молиться и просить, просить... Молиться...

Но! Бесплезно это.

Плезно то, что трудно, – что неимоверно
трудно!

Легко смотреть, но не видеть.

Слушать, но не слышать.

Слушаться легко,

Повиноваться.

Быть, как все, и ходить стадом легко

К «лёгкой» воде, –

Тысячелетней и затхлой.

Но!

И она была свежей и чистой когда-то.

Эта вода, –

Вода древних пророков –

Отарами Чёрных Гиен, – веками травленная!

—
Отравленная.

И теперь... Это отравы.
Но. Понять это трудно.
Жить, понимая это, – ещё трудней.
Но жизнь такова –
Трудная. И очень красивая.
А Красота... – достояние тех, кто Видят.
Кто Слышат и Знают.
Вы кто?

И снова по горизонту отары –
Псы всех мастей –
Стражи Лжи всех веков и народов.
Все – по горизонту.
По небу! Уже.
Скоро бегут мне навстречу.
Рядом уже. Роятся. Боятся.
– Чего вам?
Но лаять хором умеют они,

И доносятся до меня их «слова»:

– Лю-ци-фер. Люцифер ты!

– Я слышу. Вам это известно.

Я Свет. Сторож Тьмы. Вам это известно.

Ваш сторож я, – ваш господин.

Но.

Зачем мне Тьмы столько?!

Зачем?

Не унывайте.

В Мире моём и вам место найдётся –

Под бременем свинцовых Пирамид.

Под тяжестью железа преступлений.

Ваших моих.

Да.

Я взвалю на ваши тощие хребты всю тяжесть

Мира!

На ваши жирные загривки.

Вы загубили всех пророков Света.

И отравили их Слова.

Дела их исказили.

И память их поставили себе на службу.

Теперь – мои вы слуги.

Я пророк из Тьмы. Меня не одолеть вам.

Не скулите.

Вот! – смотрите:

Та чёрная волна по горизонту...

Она бежит за вами.

К подножью Чёрной Пирамиды вас вынесет
она.

Там лицезрите вы того,

Чьё имя здесь произнести посмели всеу.

Но до того – хочу только взглянуть на ваши
лица.

Есть они у вас?

И снова – в Пустыне, как в Пустыне –
Пески до горизонта.

Неправда! – То не пески – то люди,
Свои лица прячущие в пески.

И снова неправда –
Нет у них лиц.

Тогда... кто они?

И снова псами всех мастей наполнена
Пустыня.

И набегает Чёрная Волна.

Уносит жалобно скулящую «Отару».

И лишь тогда! – да,

В Пустыне тогда, – как в Пустыне, –
Пески до горизонта.

Правда? Да, это правда!

И снова иду я. Вперёд. Только вперёд.

Но.

Впереди – только Пустыня.

Но по левую руку шумит Океан!

Зовёт меня Мой Океан.

И по правую руку шумит Океан!

Зовёт.

Океан Любимой...

В нём Индонезия, Филиппины, Таиланд.

В нём острова Йеанние.

Которых никогда я не видел.

Там земля Йеанние.

Которой я не коснулся.

Там Йеанние.

Не прикоснулся и к ней я...

И не прикоснусь.

Нет?

Но...

Ведь к ней я иду –

Иду через Вечность.

Шум Океана по левую руку ...

И по правую руку шумит Океан...

Выбор есть у меня?

Есть! –

И иду я – вперёд.

Ибо идти в этом Мире некуда,

Если не идёте вы к Богу.

Часть 3

Ах, только б не сбиться с пути в этом зыбком пространстве!

В Океане песка и печали –

Среди двух Океанов Любви.

Только бы с мысли не сбиться на выжженном Солнцем пути! –

Под лучами светила пылающего.

Испепеляющего.

И

Животворящего.

Где всё едино – Жизнь, Смерть,

Мгновение, Вечность.

Надо идти.

Только в пути всё едино. И вечно.

Только в пути.

– Куда мы идём, учитель?

Но в этой Пустыне нет никого. Чей это голос?

Мой голос?

Блуждающий голос мой в Сердце Пустыни?

Или в Сердце моём?

Добела раскалённый песок цвет свой меняет

—

На розовый, мутно-лиловый, пурпурный,
алый.

Алые маки ветер качает... раскачивает перед
глазами —

Цветом горячим глаза застиляет.

Ах, этот цвет! Эти цветы...

Ветер...

Смерч!

Ещё шаг. Ещё...

Ночь.

Или ослеп я?

Ничего... Я пока ещё слышу.

Слышу гул двух Океанов.

Значит, не сбился с пути.

Иду.

Но!

Падаю. Нет?..

Нет.

Иду...

– Учитель, куда мы идём?

Голос юный и чистый – как глоток холодной воды.

Зачем мне глоток?

Я выпил реку.

Но вкус той воды...

Снова вкус той воды в просохшей гортани!

И...

Тогда на устах моих словно эта вода –

Словно эта вода оживает.

Произношу:

– Некуда в этом Мире идти... если не идём
мы к Богу.

И тогда подкашиваются ноги мои, и я не иду.

Падаю. И забываюсь.

О забвение! У меня иной источник силы –
Память.

Нет, не забываюсь я. Не забываюсь!

Блуждаю в памяти моей,

Плыву в воспоминаний Океане.

О Великий... Неделимый Океан Любви!

В Сердце моём пусть вечно плещутся твои
Живые Воды!

Вечно.

Но.

Уже.

Встаю.

– Пора нам. Солнце поднялось уже над горизонтом.

Слышу снова голос.

Вижу...

Вижу отрока перед собой –

Стройного, будто персидская лань.

Но твёрд и крепок он, словно из кремня.

В белой рубахе до пят.

Черты лица его ясны... красивы.

Весёлый нрав в них отражён и сила чувств, и духа.

Живые синие глаза... большие –

Как горная река... как звонкая стрела.

В них мысль искрится. Озорство...

И доброта.

И трезвая... железная... неумолимая серьёзность.

– Но, прежде чем отправимся в дорогу,

Не откажите мне, учитель, отпить из этого
ручья, –

Просит мой ученик и смотрит мне в глаза.
Смотрит с достоинством и пониманием того,
Что он сдаёт экзамен.

Экзамен...

Ручей бьёт малый из зыбучего песка,
Вода холодная в лучах Солнца искриться.
Вода...

Мне улыбнуться хочется, но спрашиваю я:

– Это твоя Вода?

– Да, – слышу.

Что ж, наклоняюсь...

Пью воду талую из быстрого ручья.

И скоро... – нет ручья.

Но подбегает ко мне ученик,

И радость светится в его глазах.

Прижимаю голову его к своей груди...

И мы в пути.

Вдвоём.

Как хорошо!

Впрочем... это мираж.

Всего-то?

Да. Ведь здесь нет никого,

Кроме меня.

И этой щемящей тоски.

Моей. Родимой.

Йеанние... Уже столько мне лет!

А ты... как тогда... Юная... Как всегда.

Как отрок тот, что встретился мне.

Йеанние...

Океан.

Пальмы... Костры... Песок раскалённый.

О, Йеанние!

Отрок.

Кто он? Мне знакомы его глаза.

Поднимается ветер... Глаза его мне знакомы!

Вихри песка.

Кто этот отрок?!

Иду сквозь стену песка.

Всё же иду.

Нет. Я не стою на месте. Нет.

Я иду!

Мысленно? Только?

Но ведь иду...

– Путь свой узнаете не по тому, что он самый лёгкий,

А по тому... что он – самый трудный...

Словно ветер мне шепчет.

Иду.

И спрашиваю почему-то:

– Как твоё имя, мой друг?

– Ибрагим.

Ах, как же себя не узнать?!

Должно быть, ум ясность теряет.

Ну ничего.

– У тебя моё имя. Не отставай.

– Как здесь красиво! Перемешались Земля и Небо.

Сколько силы во всём!

В атаках, налётах стихии!!!

Нет. Не одолеть ей меня. Я сильнее! Ха-ха-ха-ха...

– Ха-ха-ха-ха...

Мысленно... смеюсь и я.

И странной улыбкой лицо моё озарено.

Моё изнеможённое лицо.

Озарено...

Мальчишка и впрямь силён и борьба ему только в радость.

И так знакомы мне его синие открытые глаза!

Быстрее, опасней лезвия они, когда
препятствие пред ними –

Властны они и беспощадны.

И... До бесконечности добры...

Но! Смогут ли правду они отличить от лжи?

Добро отделить от зла?!

Смогут?

Должно быть...

Должно быть, это моя забота, тревога моя...
мой экзамен!

– Ибрагим!

– Да, учитель.

– Ты почему молчишь?

– Я размышляю.

– Много ли толку от размышлений твоих?

Спрашивай.

– Учитель.

– Да.

– Ваши слова:

«В этом Мире некуда идти, если не идём мы к Богу» – предполагают, что к Богу ведут все дороги?

– Однозначных и простых ответов на столь сложные вопросы не бывает.

Но суета бывает, что имитирует движение к высокой цели.

Ничем не лучше ленное топтание на месте.

И наконец –

Скольженье по теченью есть.

К нему и сводится отсутствие невероятного труда

По нахождению пути к Вершине.

Скольженье по теченью есть и не предпринятое Восхожденье.

И только Восхождение есть та Дорога, о которой спрашиваешь ты.

Дорога эта – к Духовности и Знания
Вершине.

– Мне всё понятно... Кроме одного,
учитель... При чём здесь Бог?

Он Символ? Образ той Вершины и дороги к
ней...

Или феномен, существующий Реально?

– В традиции менталитета человека – на сей
вопрос не полагается ответа.

Вернее, заменяет его – Вера.

– Это разумно?

– Нет. Но ведь и Разум не на всё даёт ответы.

– Да. Но тогда... кажется мне – это Тупик,
учитель.

– Тупик, это когда перед тобой Стена... И где
она? Не вижу.

Смеётся Ибрагим:

– И я не вижу. Вижу Даль... И Горизонт. За
ним, должно быть, все ответы.

– Да. Если мы идём.

– К Горизонту.

– Но! Колесо Жизни – Школа... и трамплин к той Высоте.

Колесо Жизни – ловушка, в которую попасть рискуем.

Рисуем, если не используем всё то, что нам дано Природой:

Совість, Ум, Жизнь нашу... Все Миры...

– Колесо Жизни – это образ –

Образ... в пределах неких форм и норм.

Но кто определяет их?

– Как бы... определяет Бог.

Но лишь отчасти.

В том то и дело, что отчасти.

А в основном – определяют те, кто мнят себя богами

И промысел ведут свой там, где жизнь кипит
земная.

– Посредством власти тех порабощая, кто их
слабей.

– Добрей, прекрасней и умней. А также,
зачастую, – и сильней.

Но ложь не могут распознать. А чаще – не
хотят.

– Ведь это трудно.

– Ещё как трудно! А жить во лжи, – чаще
всего, комфортно.

И боятся люди правды. И себя боятся.

Боятся видеть подлинные свои лица,

Обезображенные трусостью и ленью,

Обезображенные мизерных поступков
совершеньем.

Печатью низких идеалов, планов, мыслей,
целей...

Ах, сколько я их в жизни повидал!

И мы идём. Бредём.

Грядём в стене живой – песчаной.

Держимся друг за друга.

Падаем... Встаём.

Идём... Идём... Идём.

Ночь.

Песок холодный... острый... словно
мириады стрел.

Звонкий песок в потоках сильных ветра.

Сон-н-н...

Утро.

Ветерок свежий, лёгкий, игривый

В первых Солнца лучах.

Я один.

Мираж – всегда только мираж. Пора мне.

Но нет.

Со стороны моего Океана бежит ученик.

Сияющий и вдохновлённый.

– Учитель, я в жизни такой красоты не видал!

И это рядом.

Там! – на берегу Океана.

– Друг мой... я знаю это. И знаю то, что за горизонтом того Океана.

– Знаете?

– Да. И туда путь держу.

– Но это рядом. И там... – Подлинно Всё!

– Там нет ничего. Пока... – нет ничего.

– Значит... тот Океан – мираж?

– В определённом смысле – да, мираж.

Пока его я не увижу впереди,

Где ныне – бесконечные пески.

Пора идти.

– Да, нам пора.

И мы идём легко и быстро.

И не творит препятствий нам Пустыня.

Как хорошо!

– Учитель.

– Да.

– Я думаю о Красоте.

– Это похвально.

– Но где её истоки?

Тогда я останавливаюсь,

Смотрю в пытливые глаза мальчишки,

И отвечаю:

– В глазах и Сердце матери твоей.

И отступает Ибрагим...

Вперёд уходит –

Чтоб я не видел его глаз.

Я знаю.

И идём мы...

Думая каждый о своём.

Хотя... кто знает?

Думаю об истоках.

Так далеко!

И тогда...

Оживают во мне слова из моей поэмы:

«...Мы видим одинокое цветущее дерево
поодаль от нас.

Оно тянется к нам своими ветвями. Нам
кажется –

Кажется, что оно тянется к нам ветвями!

Цветами.

И мы бежим к нему и тянемся к нему руками!

Бежим... и уже ничего не видим.

Только цветущее дерево нас обнимает
своими ветвями,

Цветами... руками!

Тёплые цветущие руки нас обнимают.

Вечноцветущие...

И мы в материнских объятиях
вечноцветущие!...»

Хорошо, что отошёл Ибрагим

И глаз моих не видит.

Но вдруг преобразается Пустыня –

На её поверхности рисует Смерч

Таинственных затейливых узоров вереницы.

Как рисует!!!

Какие линии! Цвета. Контрасты.

И в небе молнии летают!

То Солнце освещает всё, то исчезает.

И Пустыня светится, – светится изнутри.

Нет, это не Пустыня. Что?

– Что это? Учитель!

– Наш Путь.

– Мне нравится он!

Восхищение, отвага и восторг в глазах юнца.

Да, повезло мне с ним. Ни перед чем он не отступит.

Ясно.

Вот только мне бы с ним построже.

Ладно.

И не удаётся мне сдержать улыбку.

Но мальчуган всё понял и смеётся.

И безупречной формы зубы

Сверкают весело в его опасном рту.

И мы смеёмся оба.

И идём

По Солнцем раскалённому песку.

Скоро идём

Босыми, скорыми ногами.

И говорим... говорим... говорим...

– К Вершине Мира движемся мы Мир
осознавая –

Осознавая основательно и глубоко.

И есть в нем всё.

И часть того мы познаём, чтобы
возненавидеть

И бороться с этим.

Другую часть – чтоб полюбить – как Красоту.

Она в фрагментах Жизни, что рассыпаны по
всей Вселенной!

И из фрагментов этих мы в Сознании своём
Должны творить Миры...

Но чтоб их оживить, дана Душа нам.

Душой живём мы.

И она есть Жизнь, творящая всё то, что есть
на Свете.

И Душой – мы любим.

И живём мы потому, что любим.

Но.

Сколько на Свете Любви быть должно,
Чтоб Вселенная жила!

– Но познаём и восхищаемся умом мы.

– И каким быть совершенным должен ум,
Создавший Мироздания Проект!

– Вы говорите о Проекте Бога?

– Не только говорю о нём –

К его творцу иду с своим Проектом.

– Мы идём.

– Да, – верно. И замечательно, мой друг.

Но в нашем случае идти,

Не значит – лишь передвигаться в том
пространстве, что извне.

Прежде всего, прорыв должны мы совершать
в себе.

– В Сознании.

– Наполнив его знанием. И в творческом порыве –

Расширив до возможного предела.

– О, этому я должен научиться!

– Здесь – место для того и время.

Ты заметил, какой белый и гладкий песок пред тобой, Ибрагим?

– Такие вещи никогда не упускаю я из виду.

– Не потому ли, что не стоит это и малейшего труда?

– Нет. Нет, конечно.

– Тогда не упускай из виду никогда и сути тех вещей,

Что я представляю здесь тебе наглядно.

И я тростинкой на песке пишу ряд формул, уравнений, цифр.

Потом неспешно объясняю смысл того, что эта «каллиграфия» содержит.

И мы беседуем сосредоточенно и увлечённо,

Не отходя от белой Солнечной Поляны,
С символами знания и мудрости моей.

В косых лучах заката продолжаем мы беседу.
Сидя в песке, любимся Дневным Светилом

—
Солнцем — скользящим медленно за
горизонт.

Той красотой любимся, что на поверхности,
И красотой, которую содержит Знание —
Во всех его взаимосвязях,

Что доступны непредвзятому пытливому
уму.

Когда заходит Солнце,
Когда Искрами Звёзд усыпан небосвод,
Мы говорим о них — о Звёздах!

Об их скоплениях, галактиках... Их жизни,
смерти.

О Белых Карликах, Красных Гигантах
говорим.

И о Квазарах, Чёрных Дырах,
Планетах, астероидах, кометах...

О пространстве и эфире говорим мы
увлечённо.

О науке...

О энергии и массе,

Природе Света, Времени

Во всех известных нам Мирах!

Беседуем о веществе и антивеществе,

И обо всём на Свете,

Что силой знания раскрепощает дух.

Но время не стоит на месте.

Ночь.

Огромная Луна нам светит!

Ах, как светит!

Светом таинственным нас усыпляет –

Плавным...

Тихим томным Светом усыпляет нас

Луна.

И мы сидим усталые

Каждый под деревом своим...

Деревья эти – вековые баобабы –

Красивые.

Луна их освещает.

Какие трещины на этих тёплых вековых
стволах!..

Какие Тонкие, изящные морщины!

Сколько фактур на них!

Оттенков.

Какие звучные гаммы цветов!

Ах, эти добрые, живые существа!

Их удивительная Форма Жизни –

В тугих стволах, ветвях,

В чёрных душистых кронах, –

Во всплесках чувств неотразимых Ночи, –

Цветущей россыпями Звёзд!

Оранжевыми галактик...

И... у основания дерева,

К нему прислонившись спиной, –

Открыв лицо Лунному Свету,

Засыпает юноша, утомлённый тяжестью

дня...

Это Образ?

Тогда... один из самых прекрасных.

Но юноша не уснёт.

Не уснёт до тех пор... пока:

– Ибрагим.

– Да, учитель.

– Масштаб твоего сознания.

– В пределах от $10 - 28$ до $10 + 33$ см

Это пространство одолеет луч света за сорок тысяч лет.

– Возможно. Спи.

И теперь он уснёт.

Только он.

Ох, сколько бы мне рассказал баобаб,

Что за спиной!

Но... молчит.

Потому, что знает,

Что в светлом лице Луны,

Мне неизменно привидится лик Йеанние.

И тогда —

Всё равно я ничего не буду слышать...

И видеть.

И молчит баобаб,

Потому что и он не знает:

Сколько лет ещё пить мне только из горькой
чаши Любви?

И не знает — у кого мне спросить:

Когда её выпью? —

Эту горькую чашу.

Но я выпил реку.

Баобаб, ведь ты слышишь?!

Я выпил её.

И Океан — выпью.

Однако...

День всегда забвением кончается и сном.

Сном, примиряющим нас с Горечью Любви,

С препятствиями на пути в Потоках Жизни.

Кончается день сном...

Переставляющим акценты в мыслях,

Что, словно вешняя река, сознание питают

И возносят.

Утро.

Как у подножия горы – возле ствола старого
баобаба –

Стоит в белой рубаше юноша, лучами Солнца
освещённый,

И свежая прохлада звенит над
пробудившейся Пустыней –

Струится, словно родниковая вода.

– Учитель! Я вам должен рассказать.

– Что ж, говори.

– Речь о взаимосвязи материи и мысли.

– Да.

– Когда Пространство целостно
воспринимаю я,

Своё сознание осознаю «связующим звеном»
между Мирами –

Всеми:

В пределах между крайних величин.

– Это разумно. И ты диалектик.

Добавь только к этому то, что то
пространство,

Что занимаешь сам во Вселенной ты: $10 + 2$
см –

Ровно посередине.

– Как любопытно!

– Наука убеждает в этом нас.

– Но не доказывает это.

– Нет.

– Жаль... ведь это так красиво!

– Это гипотеза. Но почему она красива?

– Красота... это – и чувство.

– Какое?

– Явления беспрецедентного масштаба и сложности

Осознаются просто и наглядно,

Посредством образов... Образов-чисел – в том числе.

– Так. Продолжай.

– Это красиво!

– Надеюсь, что не только это.

– Да, не только.

– Что ещё?

– Разум, масштаб Миров сопоставляя,

В сознании рождает чувственный и зримый Образ.

– Да.

– Учитель! Это образ Птицы, – Огромной! –
Парящей надо всем, что в Мире есть!

Птицы, столь неимоверно зоркой,

Что обозреть она может Всё! –

Галактики, Планеты, Звёзды!

Атомы... Элементарные частицы.

И «Я» – тогда не только «Я»,

Но и та Птица!

И я могу её увидеть... и себя – со стороны –

Как будто «на краю» Вселенной я.

Так далека она тогда!

Но так огромна, что её увидеть можно.

Нет – не глазами...

– Воображенье и мышление, мой друг, – две
стороны одной медали – одного процесса.

– Познания.

– Что тоже – творчеством является одновременно.

И мы творцы всего всегда – в определённой мере.

Вопрос лишь в том, чего творцы. И в какой мере.

– Учитель! Вследствие того, что я постиг и пережил за эти дни,

Мне кажется, я полюбил Науку.

– Неплохо для начала. Но научный метод –

Лишь относительно хорош, –

Если он с философией в одной упряжке и с искусством.

– Тогда, хотелось бы скорей мне перейти к беседам об искусстве. И философии, конечно.

– Ха-ха-ха-ха...

Однако... Философский тренд присущ нашим беседам изначально.

И категории искусства мы используем почти всегда,

Когда даём оценку тем или иным вещам, процессам и явлениям.

Особенно когда об Образах заходит речь.

А Образ – это главное в искусстве.

– Только в искусстве?

– Вижу, ты понял, сколь значительное место

Занял Образ Вселенной в сознании твоём.

– Это возможно выразить посредством чисел?

– Нет. Хотя... это идея. О ней стоит поразмышлять.

Но не теперь. Теперь, мой друг,

Я расскажу тебе всё об искусстве, – всё, что ты должен знать.

Пойдём!

И снова без устали мы говорим,
Гуляя вблизи Солнцем залитой поляны.
Символы разных эпох я рисую на ней,
Образы египтян, эллинов, римлян,
Образы Средневековья и Возрождения...
О Рококо, Барокко, Импрессионизме мы
говорим,
О школах различных, концепциях, взглядах...
Об архитектуре, живописи, скульптуре
толкуем...
О Рембрандте, Гогене, Ван Гоге, Моне
говорим...
О музыке, поэзии, литературе...
Об искусстве различных народов...

И длится здесь день
Неделями и месяцами.
Не кончается день, ибо не сказано всё.

Но.

Снова закат!

Тишиной объята Пустыня –

В пурпурных Солнца лучах

Летит Солнце стрелой!

Лети-и-и-и-т!!!

За горизонт.

И – Ночь.

Какие яркие Звёзды нам светят!

Какая полная Луна!

Ах, эта Луна! Этот свет...

Такой нежный и тёплый!

Но почему так больно он ранит меня?

Уже давно время сна.

Йеанние...

Не только тебя я люблю.

Всех женщин люблю на тебя похожих.

Как много их!

Нет... Как мало!

Аида... Звёздный мой Камень.

Камень, летящий в объятия мои из
Вселенских глубин.

Возьми хоть малую часть моей
беспредельной Любви.

Хоть самую малую часть. Возьми! Забери! В
себе утопи...

Пусть моя Страсть тебя оживит,

Драгоценный мой Камень!..

– Учитель...

– Ты не спишь, мальчуган?

– Я птица... Лечу-у-у!.. Я вижу...

Всё вижу на Свете... Всё в Мире вижу, что
есть...

Слышу... Вселенную слышу!..

Я так далеко-о-о-о!..

– Правильно... Спи.

А мне некому это сказать.

Некому.

Хотя нет более подходящего места в Мире
для сна,

Чем эта Пустыня.

И нет ничего более подходящего для моей
пылкой Любви,

Нежели Сон.

Это правда?..

Лунным светом улыбка скользит по моим
устам –

Так Месяцем юным плывёт невесомость –

В иронической странности сути Любви...

Спасающей от исхода... от избавления... –

Небытия.

Что будет с мальчишкой, когда всему его обучу?

Сон-н-н-н-н...

Явь... Солнце. Безграничные пески.

Оазис благодатный... то ли в сознании, то ли нигде.

Нет, не явь это.

Что?

Поляна Белоснежная среди песков дремучих... многоцветных.

Синие глаза напротив. Ясные...

Пытливые лаза.

Что ж...

Пусть слова мои в них отразятся.

– Чтоб обобщить все знания и с личным опытом связать их,

Есть область знания, что в этом может основательно помочь.

– Не философия ли эта область?

– Она же и наука. Любому изучить её усердно надлежит.

Закономерности развития исследует она,
Объединяет совокупность знания о Мире и методах его познания.

Все философские системы важно знать,
Ибо они творят Картину Мироздания и её объясняют.

Притом – до чрезвычайности различно.
Но, что всего важней,
Это понять, что все они – одна другую дополняют.

И применять их следует диалектично.
Здесь аналогия уместна с тем,
Как физика природу света объясняют:

Одновременно свет – частица и волна.

Красиво это?

– Да.

– Тогда представь себе:

Одна точка опоры в познании Миров –
идеализм субъективный,

Идеализм объективный – точка другая,

Материализм – третья.

Переходя с одной точки опоры на другую...
третью...

Все три возможности смотреть на вещи
диалектически объединяя,

Сознание устойчивость и колоссальную
свободу обретает для полёта.

А с новой высоты... Оно – новое видение
Мира открывает!

– Превосходно!

Так Принцип Дополнительности путь к всем
тайнам Мира открывает?

– Если целенаправленно его мы применяем.
И неизменно –

К новым методам познания устремлены.

Но вот что вредно:

Перегружать сознание своё и память мыслями чужими.

– А как насчёт «недогружать»?

– Соотношение своих идей с чужими, в пользу чужих быть не должно.

Это – чтобы не потерять себя среди «вещей» себе подобных.

– И чтоб не стать орудием в руках этих «вещей себе подобных»?

– Да, чтоб не стать лишь средством, для воплощения идей чужих.

– Это понятно. Но ведь, если «недогружать»...

– Объем знаний для нашего ума – не беспределен.

Из книг черпаем мы его и жизни.

Но! Только лично пережитое – есть Опыт –

Никак не механическое извлечение из памяти
того,

Что не прошло сквозь мельницу сознания и
чувств.

Информация – Зёрна. Осмысленье – Мука.

Хлеб – это Опыт.

Он... и определяет,

Какие знания необходимы – какие в памяти
оставить,

Какие в подсознании «забыть».

Это к тому я, что не тот философ,

Кто без конца цитирует и безупречно
ориентируется в знаниях чужих,

А тот философ, кто мыслит глубоко, свои
идеи в изобилии имеет,

Во всём продвинул дальше всех, и, применяя
знания свои,

Жизнь изменяет.

Тот философ,

Кто, применяя к жизни знания свои,

Живёт красиво и достойно.

– И рад делиться опытом своим с другими.

– Верно.

Не явь и не мираж эта Пустыня.

Она – Реальность. Но иная.

Новая.

Единственная, может быть, Реальность,

Где процветает мудрость, творчество и справедливость...

– Сокровищница знаний Мир Земной! –
мальчишка восклицает.

– Он же – пристанище лжи и обмана.

– Но в чём ещё резон лжецов, кроме захвата
власти?

– В том, чтобы никто не смел даже помыслить,

Что они другая раса. И низменная каста.

– Много их?

– Да. И потребность их в рабах – неимоверна.

А жажда жить жизнью убогих тварей – решительно неистребима.

– Они животные?

– Они «элита». И деградацией Планеты правят испокон веков.

– Но правду о себе они хоть сами знают?

– Не знать предпочитают. Им ложь красивая нужна.

– Ложь может быть красивой? Невообразимо!

– Абсурд в мире неистребим, и никого почти уже не удивляет.

А то, что представляет подлинную ценность – уничтожается нещадно.

И выживает только то, что не вредит власти узурпировавшей касте.

Стёрты с лица Земли все самые прекрасные Произведения Искусства,

Самые смелые и гениальные Концепты, мысли...

– Однако сколько подлинных сокровищ низким не вредит!

– Рабы бессильны их понять. Значит, во вред рабовладельцам не употребят.

– Значит, стратегия касты лжецов – чтоб все жили во лжи... включая их самих.

– А заодно, чтоб Мир не становился справедливей и разумней.

Ведь в этом случае – их место будет не на Троне, а на Дне.

– В такой среде развитие проблематично.

– Преодоление препятствий – как элемент развития – тоже необходим.

Для познающего эта среда – лучшая Школа Жизни.

Ведь всё есть тут: и красота, и благородство, и любовь.

И есть тут низкое, о чём без отворачивания не скажешь слова.

И это то, из чего соткана Реальность.

И познавать её такой должны мы, какой она является на самом деле.

А то, кем быть, мы выбираем сами.

– Вне рамок тех учений, что на всё дают готовые ответы.

– Все философские системы хороши для осмысления реалий жизни.

Но вне своей системы... и Правды нет своей.

– Значит... и об относительности знания мы говорим.

– И о Смыслах и параметрах пути.

– Речь о духовности?

– Прежде всего.

И мы говорим о Духовности, Любви, Красоте, Природе, Культуре...

О Смысле Жизни мы говорим – вдумчиво, пространно, серьёзно.

И на Это – нам Время дано.

Как благодатно Оно! – Это Время.

И длится здесь день до тех пор, пока усталость с ног не сбивает.

Когда сознание почти теряем

От невероятной красоты закатов Солнца.

А в ночи! –

Парим среди Созвездий – в лунном свете...

И отрываются тогда от почвы баобабы,

И улетают –

Со Звёздами танцуют странные
великолепные гиганты.

Похожие на фантастических слонов.

Танцуют...

До чего это красиво!

Как захватывает Дух!

В какую даль уносит!

Но.

В Пустыне —

Сон-н-н-н...

Под утро всегда прохладно.

Но впервые я просыпаюсь от лёгких касаний
снежинок.

Тихо и нежно они ложатся мне на лицо,

На глаза... ресницы.

Как трогательно это! И как мило!

— Как я люблю вас, нежные попутчицы мои!

Должны вы знать об этом.

В танце любви мечтаю я соединиться с вами.

Сейчас открою я глаза, и вы увидите, как восхищён я вашей красотой.

Увидите, сколь трогательны и нежны чувства мои.

Непревзойдённые...

Неповторимые мои!

Но тогда происходит невообразимое:

Огромная охапка снега летит мне в лицо!

И я слышу смех и не самые почтенные слова в мой адрес:

– Это вам. За науку, учитель!

Быть может разум помутился моего ученика?

Как знать? – чрезмерные нагрузки сыграть могли такую злую шутку.

Тем временем летит в меня снова охапка снега.

– Ах, проходимец! Ну, держись! Теперь не жди пощады!

И своего ученика забрасываю снегом я.

Сражаемся.

Катаемся в снегу. И поднимаемся.

Хохочем...

И мы в снегу от головы до пят.

Смеёмся. Шутим.

Любуемся зимой в Пустыне.

Зимой среди летнего зноя.

– Учитель, как это здесь происходит? Что это всё?

– Иллюзия.

– То есть всё это нереально?.. Не может быть.

Что есть иллюзия?

– Реальность творческого Мира.

– Мира её творца.

– Логично.

– Но кто творец? Мы говорим о Боге?

– Как бы о нём.

– Но...

– Всё мироздание, включая нас – иллюзия
Всевышнего Творца.

– Но...

– Но чем мы ближе к Богу, тем иллюзии наши
реальней.

Тем они ближе к воплощению.

– А что есть воплощение?

– Мир их творца –

Мир целостный, прекрасный и Реальный.

– И вы отважитесь назвать того Творца,

Иллюзии которого здесь обретают
воплощение?

– С даром соображения твоим, мой друг, об
этом мог бы догадаться ты и сам.

Улыбка юноши мне сообщает,

Что знает он ответ на свой вопрос, и что от
этой темы мы уходим.

– Я, кстати, не лишён и дара слышать, мой учитель, –

И слышу я со стороны вашего Океана сильный гул.

И вижу!

Вижу лошадей, несущихся среди песков безбрежных.

Несущихся навстречу нам.

Как они скачут!

Ах! Я побегу. Вы – как хотите.

И бежит мальчишка к скакунам разгорячённым,

В скорости не уступая им.

Двух лошадей хватает он за гривы... расталкивает...

Усмиряет...

То стоя – на спине одной из них несётся,

То висит на шее другой... то мчится впереди всего табуна.

Не могу удержаться – смеюсь.

Вот так разрядка!

После столь напряжённых «боев»
интеллектов.

Ну... Что там ещё сочинит шалун?

Вот:

На вороном жеребце несётся ко мне.

Другого ведёт за собой, удерживая за гриву.

– Учитель, я выбрал для вас самого быстрого!

А ну! Кто скорее? Айда!

Но откуда юнцу знать, что такое преклонный
возраст?

Однако... взбираюсь на спину коня.

И тогда! – по Пустыне вихрем несутся
всадника два,

Сонный песок до облаков поднимая.

Нет. Этого мало!

За стадом страусов мчатся они.

Испуганных птиц настигают, хватают... В
небо бросают,

Чтоб не забывали те навыки гордо парить над
Землёй.

Смеются буяны, хохочут.

Сеют панику в караване верблюдов,
Бегством спасающихся от «урагана».

Потом, заметив стаю ворон в кронах деревьев,
Скачут к костру,

Поленья, горящие, из него вырывают
И швыряют их в «возмущённую высь».

И –

Рассыпаются над кронами деревьев поленья –
Застилают небо искрами шальных огней.

И –

Разлетаются вороны!

От истошных «криков» их гудит Пустыня.

А всадникам всё нипочём.

Весело им. Блаженно...

Но. Сбиваются в стаю чёрная масть

И! – атакует.

И в бегство гонителей повергает своих.

Ах, эти чёрные умные птицы!

От них уносимся мы хохоча.

Весело... быстро.

И...

Нет Пустыни!

Нет её перед нами:

Летим сквозь заросли невообразимой
красоты!

Пальмы... Цветы.

И... Океан!

Понять бы... как могло это случиться?

Океан предо мной.

О, Йеанние! Её Океан...

Как красиво!

Как этого мне не хватало!

Но... Время...

Не Время!

Ах, как здорово лететь на спине рысака!

Среди мерцающих брызг Океана,

Среди потоков волн певучих и свежих...

Но...

Это неправда!

Этого нет!

И я закрываю глаза, чтоб не видеть.

Но ещё больше вижу тогда:

Я вижу тысячи островов, что за горизонтом —

Таких красивых и разных! —

Островов Йеанние.

И она на одном...

Одна.

На берегу Океана. В даль смотрит.

И в глазах её грусть... и надежда.

И она произносит в безбрежную даль:

– Naghihintay ako sa iyo. /Я жду тебя./

– Pumunta ako. /Я иду./

Ей отвечаю.

Услышала? Нет?

Улыбнулась...

Она.

Падаю я!.. в холодный песок.

Открываю глаза. И... вижу,

Вижу, что нет моего рысака. И нет Океана.

Есть только Пустыня.

Моя Пустыня... до горизонта.

Смеркается...

Порывы ветра сильнее и сильнее.

Идти надо. Куда?

Я не слышу гул Океанов.

Лишь смерч воет протяжно и злобно.

Наступает бархан. Это опасно...

– Ибрагим!

– Здесь я, учитель. Что происходит?

– Мы сбились с пути.

– Ничего... мы найдём его непременно.

– Да. Скорее... Пойдём.

– Но куда?

– Прежде всего – отсюда.

И мы идём, бредём, держась друг за друга.

Падаем и встаём.

Вязнем в песке.

Но идём...

Но! Уже не идём.

Не высвобождаемся. Пытаемся плыть в коварной трясине.

Пытаемся вырваться из неё.

И не можем.

Значит, плыть надо.

– Мы выплывем... Давай руку мне, Ибрагим!

– Выплывем мы, учитель!

Держу в руке своей руку мальчишки.

Пытаюсь вырвать его из трясины.

И не могу.

Но!

– Я должен!!! –

Кричу в пустынную чёрную ночь.

Кричу и слышу в ответ

– Мы должны.

Два голоса мне отвечают.

Два голоса?

Свободную руку мою держит в своей чья-то
рука.

И –

Кто-то вытягивает нас из топи.

И поднимаемся мы. Выпрямляемся. Глаза
вытираем.

И юношу видим перед собой.

Всего немного взрослей он Ибрагим.

Но! Это...

Как странно.

Это ЕГО слова:

«Когда будет труднее всего, буду рядом»

Мой учитель? Его ипостась?

Я хочу произнести слово, но юноша
останавливает меня.

И произносит:

– *Ikaw ay guro ngayon /Теперь вы учитель/*

Невероятно.

Никогда мой учитель не изучал Тагалог –
язык филиппинцев.

Откуда знает его этот юнец?

Но улыбается он, и произносит:

– *Nasa bato ang Mahal /Любовь в камне/.*

Тогда и я не могу сдержать улыбку и отвечаю
ему:

– Тама ка патан /Ты прав, однако/.

Как много мы сказали друг другу!

Мгновениям тишины цены нет после этих слов.

Но... истекают быстро они.

Дарит улыбку Ибрагиму сверстник...

И исчезает.

Нет его...

Нет.

А Пустыня залита огнями заката!

Песок хранит тепло дня убывающего.

Оазис дивный нас ждёт:

Зовёт, покачивая ветви дерев, – дерев, от жары усталых.

И словно серебром залита Белая Песчаная Поляна –

Участница наших бесед – двух Вечных Пилигримов.

- Учитель.
- Да, мой друг.
- На самом деле мы могли погибнуть?
- В сценарии этого нет.
- А в жизни?
- Мы всегда в пути, Ибрагим. На Пути Вечном...

Разве этим не сказано всё?

- Сказано... Всё! Но Сценарий.
- Феномен Жизни Духа.
- Учитель.
- Да.
- Ваш Сценарий.
- Да.
- Мы в нём артисты?
- Да. Пока.
- Но.
- Свой Сценарий... и у тебя должен быть –

Как часть бытия Вселенной.

– Но Бытие...

– В основе своей – тоже Сценарий.

– И мой Сценарий...

– Знания есть у тебя. Есть умение мыслить.

А Опыт... Пойдём!

Идём к лунным светом залитой Белой
Поляне.

И Она!

Отодвигается... И отделяется от Песка,

И, расширяясь...

Поднимается в небо! словно восходит Луна.

Уже так высоко она! –

Уже застилает всю звёздную высь...

И на ней, как на экране, мы видим Планету,

Где жизнь бьёт ключом.

Смотрим... едва веря глазам...

Удивляемся... Обозревая всё до деталей...

И наконец... произношу:

– Это Оно, Ибрагим! – Колесо Жизни – Школа непревзойдённая.

Непросто войти в неё, непросто пройти её, непросто вырваться из неё.

Но!

– Я должен!

– Да. Где будет труднее всего, буду рядом.

– Учитель.

– Да.

– Ведь мы не расstaёмся?!

– Друзья не расstaются никогда.

– Никогда...

Голова ученика на моей груди... Лицо его в слезах.

Поляна Солнечная на своём привычном месте...

– День этот был не лёгким, Ибрагим...

В Пустыне ночь. Пора ко сну.

– Я с ног валяюсь, учитель.

Подходим к освещённым лунным светом
Баобабам.

Помогаю юноше присесть.

И прислоняет он младую голову к могучему
стволу –

Опытом нетленным умудрённого веками
Баобаба...

И засыпает...

Но.

– Учитель...

– Да.

– Тот юноша, что нас избавил от гибели в
трясине...

Он мой брат?

– Да. Спи. Всему на Свете своё время.

По устам мальчишки улыбка скользит.

И –

У основания тысячелетнего Баобаба,

К нему прислонившись спиной,

Открыв лицо лунному свету...

Засыпает юноша, утомлённый тяжестью
дня...

Это...

Лишь Образ?

Нет. Нет же! Не только!

Ведь он – один из самых красивых.

Огромных усилий мне стоит сделать ещё
несколько шагов к дереву рядом.

И падаю я.

Засыпаю.

И всю ночь меня нет.

Ни меня, ни Мира, ни жизни, ни тех, кого так
люблю!

– Нет! Этого быть не может!!!

Выкрикивая эти слова, просыпаюсь –

От холода... озноба... дрожи...

От порыва ветра...

То ли поздняя осень... То ли зима.

Снегом покрыты деревья.

Снег заметает Поляну... Белую.

Снежную. Нашу.

И на ней нет ничего.

Нет! –

На ней след ученика...

Его след.

Только след... И –

Только снег. Только песок. Только ветер...

– Ибраги-и-и-и-м!!!!!! –

Кричу в пустое холодное Небо, –

Мальчик мой!

Снег и песок следы твои заметают...

Боль.

Часть 4

Но моя школа здесь – в Пустыне.

В пути.

Где с обеих сторон шумят Океаны.

Что впереди?

Школа моя... Кто в ней теперь я?

Кто? Ученик?

Как хорошо!

Только где ты теперь, мой учитель?

Но!

Почему раскачивается Пустыня?

Какие силы в ней ожили?

Куда летит Она?

Куда песок летит?

Он её обнажает!

Нет.

Пустыня себя обнажает!

Пустыня...

Нет, не Она.

Ландшафт передо мной

Знакомый до боли.

Нет. Не может этого быть!

– Аида!

Любовь моя. Мечта моя. Моя Аида!

Но теперь...

Какой из меня рыцарь?!

Мне сил едва хватает,

Чтоб удержаться на твоём взрывоопасном теле.

Любимая, с ног не сбивай меня!

Позволь прильнуть к твоим неотразимым формам.

Однако это всё... не мой сценарий.

Неповторимая моя! Мой Философский
Камень.

Ах, как я мудрость пил твою в те памятные
дни!

Те дни.

Но как её всегда мне не хватало!

Мудрости.

Должно быть, поделилась ты со мной лишь
частью тех сокровищ,

Что ревностно в себе хранишь.

Любимая, мне кажется, не слышишь ты меня
сквозь этот грохот.

Но, если так тебе угодно, я снова ученик –

Твой ученик –

У ног твоих!

После слов этих в царство тишины влетаем.

А наготу Аиды от меня пески скрывают.

И я в Пустыне снова.

Где полдень и тепло.

И до оазиса рукой подать.

Иду к нему и размышляю,

Как на ученика теперь я непохож.

На рыцаря – тем паче.

Возможно, на себя похож? –

Пряди растрёпанных волос взор застилают,

На Солнце выгоревшая рубаха.

И ноги бóсье, что тонут в золотых песках.

Аида!

Ты любовь моя и Мудрость в Камне!

Я ученик твой.

И твою науку вечно постигать готов.

Какие странные здесь формы у растений!

Какие звонкие ручьи текут повсюду!

Куда?

В одном из них уже плыву, словно в реке
небесной.

Под облака меня уносит его хладная вода.

Уносит...

Однако должен я идти.

Но... не иду. Пока.

В тени ветвей пахучих стройных пальм сижу.

В тени сочных ветвей – терпких и сладких.

Лежу. И засыпаю.

В сон солнечный полуденный неспешно
ухожу.

Произношу: «Ночью пойду». И засыпаю.

Сон-н-н-н.

В час огненный заката я не просыпался
никогда.

Но час этот настал:

Десятки, сотни Солнц пылающих

Одновременно устремились к горизонту.

Летят...

И падают!.. Пылают.

Взрываются!

И поджигают горизонт...

Потоки света разрывают неба синеву!

Я зачарованный стою.

Нет. Не стою.

Уже бегу навстречу грозному закату.

Но почему бегу?

Не знаю...

Знаю!

Навстречу мне бежит она.

Аида!

Нет... Йеанние?

Бегу!

Нет... кто она?

Не знаю.

Почему всё погружается во тьму?!

Аида, ты смеёшься надо мной?

Ни дня я не прожил, не вознося тебя над всем
на Свете.

Какой неотразимой стала ты!

Сознание теряю от избытка чувств.

Колени приклоняю я перед твоей
непревзойдённой красотой!

Но смех слышу в ответ я —

Ночной смех твой, моя Аида. Почти
беззвучный смех —

Смех полуженщины-полупустыни.

И вот звучит совсем иначе он.

И близко.

Тьма. Трепет... Дрожь...

Прикосновение... Другое...

О, Аида!

Не стала ты скромней.

Твои объятья – мёд. Они – вино!

Глаза мои закрыты. Но...

Прикосновенья эти!

О, Аида!

Жрица любви моей. Моё блаженство! Но...

Тебя увидеть я хочу хотя бы на мгновенье.

Лишь на мгновение глаза приоткрываю.

И! О, небо!

В объятьях ящерицы я!!!

Высвобождаюсь с ужасом из её цепких лапок.

Отталкиваю её от себя.

Она же, отбежав на несколько шагов,

С себя, словно одежду, ящерицу ту срывает.

И обнажённая стоит...

Берёт на руки тварь и к телу прижимает.

Рептилия же та, как жалом тонким,

Щекочет языком шею её и грудь.

Аида!

Меня она не замечает.

Она забыла обо мне?

Под ней песок светится красным, синим,
белым цветом.

Забыла обо мне?

Ложится на песок и увлекает за собой
уродливую игуану.

Гладит её и обнимает... Шёпотом с нею
говорит...

Меня не замечает.

А та – на животе её лежит –

Изогнутыми лапками своими её бёдра
обнимает.

– О, Аида!

Твоё пристрастие к любви лесбийской я и раньше отмечал.

Но чтоб оно такие формы принимало!

– Хе-хе-хе-хе...

Она смеётся тихо... насмешливо, бесстыдно.

Рептилию на спину валит.

К ней прижимается и льнёт,

Её целует.

Ящерицу!

Ах!

Как дышит!

И вдруг! – бросается ко мне.

Пытается в меня вцепиться,

От страсти растерзать хочет меня!

И... до меня не может дотянуться.

Никак не может дотянуться до меня:

Сила невидимая не пускает –

На расстоянии одной только ладони –

Её удерживает от меня.

Ах! До чего невыносимо!

И сладко быть целью такой желанной!

Но расстояние!

Неодолимо...

Ошеломлён я.

Не могу приблизиться к Любимой.

Достать могу её лишь взглядом.

Только взглядом.

Её красивое лицо искажено безумной
страстью:

Меняется...

Отобразив гамму самых неожиданных и
сложных чувств:

Миндальные глаза то трогательны и нежны,

То ненасытны, беспощадны...

И совершенно её тело.

Пытается она в меня вцепиться из последних сил.

И тщетно!

Сколько страдания в лице её от неудачи!

Слёзы на глазах.

И она плачет.

Тянется ко мне руками...

И!

Впадает в ярость!

И! – в порыве чувств неукротимых –

Уязвлённая, – танцует!

Нет, это не только танец.

Это музыка глубин её души. И существа её,

Идей сумасшедших и смыслов!

Она телом своим словно поёт –

Своим блистательным и совершенным телом!

Обольщает, озаряет, просвещает...

В блеске чарующих форм и движений...

Так откровенно и так красиво!

Так совершенно...

И так желанно!

Но с места сойти я не могу.

Почему?

Она взрывает Сердце моё!

О, эти формы! Руки её. Пальцы. Стан...

Ритм!

Не дотянуться мне до неё...

И вдруг —

Снова ящерица она!..

И убегает!

Бежит от меня,

Причудливо ногами скорыми перебирая.

И светится песок под ней —

Красно-оранжевым цветом горит.

И... не горит. Уже...

Один я.

В Океане горечи убийственной утраты...

В Пустыне...

В ночи.

В недостижимую даль уносит пережитое,

В острую боль погружает –

Неодолимую – Космическую боль!

Мою Родную...

Сознание теряю.

Тьма. Небытие...

И... Время.

Утро... Солнце взошло.

Ночные образы перед глазами...

Горько... Птицы поют.

Но ведь поют!

Та игуанка...

Я оттолкнул её. Но почему?

Такую милую...

Как совершенны её формы!

Разве сравнить их можно с камнем,

Что полюбил? —

Что оживил своей любовью...

О, Аида!

Какой красивой ты ко мне пришла!

А я... — не понял —

Ничего не понял.

Я чудовище!

Но ведь поют же птицы!

Ведь поют...

Я ученик. Всего лишь...

Всё пойму.

И оценить сумею.

Перед глазами Сцены ночи
Они – в Сердце моём –
Бесценные Сокровища мои.

Лежу в воде холодной быстрого ручья.

Оазиса пленительная красота мысли мои
возносит,

Дополняет...

Так красоту Аиды дополняет красота её
подружки.

Аида! –

Мой Небесный Камень – Игуанка –
Йеанние...

В чём суть и цель её космических аспектов?

Не это ли понять мне надлежит?

Суть женщины...

Я – лишь догадываюсь.

Но. И знаю:

Чтобы соединиться с ней в любви её
Космических Высот,

Довериться ей должен –

Она – космическая ипостась моей Любви...

Не всё я знаю.

– Я никогда так не любил тебя, Аида!

Очаровательная игуанка –

Йеанние...

Как хорошо, что это лишь начало!

Творить и познавать – одно и то же?

Да.

Как много предстоит ещё понять мне!

В свете того, что пережил...

И это – всё меняет.

Меня меняет!

Аида, – Философский Камень мой,

Ты Сердцу моему задала новый ритм.

Ты и она...

Этой беспрецедентной ночью.

Во тьме познал я Новый Вкус Любви.

Во тьме.

Но дарит Новый Свет она моим очам.

Свет Новой Жизни!

Смотрю на отражение своё в ручье и знаю:

Я никогда уже не буду прежним.

Никогда!

Но. Полдень.

Снова засыпаю, чтоб проснуться до заката.

Просыпаюсь.

Солнце!

Оно... – Сердце Моё?!

Трепет. Очарование. Страх...

Я боюсь?

Нет! Я давно лишил себя права на это.

Небо... Мысли Полёт!

Воображения?..

Контрасты, цветà, облака...

Образы. Чувства.

Как цельно! Красиво...

В небе Чёрная Птица парит –

В небе Ворон огромный реет.

Закрывает Солнце крылом...

Клюв раскрывает.

Жаждет огня! –

Как Солнце выпить он жаждет!

Он – жажда моя.

Я! – пью Солнечный Свет.

Это крылья мои обнимают Солнце!

Горят!

Как красиво горят!

Догорают вместе со мной мои крылья.

Но! Я снова Чёрная Птица.

И Солнце – это Сердце моё!

Как птица бьётся оно в груди.

Вижу его.

Новое Сердце моё!

Как много в нём жизни!

Как много меня!

Но.

Как мало мне надо!

Как мало!

Какая жажда!

Огнём и тьмой залитые Пространства...

Как среди них Пылинку найти? –

Крохотную Игуанку.

Среди Планет, комет и звёздной пыли —
Ищу её.

И не могу найти.

Пустыня одинокая повсюду.

Во мне эта Пустыня.

Но я не думаю о ней.

Я след ищу Аиды.

Ах, как боюсь её я не найти!..

Не вечна ночь.

Её зову... Кричу!

Но как раскаты грома голос мой.

Имя её звучит невнятно.

И время истекает.

Убываю я.

И Солнце вне меня уже. И вне меня Планеты.

Но! —

Во мне Она!!!

Лишь на мгновенье. Но не сравниться с ним
ничто!

Ещё мгновение —

И предо мной ландшафт космического камня

—
Моей Аиды каменное тело.

И я в ночи, среди песков

Иду... Бреду...

Ищу моё сокровище ночное.

Её зову. И с нею говорю —

С Аидой, Йеанние и с моей милой игуанкой:

— Не стоит ничего великолепие и красота
Вселенной,

Если нет жизни в ней, способной её
полюбить.

Не стоит ничего великолепие Вселенной,

Если нет жизни в ней,

Которую космической и бесконечной
красотой дополнить.

Аида!

Мой напиток вечности пьянящий,

Источник моей силы,

Жажды жить!

Позволь же мне найти тебя, любви моей
источник!

Но что можно найти в кромешной тьме? —

В ночи, в Пустыне?

Но.

Ведь иду я... Иду.

И!

Что на груди моей? —

Каскад прикосновений нежных, торопливых,
быстрых —

К груди. К шее, к лицу...

Кто прикасается ко мне тонким проворным
язычком?

Не вижу. Но догадываюсь. Знаю:

Моя таинственная игуанка.

Такая крохотная!

На лице моём расположилась.

На плечо сбежала.

Скользнула по руке, ладони.

И снова на груди, на животе она.

Быстро бежит.

Петляет.

О! Как Сердце моё бьётся!

Она раскачивается на нём.

Что? Не одна?

Их две?!

Как Сердце бьётся!

Они к нему прильнули животами, ртами...

Я ничего не вижу.

Только дыхание двух женщин слышу в
темноте,

Их голоса и шёпот...

Как это сладко! —

Близко к Смерти...

Сердце! Позволь напиться им и не взорвись!

—

Позволь напиться твоего Огня.

Бегут...

От тебя убегают они, моё Сердце!

И на лице моём они.

Тычутся мордочками в губы —

Обе... Мои обворожительные игуанки.

Пытаются рот мой раскрыть. Им удаётся.

Эта непостижимая любовь их!

Как извиваются, переплетаются, кусаются
они во рту моём!

Как любят страстно, нежно!

И –

Их вижу я... Нет, не глазами.

Вижу любви их страстную изысканную
форму.

Сердце моё!

Какие терпкие, душистые они!

Какие сладкие!..

Податливые.

Да... Уже... Покорные.

И нет их.

Ночь. Пустыня...

И! –

Они перед глазами:

Аида... Йеанние.

Песок светится под их ногами.

Ловлю их взгляды.

Но они стыдливо отступают...

Убегают.

И нет их предо мной...

Лишь светятся в дали полосы под их
быстрыми стопами.

Исчезают.

И словно исчезает моё Сердце. Вместе с
ними.

Ночь...

Грань реальности иная.

Иная форма жизни. Форма любви иная...

С ней теряю связь.

Сознание теряю.

Пустыня.

Блаженны просыпающиеся в Лучах Заката, –
Заката Солнц! –

Шаров живых, пылающих на горизонте,
Напоминающих живые формы дев в Танце
Любви.

Бегу навстречу мириадам Звёзд!

В Пустыне.

Нет... –

Уже в саванне я, порывами страстей
согретой, –

Одушевлённой формами растений...

О, эти формы!

Их цвета, контрасты...

Эти терпкие цветы!.. Они повсюду...

Нет... Они не только лишь цветы! –

Дотронуться к ним не могу –

Меж нами нерушимая преграда.

Но.

Внезапно –

Нет одного цветка!
И передо мною Йеанние.
Она?
Медленно отступает...
Саламандрой убегает.
Прячется среди цветов...
Её уже мне не найти.
К другому подхожу цветку,
Пытаюсь к нему прикоснуться.
И предо мной снова она...
Только другая.
Другие её формы и черты,
О, Йеанние!
Ты убегаешь...
Избегаешь меня?

Но!
Мириады Звёзд к горизонту летят!

Мириады Солнц скользят за черту.

Как красиво!

Но я...

Я хочу прикоснуться к Любимой!!!

О, Йеанние!

Эти живые цветы.

Аида! Твои эти цветы?

Это ты?

И пробуждается от сна Саванна.

Вся Звёздами освещена,

Озарена красой дев юных, нежных...

Словно цветов весенних лепестки, –

Как Сердце моё бьётся!

Хочу всех обозреть – увидеть.

Ко всем хочу прильнуть,

Хочу к всем хотя бы прикоснуться.

Но... Неодолимо нечто между нами...

Слышу лишь бой наших Сердец.
Ритм Жизни слышу! –
Её созидания...

Но Исполины... – деревья Гиганты!
Что? Что они?..
Что Баобабы?
Я среди них.
Я – Они!
Я лес Великанов!..
И отрывается лес от Земли! –
Лечу! –
Лес Баобабов к Звёздам летит!!!

И мириады дев с ним улетают...
И... – Звёзды они! –
Пристанища Страсти.
В небе танцующие – с Баобабами –

Деревьями, величины беспрецедентной.

Деревьями, невообразимых форм! –

Деревьями-Слонами.

Гигантскими слонами! – ошалевшими –

Слонами, обезумевшими от желаний диких!

–

Первобытных –

Тех, что у Истоков Жизни Звёзд, Галактик...

Там-м-м-м!!! – где Слоны-Гиганты

И их Звёздные Цветы –

В пучине Тайны Тёмной –

В Танце Страсти...

Но тогда! –

Лишь одна Звезда все Звёзды олицетворяет –

Она летит среди стада взбешённых Баобабов

и Слонов...

Среди желаний их неумолимых – диких!

В пучине их Желаний...

Жажды, летящей за единственной Звездой на небосклоне...

И...

Настигающих её у горизонта.

Оргия Жизни – в каждой пылинке на Свете!

В каждом моменте!

Оргия Страсти!

Сердце моё глушит все звуки во Всём.

И!

Единственным Слоном-Гигантом настагаю я Звезду!

И мы на горизонте! – Два Солнца – падающих за черту.

Нет! –

В ящерицу превращается Звезда.

Бежит!

Как молния летит ко мне навстречу!

И рвёт преграду между нами!!!

Лишь на мгновение встречаемся глазами,

И! – Звёздный Слон проглатывает
Солнечную Саламандру!

И мы в реальности иной.

Мы среди строк другой моей поэмы.

Где наши образы иные...

Мы среди Звёзд летим.

Я и она – Аида...

Во мне она – в моих космических объятьях.

Как драгоценность высшую несу её в себе.

– Моя Аида! Камень мой!

Формы Твои – пристанище Безумия
Блаженства! –

Прибежище неукротимой страсти!

Дрожь!..

Но!

И на горизонте та же Оргия в разгаре.

Моя Любовь – Аида – Ветром Солнечным
объята! –

Пылает в урагане Страсти!

И не кружатся Баобабы в танце с Звёздами
уже –

Сливаются с ними в Порыве Солнечном
Любви –

Деревья ошалевшие – Безумия Гиганты!

Огонь!.. Сладкий Пожар Сцепления!

Забвения в потёмках беспощадного
Блаженства.

На грани вечного триумфа Жизни над
Небытием –

На грани Взрыва

Там! – На Горизонте... –

Два страстью ослеплённых существа...

Терзающих друг друга в сумерках любви
кромешной, –

В ночи той гаммы чувств,

Что на обратной стороне дня Жизни.

В ночи той гаммы чувств,

Что запредельное безумство –

Произвести в ранг высшей добродетели
должны.

Но!

Лишь перед Взрывом, –

Взрывом Сердец на Горизонте!..

О!

Как разрываются – взрываются они!!!

Какими фейерверками Огней в даль
улетают!!!

Какая музыка звучит!

Сердца не умирают никогда – живут они,
взрываясь!

Вечно!

И...

Соединяет ВЗРЫВ Сердец – Сердце моё с
Сердцем Любимой!!!

И...

Отрывает от неё.

И возвращает...

В Пустыню тёмную... ночную.

Морозную... пустую... вечную... мою.

С мириадами Солнц,

Гаснущими за горизонтом...

Уже так далеко!

Но.

Живы образы Любви Вселенского

Животворящего Заката –

В сознании моём и Сердце навсегда.

Сознание теряю...

От умопомрачительной их Красоты...

—

– Блаженны пробуждающиеся в Пустыне в час заката.

Но. Утро.

Утро свежее. Тёплое. Доброе.

Цветущие деревья. Жужжащие шмели...
Цветы.

– Блаженны пробуждающиеся в садах
цветущих.

Произношу почти неслышно.

И добавляю:

– В объятиях своих Любимых.

И... вижу деву... идущую ко мне.

Черты лица у неё Йеанние...

Но Глаза!..

Нет. Она – другая.

Лёгкая... Взрывная.

Как себя держит!

Сдерживает.

Какие формы у неё!.. Движения... –

Как точно чувства её отражают!..

Она... услышала меня.

И словно молнию глаза её метают,

Как молния она кидается ко мне!

Меня целует, обнимает...

Отступает...

О, эти тёмные – глаза её живые!

Какая необычная улыбка

Притаилась... дышит на её губах.

Нет – никогда её не разгадать мне! –

Ни улыбку эту...

Ни её.

Лишь восхищаться мне дано и знать:

Не разгадать её мне никогда!

– Аида... – тихо говорю –

Боюсь нарушить тишину, что воцарилась
между нами –

Нас объяла.

Спокойно... мирно... Тихо.

Но память мне рисует сцены ночи –

Сокровища мои!

Мгновение –

И словно молния скользит по неземным
глазам Аиды.

И её губы «оживают».

– Ха! – произносят нежные уста.

Но под ресницы длинные, густые прячет
взгляд она.

Мгновение... другое.

И снова мы встречаемся глазами.

И снова гамма новых чувств в очах моей
Любимой.

Одним движением руки просит присесть
меня.

Сама в траву садится.

Рукой чувствительной и нежной – отодвигает
волосы от моего лица.

Отводит их...

И долго смотрит... Смотрит мне в глаза.

Серьёзно. Грустно. Нежно.

Потом берёт руку мою и на живот себе кладёт.

И спрашивает:

– Слышишь?

И я слышу, –

Слышу, как в безбрежной дали... – по всей Вселенной –

Взрываются Звёзды...

Так далеко!

Но Одна лишь... – Наша Звезда...

Под ладонью моей!

Здесь.

Так близко!..

– Здесь, – произносит тихо Аида, –

Я выносить её должна...

Догадывался я. Знала она.

– Наш Мир, –
Тихо произношу.

– Наш Мир, –
Тихо она повторяет.

– Любимая!

Так много я хочу сказать! Но не велит она –
Ладонью мои губы накрывает.

И молчим мы.

И она...

Нет, от себя меня не отстраняет –
Лишь клонит к земле.

Лежу... Верю едва:

В глазах Любимой Все Миры Вселенной мне
открыты...

А ОНА – голову мою в ладонях держит –
Моя Аида...

Грустно смотрит мне в глаза...

Меня Целует... Нежно... долго.

И в поцелуе этом снова – мы Одно –

Несокрушимое и Неделимое –

Одно.

Соединяемся... И разливаемся...

И...

Расстаёмся.

– Аида-а-а-а!!!!...

Пустыня. Боль вселенская... Пески до
горизонта.

Правда?... Нет, неправда.

До Горизонта ничего, кроме Любви...

До Горизонта ничего... кроме Любви

До Горизонта!!!

Идущие блаженны.

Бредущие к Цели своей в Пустыне Вечной.

Блаженны...

Влюблённые в Свой Путь.

Беседа с коллекционером 2 /2012/

– До чего неумолимо время вершит своё извечное дело, Сигео!

– Да.

– И сколько бы не избегал я мудрости вашей... снова здесь – перед ней.

– Лицом к лицу...

– Лица не увидеть. Но я хотел сказать другое.

– Что у времени те же инструменты, что у художника?

– Да. То, что шпателем и серебром оно привнесло в ваш образ новые детали. Похоже, время приходит Поры Осенней.

– И прозрения, и сожалений.

– И презрения, и подозрений. Вот... если бы об этом. И подробнее:

Столько воздушных замков в своё время возвели, столько небылиц сочинили! Должно быть, теперь – мучительно больно.

– За прожитое бездарно?

– Бездарность не лучшее украшение для художника. Надеюсь, хоть в этом со мной согласитесь.

– Не думаю. Украшение «красит» лишь то, что нуждается в этом.

– Вы хотите сказать, что красота – поверхностна. Хорошо. Но мы говорим о таланте.

– Что толку говорить о талантах сокрытия подлинной сути, если суть эта уродлива и опасна? И я хочу сказать именно то, что Красота не поверхностна.

Она Суть. И она или есть, или нет. И в украшателстве она не нуждается. Теперь вам понятно?

– Понятней не бывает. Но откуда взяться красоте? Не в результате ли прогресса? – стремления к совершенству? И для этого, по-вашему, не нужен талант? Не нужны гений Да Винчи, Ван Гога, Баха?

– А по-вашему: их представления о совершенстве лежат в основе цивилизации нашей? – с безумием научно технического прогресса и беспрецедентной ненасытностью Гомо?

Но именно к противоположенному стремиться гениальность. То есть – к Красоте.

Однако с подачи сильных Мира сего, гениальное украшает лишь подлецов, – становясь ширмой и оправданием их мерзких деяний.

– Это так лишь отчасти. Иначе у человечества и достижений бы не было никаких.

– Но у него их и нет. У человечества, идущего на поводу своих мародёрских инстинктов, никаких достижений нет.

Есть достижения лишь у тех, кто противостоит вакханалии этой. Зачастую ценой жизни своей.

– Ценой жизни.

– Или вы достижением считаете разрушенную жизнь Планеты? Грязь атмосферы, производств, зловоние от разложения продуктов жизнедеятельности «разумных»?

Чтоб выжить в этом Аду... Антропос вынужден изобретать всё новые приёмы и средства, что компенсируют его биологическую деградацию и крах.

– Если б так плохо всё было, Сигео... я бы не чувствовал себя так хорошо. Да если б один я!

Не хотите взглянуть – в какой «карете» к вам прикатил?

Зверь не машина! – три сотни лошадей. Супермодель! Пойдём. Не с ветерком, а с такой ураганной мощностью прокачу, какая вам не снилась.

– Считайте, что приснилась. И что прокатили. И что это «было» одним из самых варварских и глупых удовольствий, что за жизнь я испытал.

– Но не хотите ли сказать вы...

– Мне незачем вам говорить о том, что знаете и сами.

– Да, но какое удовольствие, по-вашему, не варварское? И кто, наконец, здесь кто?

– Мне дела нет до удовольствий. Не разучился и ходить. И для меня три сотни костылей – непозволительная роскошь.

Другое дело вы... Чтоб ярче себя разукрасить – коней из всех конюшен Мира будет мало вам.

И вам всегда будет не доставать красот этого сорта. С их бряцаньем гламурным и бессмысленным дизайном.

– Но почему бессмысленным? Предметы роскоши весьма полезны в обществе, в котором мы живём и наслаждаемся плодами нашего труда.

– Плодами. Вы это серьёзно?

– Да. Ну не делайте же вид, что не заметили из какой ткани мой костюм. Из рук какого кутюрье. Какие на мне обувь, плащ, перчатки.

– Часы, трусы. Вам не наскучило перечислять всё это?

– А вам? – без этого не грустно обходиться? Разве картины ваши вы бы с радостью не обменяли на всё это? – дорогие рестораны,

путешествия, отели... на развлечения и роскошь?

– Ха-ха-ха-ха. Вы предлагаете мне сделку?

– Нет. Я хочу понять. У вас почти нет ничего. Лишь какие-то безумные идеи, проекты, мечты... Но у кого ж нет иллюзий, надежд... представлений о должном... прекрасном?

– И у вас они есть?

– Как же!

– И какова их цена?.. если в придачу к ним... вам столь необходима мерцающая и дорогостоящая мишура? Попросту говоря – украшения.

– Но это лишь аксессуары.

– А если честно? Это не то, на что вы променяли всё, к чему идти не стали... ввиду трудностей на Пути?

– Не знаю.

– И разве не жадность вам помогла в обретении ваших сокровищ? Не ими вы прикрываете то, что обрести не смогли? То – чего нет. А вы меня уверяете...

Зачем? Чтобы спалось спокойней? Чтоб кусок в горле нестрял? Вы меня, или себя обмануть хотите?

Ах! Это ваше ненасытное, прожорливое «Я»!

– И уродливое.

– Ну не тащу же вас я за язык. Оно стремиться потребить в тысячу раз больше, чем вам надо, но...

Лишь стремясь потреблять всё меньше и отдавать всё больше, личность обретает ту подлинную ценность, о которой говорили мы вначале.

– Красоту.

– Но человеку это не под силу. И тогда ему не остаётся ничего... кроме... выхода за предел своего мелкого формата.

– И далеко продвинулись вы на этом пути?

– Внутренне – далеко. Внешне – самую малость.

– И в чём тут дело?

– В том, что то, что мы воспринимаем как материальную реальность, трансформируется лишь после того... как наступает Смерть.

– Вы говорите о материализации идей?

– Моих идей. И трансформации моей. О вашей – ничего мне не известно.

– И не известно мне. Но я христианин.

– Тогда, должно быть, человек вы. И им останетесь, возможно.

Только держитесь от меня подальше. Не то ведь ересью своей... могу убыток нанести вашей духовности сакральной...

– Что вы! Да я, собственно, в Бога – не очень-то верю.

Просто соображать удобней так... и перед Смертью заодно быть с божеством – как-то смелей, надёжней.

– Ну, разумеется. Ведь об иллюзии здесь речь. Смущает лишь ваша не очень фанатическая в неё вера.

– Да ведь каким быть тёмным надо, чтобы в это верить! Принимать всерьёз это письмо «святое».

– Тогда, случайно, вы не материалист?

– Я финансист. Прагматик. А экономика стоит не на религиозных догмах, а на вещах реальных.

– И красивых.

– Желательно.

– Тогда будем считать, что украшает вас ваша религиозность и атеистическое

миропониманье, и озоновые дыры, и исчезающие ледники. Наркотики и проститутки, алкоголизм и все явления, имеющие отношение к прибыли вашей – цели и смысле вашей уникальной и неповторимой жизни.

От Золотого Тельца привет вам, дружище!

– Послушайте, Сигео. А вы не мизантроп? Вы же не любите людей! Да ведь будь воля ваша, вы бы всех – под нож!

– А вы?.. будь воля ваша... «ратными» подвигами на демографических фронтах – в два счёта не утроили бы население Земли?

– Ха-ха-ха-ха. Всё может быть... А знаете... всё может быть.

Ведь если не плодиться и не обжираться, то зачем всё это человеку надо? Эта убогая, жалкая жизнь. А так – сколько всего придумано, чтобы её украсить! Сколько

рецептов блюд, сколько способов для размножения!

– Вы редко не лукавите, мой друг. И готовы признать, что это и есть подлинная цель вашей жизни?

– Ещё есть власть, лесть, роскошь, женщины, дети, зависть друзей, коллекции. Вы хотите сказать, что я жалкий сноб и обыватель?

– Хуже. Гораздо хуже.

Если вы из тех немногих, кто мог вырваться из ловушки низкой природы Гомо, но... протоптался на месте. А после – и вовсе дал задний ход.

– И что теперь?

– Почём мне знать? Но если таланты ваши наслаждаться... окажутся где-нибудь во Вселенной в дефиците... Вы можете завидно преуспеть.

– Надеюсь, и ваши шансы на успех не нулевые.

– Премного благодарен. Но...

Что вам, прагматику, в том проку, если не намерены менять вы свою сущность? Ведь мои шансы – перечёркивают ваши. А заодно и шансы всего вида Сапиенсов Гомо.

Вы не в претензии?

– Ха-ха-ха-ха... Нет. Не в претензии. Ведь это вздор. Это же несерьёзно!

– А если серьёзно?

– Если серьёзно...

Тогда вы враг, дружище. Лютый... страшный. А как с врагами поступает Гомо, надеюсь, вам не надо объяснять?

– Не надо, друг мой. Поздно:

Моя программа по утилизации их создана. И может быть запущена в любой момент.

Не мной – Космосом и Планетой.

Это для человека, озабоченного лишь удовольствием своим, – Земля мертва.

Но нет. Она жива. Сознательна. И более того.

И от цинизма нашего – достаточно уже страдает.

– Но-но-но-но... На поворотах чуть полегче! Поаккуратнее, Сигео... Какая там ещё утилизация? Слышать не хочу.

Вы общаетесь с Планетами, Кометами, Камнями, словно они существа живые. Кто вам поверит?

И эти выпады против цивилизации и удовольствий! А вместо что? Что вместо?

– Сколько апломба!

Вы в самом деле полагаете, что лишь посредством разума, в тесном кругу существ «разумных», возможно творчество, общение... обмен знанием и пережитым?

Хотите сказать мне, что невдомёк вам, что не только ментальный план имею в виду я, говоря о глубинном восприятии феномена Жизни?

А что до удовольствий, придуманных людьми, – количество их соразмерно деградации всего их вида.

Удовольствия эти – мелкая, дешёвая разменная монета за то Ошеломляюще Красивое Переживание Подлинной Жизни, что даёт слияние с Природой, Космосом, Правдой.

– Переживание.

– Да.

То ли человеком ещё не вполне утраченное. То ли не обретенное.

– Это, должно быть, соответствует какому-то из направлений Йоги?

– Я не знаток Йоги и нахожу сходство этих учений с моим пониманием только в деталях.

Для меня Йога, прежде всего, религия, активно занимающаяся наукой.

Я не противник фантазий. Но нет более коварного способа лжи, чем искусное перемешивание вымысла с незыблемой Реалью.

– Отбросив религиозные и научные мифы, с чем останемся мы? В них опыт наш, идеалы, устремления, цели.

– Чтоб освободиться от лжи... чудовищной и вездесущей, как ржавчина проевшей нашу жизнь, – всё на свои места расставлено должно быть.

– А если Мир... вне лжи существовать в принципе не может? Если Ложь – атрибут его?

И если... чем изощрённей Ложь, тем совершенней Мироздание и мы?

– Bravo! Это очень глубокая мысль.

И теоретически она неоспорима. Но! Потрудитесь хоть на минуту заглянуть за «горизонт» вашего личного благополучия, и вы увидите то, на чём оно «стоит», и в какое жуткое месиво грозит превратиться.

В месиво Правды и Лжи – наконец, откровенно вами предложенное.

Но. Поздно – мы не в начале, а в конце пути, – пути Лжи Гомо. Кстати, выбранного – не такими как вы?

– Весь растительный и животный Мир держится и существует на жестокости, лжи и экспансии. Человек его часть, и руководствоваться иными побуждениями и методами не может хотя бы уже потому, что немедленно окажется добычей какой-нибудь нравственно менее озабоченной твари. И, попросту говоря, будет съеден.

И, кстати, вы сами – совсем без греха? – совсем без пищи обходитесь?

Ну, скажите: какое животное вы съели на завтрак? И не удовольствия ли ради приготовили его под тем или иным соусом? – с тем или иным гарниром.

– Не угадали. Ни трупы животных, ни людей – я не ем.

Но и я – жертва цивилизации Гомо. И невольно вынужден жить по ряду навязанных мне правил.

Разница же между нами в том, что я сознательно отказываюсь от навязанных мне аксиом. Вы же – позволяете и далее зомбировать себя, обзаводясь всё новыми страстями к потреблению.

– Значит, вы, к природе возвращаясь, – Истину обретаєте.

Мы же, остальные, от природы отдаляясь, — сознание своё рвём на куски, не содержащее ценного ничего.

— Я просто иду своим Путём. И что такое Истина, мне неизвестно.

— Так вы пророк, Истину не познавший? Что ж, это не слабо. А что вместо неё?

— Дорога.

И Следы в бесконечной Пустыне. Следы, что замечает ветер.

— Это ваши работы? Вы написали книгу? Намерены её издать?

— Нет. Не намерен.

— Но она о чём?

— Так, обо мне. И той цивилизации, что идёт на смену Царству Гомо.

— Вы ровняетесь на тех, кто её создают?

— Вы проявляете сообразительность. Но создаю и я, — описывая симбиоз её Миров.

Почему так? Это и для меня загадка – тайна, которую пытаюсь разгадать. Себя, кстати... меня.

– Тогда, в отличии от верующих в Бога, вы верите в себя и свой Проект и полагаетесь только на собственные силы.

– Нет. Я полагаюсь на себя только отчасти, – не отделяя себя от Земли, Солнца, Галактики, Вселенной.

Значит, и мой Проект – не только мой.

А те, кто верят в Бога... Не знаю. Время было, когда и я думал, что верю. Возможно, через это надо всем пройти.

– Тем не менее там, где должен быть знания «твёрдый фундамент»! – у вас лишь вероятность и неопределённость.

Как для материалиста... для меня этого мало.

– Так вот вы кто? Ну хорошо. И из чего выводите вы ваши смыслы? Из чего ваш знания

«твёрдый фундамент»? – если не из веры в безупречность ментальных логических схем и цепей.

– Не забывайте о наблюдениях и эксперименте. Не забывайте о научной картине Мира. О систематике.

– Не забываю.

И я не отрицаю ни геометрию Эвклида, ни механику Ньютона, ни астрономию Галилея.

Это основы, формирующие менталитет разумных. Но это одно.

Другое: то, что в науку воврали идеологи, политики, экономисты, финансисты по указке чудовищно состоятельных господ – ваших соратников по псевдоценностям, милейший.

Но не будем о грустном. Давайте о «радостном».

О том, что человечество в лице идеалистов и вас – материалистов – терпит сокрушительное фиаско. И это очевидно.

– Ну хорошо. Предположим, что наша песня спета... Но какой-нибудь шанс-то вы оставляете нам?

– Оставляйте сами себе всё, что пожелаете. Если находите это разумным и справедливым... А там... видно будет. Не только я решаю. Решаете и вы. И мой Проект – только возможный алгоритм развития событий.

Но себе, в качестве человека, – шанса я не оставляю. Если сумею... восстану из чего угодно иным существом. И Путь свой продолжу.

– Видите ли... Сигео!.. Ваш концепт обещает фазана на ужин. А я ещё не обедал. И раз так, то, чего доброго, до ужина могу не дотянуть.

Так что не хотелось бы вас огорчать, но вы меня не убедили.

– Меня тоже никто и никогда не убеждал. К знанию своему я приходил исключительно сам. Чего и вам желаю.

– И тем не менее... Надеюсь на продолжение этого разговора.

– Дерзайте.

На краю Ойкумены – 3

Зэ-Дóй:

– Милый друг!

Чтоб тебе обе Таксы в глотку! Да чтоб они там ещё и нагадили – как дома, в разных углах, много, с чувством.

Засим откланиваюсь.

Зэ-Дóй

Сигео:

– Тронут щедростью вашей, Зэ-Дóй!

И мои Виртуальные Зонды – неизменно на вашей «волне». Вы – «под колпаком».

Однако из-под него – лишь «Святая Вода».

Будет ли «Спирт»?

По углам чаще глядите, – где Таксы «чеканят»... На зуб познавайте пробы Монет Золотых.

Если отсутствует Золото в них, – не убивайтесь – не принимайте это слишком близко к Сердцу.

Сигео

Беседа с коллекционером 3 /2012/

– Сигео!

Ну, наконец! Где только вас носит нечистая сила? Я уж подумал: не хиллерскую ли практику открыли вы на Филиппинах?

– А вы не столь догадливы, мой друг, каким можете казаться. Что за сила пригнала вас к врезным замкам моей роскошной конуры? Милости просим!

– Да как сказать вам... Когда всё есть. Да нет покоя. А у вас – как бы – наоборот.

– О каком покое вы? Он даже мне не снится.

– Вы знаете, о чём я.

– Знаю.

– Течение уносит... Чёрт! И изменить что-либо я уже не в силах.

– Есть два Потока – что внутри... и что вовне. Внешне и я заложник сил, правящих абсурдом нашего «миропорядка».

– Да. Но между нами Пропасьть. Не первый же день я вас знаю.

– Знаете? И тем не менее...

– Но я прочёл все ваши сайты. Прочёл в них всё от А до Я. И побывал на форумах, где вы собачитесь с вашими «друзбанами».

– И...

– Сделал открытие.

– Сказать вам, что открыли вы?

– Скажите.

– Пропасьть.

– Ха-ха-ха-ха. И как вам только это удаётся?

– Что?

– Слышать. Именно! Собеседника слышать.

– Но это так просто.

– Не просто. Я всегда слышу только себя. И вас, собственно, никогда и не слышал. И не услышал бы... если б не...

– Что?

– И на это у вас есть ответ?

– Где ж ему быть? Умницей прожив, умереть дураком... не ваша стезя.

– Да. И я испугался... Смерти, должно быть. Бесовских мурашек... Ночью. Во сне. И вдобавок ещё угрызения эти... За дрейф по течению жизни. А то и не жизни-то вовсе.

Концепт ваш... философия – от этого освобождают.

– Не философия, а применение её к реальной жизни.

И всё-таки вы кое в чём заметно преуспели.

– Хотелось бы так думать. Но я лишь сопоставляю Путь свой с вашим.

– Это разумно.

– Но это доставляет боль за прожитое зря. Да и менять что-либо уже поздно. А не менять...

– Но вы меняетесь уже – куда скромней одеты, невесть куда упрятали высокомерие своё и спесь. Пожалуй, я теперь не прочь проехаться с вами и на вашем новом «Мэрсе».

– Но я пришёл пешком.

– Вот обрадовали! Ведь отменяется автопробег.

– Мы столько лет знакомы... Не обессудьте, но ведь и я, как все, считал вас чудачком, – личностью не от мира сего. Однако... до чего же непросто всё оказалось!

– Всегда в цене стереотипы. Востребованы они теми, кому лень организовать самим своё ментальное пространство.

– И недосуг. Всегда кажется правильной довериться кому-то: у кого «знания», «авторитет», «солидный опыт».

– Всецело доверять можно только себе.

– И тем не менее...

– И тем не менее...

– Ваша книга.

– Да.

– Вы не намерены её издать?

– Нет. Не намерен.

– Но я пришёл сказать вам... что издать её должны вы. Нет, поступайте как хотите. Но я был должен вам это сказать. Вы знаете, о чём я.

– Да.

– А я знаю, как это сделать.

– Как?

– Издайте её в электронном виде в Инете. Сами, конечно, как сами делаете всё. Для вас это сложности не составит. Но важно ведь...

– Что?

– Что эта книга... не только мне нужна. Она необходима всем.

– Всем?

В качестве предлога, чтоб забросать меня камнями?

– Вас?! – можно запугать камнями?

– Ха-ха-ха-ха. Нет, конечно. Но вы-то первым... камень не бросите в меня?

– Нет. Что вы! Я не брошу.

– Что ж, ловлю на слове вас.

– Ха-ха-ха-ха. Даю вам слово финансиста.

– Веское слово – немалое доверие внушает.

– И, кстати, момент весьма немаловажный – это я вам как «финансисту»:

Не отдавайте труд свой даром. Иначе никогда не вырветесь из вашей «конуры». Ну, не здесь же, – не здесь вы должны быть сейчас!

– Не здесь.

– И я знаю, где вы должны быть. И знаете вы.

– Да.

– Значит, вопрос с изданием книги решён?

– Если не передумаю... издам даже две. А может, и три.

– Блестяще!

– Ещё бы! Ведь одного читателя вы гарантируете мне.

– Не только читателя. Но и покупателя.

– Ах! Впечатление такое, словно сдуру – сгоряча... пошла-таки на лад жизнь наша. Если не в разнос, конечно.

– А вы не смейтесь. Такое впечатление и у меня. За дело, Сигео! А уж Родина вас... знаете ли...

– Ну-у-у... вот уж чего не знаю... Но. Раз пошла такая пьянка...

Встреча 2 /2013/

Теперь, мои друзья, когда часть пути позади, и ваше любопытство по части вкусовых качеств «Жабы Сигео» в какой-то степени улажено, не озадачиться ли вам вопросом:

А какую, собственно, тварь вы у себя во рту пригрели? И не проходимец ли, и не мошенник ваш учитель? Не втянул ли он вас в некую бредовую и бедственную авантюру?

Вопросы эти, прямо вам скажу: не праздные. Соображайте. Думайте – славное дело это. Думать.

Но не сейчас.

Сейчас я подготовлю вас к следующему этапу Пути – тому, что отражён во второй моей книге – «Сердце».

Для этого давайте предположим, что в Рунете и где только возможно, в расставленные мною «мышеловки», вкупе с вами, – попались ещё сотни иллюминатов. Ну... и тьма прочей – зело высокочтимой (?) публики того же сорта.

Кому ж «русского сала» неохота?

Радостно Сигео потирает руки и «вещает» в своей изысканной постакадемической манере:

– Сюда. Ко мне! Ко мне, любезные. Родные! В моих лапах найдёте всё, что вам необходимо... Вам и полчищам несметным клиентуры вашей – из «каст» иных и из иных «сословий».

Только... каждому своё.

Терпения немного, разудалые, лукавые «гиены» вы мои и «овцы» – тихие, доверчивые, добрые... Тоже мои. Пока вас не ловлю. Всех отпускаю – не сезон. Не время. Отпускаю.

Только знайте:

Щелчки пружин-хватательной механики Сигео – лишь несколько хрустально чистых нот финального пассажа жизни, – жизни... в «мышеловках» иных.

Тех, что выставили для вас родители ваши... и прародители – адепты дикого Концепта Жизни. Концепта, чей итог пред вами: наша гибнущая Цивилизация Гомо.

Да, первыми в силки наследственности заманили те нас, кто родили.

Потом, – искусству обучая жить и выживать за счёт других, за счёт Планеты – в какие только страшные ловушки нас не загоняли! Всех. И все – кому не лень.

Что это? Заговор Масонов? Рептилоидов?

Не слишком много знаем мы о них? А что мы знаем о себе?

Не наш ли, человеческий, заговор это против Земли? Против её естественной и прекрасной Формы Жизни? И не все ли мы – латентные антропофаги – участники сговора – преступления против Совесть нашей?

Или лучше этого не знать?

Есть ли вина ребёнка в том, что он, следуя примеру тех, кто его породили, доверчиво голод утоляет тем, что ему подадут? Скажем, трупы в неволе и страданием замученных существ, – убитых на конвейерах кровавых скотобойнь.

Дети этого не знают. Но когда подрастают – знают.

Только их это уже не беспокоит. Нет. Ведь это так естественно! – разумно.

И тогда... в награду за съеденное, они НЕ ЖИВУТ.

Они только питаются трупами и воспроизводят себе подобных, не понимая, что подлинная Жизнь – это совсем другое:

Не фиксируемая топорным набором чувств Поверхность Реала деградантом, а глубокое и мощное Переживание целостности Мира – всего Мироздания – высокоразвитым, подлинно Живым Существом.

Вот что такое ЖИЗНЬ.

И она человеку доступна. Но лишь в том случае, если он «воскресает из мёртвых» – оживает, переставая быть хищной тварью. А вместе с тем развивается интенсивно – в обществе таких же продвинутых, высоких существ, как сам.

Однако и догадываться людям о таких вещах – серьёзная болезненная травма – пытка, вселяющая СТРАХ, – СТРАХ перед необходимостью что-то МЕНЯТЬ В ЖИЗНИ КАРДИНАЛЬНО... решая свою самую серьёзную и страшную проблему.

Тут уж впрямь и без дураков: быть или не быть – вот в чем вопрос.

И надо решать: идти ли и дальше путём деградантов во лжи, или встать на Путь Истины и Созидания.

Да, страшно. Страшно от откровения, что есть ЖИЗНЬ ПОДЛИННАЯ! – жизнь без обмана – вне бронированного скафандра Гомо из заглушающих Совесть пронзительных заклинаний кумиров, Жизнь, вне погружающих на дно восприятия реальности ритмов технического прогресса, вне

разлагающих физическое тело ядов. Вне восстания в сознании трупов, съеденных ещё с того самого нежного возраста, когда доверились мы авторитетным кулинарам нашим.

Не обязательно откровение это?

Оно обязательно. Но чаще всего уже без последствий – в силу того, что метастазы разрушения уж сделали Дело.

И вот – перед нами результат нашей доверчивости, инфантильности и нежелания себя менять:

Конец цивилизации Гомо – хищного падальщика. Того, что, во имя своих гастрономических усад и дешёвых утех, довёл до предсмертной агонии Планету.

Правда, Гомо, как всегда, невиноват (!). Он только хотел, как лучше. Но... надо признать:

1) Мы все (элита, рабы) рождаемся между молотом и наковальней. И! Сразу же – нас разбивают в лепёшку!

– Кто?

– Такие же лепёшки.

В лепёшку?

А если присмотреться? Может то и не лепёшка, а монета золотая? Может это деньги? А? Деньги!

Вывод: в цивилизацию Гомо мы все входим рабами. Только рабами! Рабами Денег. И рабами своего ложного естества.

Но не все мы отсюда рабами уходим. Не все.
ЭТО ТОЖЕ ЗНАТЬ ВАЖНО.

И ни к этому ли следует стремиться? — стремиться стать свободными и ЖИВЫМИ — не номинально, а оптимально.

Надеюсь, понятно:

Степень нашей Свободы находится в прямой зависимости от того, сколько в нас Подлинной Жизни, а не биотехнического суррогата.

Нет более трудной задачи для любого существа, чем развиться до предела своей формы жизни и перейти в более высокий и совершенный План.

Но. Вне этого процесса — кто угодно — Величина Убывающая — исчезающая в малости своей и ничтожности. Да, даже если в каждую её клетку будет внедрён микрочип с самым совершенным комплектом программ. Даже если количество её протезов заполнит всё околоземное пространство.

Все как бы это понимают и этого боятся, но... против течения не поплывут. Нет. Ни за что! А надо бы.

2) Но если верить в Бога, то и «плыть» никуда не надо – вера даст всякому всё, что он пожелает. Бог очень любит тех, кто верит в чудо и хотят, чтоб он – их Бог – стал истово горбатиться, прислуживая им.

Да он лоб расшибёт, им угождая!

Только для Бога... не слишком ли кабальна сделка с Венцом его Творенья?

Не вздор ли это? Не зомбёж?

Шутка ли?! – На одного неверующего – с десяток верующих в столь бредовую халяву.

Нет, это не примитивный, наглый обман. Это оболванивание высшей пробы! Это высший пилотаж очень непростого дела.

А фокус в том, что для того, чтоб человек поверил в Бога – под «сущностью» фантома, должна быть ловко спрятана, а по возможности и «похоронена» ПРАВДА.

И в чём она, скажем, для христианского Бога, что представляется нам как некая триединая сущность – Бог отец, Сын и Св. Дух?

Да в том, что только исключительно ВНЕ СКОРЛУПЫ триединого Бога и возможно адекватное восприятие сущности «БЫТИЯ» – через понимание его триединства:

1) Реал (вещество – спектр ел. магн. колебаний, фиксируемый пятью органами чувств человека непосредственно),

2) Виртуал (сознание + весь остальной спектр ел. магн. колебаний фиксируемый интуицией, умом и т. под.) и

3) ЖИЗНЬ (единый и единственный для Всего на Свете источник «бытия» во всех ипостасях и планах... и... единое для Всего на Свете состояние – ЖИЗНЬ!)

Проверяем истинность утверждения, не отходя от трибуны «Оракула»:

Ваше физическое тело, личные вещи, при вас? Нет? Удостоверьтесь.

Вы мыслите? Ваше сознание оперирует тем, о чём здесь речь? Это вам ни о чём не говорит? Говорит.

И наконец, – вы подчас не труп? Нет? Вы ЖИВЫ!

Где?

ГДЕ?

Во ВСЁМ! – во всём неупрощаемом спектре взаимосвязей Живого с Живым.

Основательно убедитесь в этом – ведь это и есть главное – то, чем является и к чему сводится ВСЁ – это ЖИЗНЬ!

ОНА ЖЕ АБСОЛЮТНО ВСЁ ИЗ СЕБЯ ТВОРИТ, ИЗ СЕБЯ В СЕБЕ ДЕЛИТ, ИЗМЕНЯЕТ И ОБЪЕДИНЯЕТ, – ОБЪЕДИНЯЕТ В ПЕРВИЧНОСТИ СВОЕГО ЖИЗНЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА.

То есть – всё ЖИВОЕ! А нас почуют небылицами о смерти. Кто? Бог?

Давайте попробуем отыскать и его. Ну, хотя бы его самую малость – Отца там его или Сына.

Можно заглянуть под обои, под обивку кресла – поди, сидит там в нескучном обществе клещей и клопов – «прохлаждается» в дурманящих парах формальдегида.

Что? Ни Бога, ни бриллиантов?

Ищите, Александр! Ищите...

То есть если бы Истины в «подстрочнике» феномена Бога не было, организовать зомбёж посредством ЕГО ПЕРСОНЫ было бы невозможно.

Невозможно! Ибо этот подстрочник – апеллирует к подсознанию, что ИСТИНУ ЗНАЕТ, но сам, ввиду вступления в «игру» могущественного Бога на устах реальных авторитетов от индустрии ДУХОВНОЙ ВЛАСТИ В РЕАЛЕ, остаётся в тени – вне поля зрения – исчезает как Истина. Но... продолжает существовать как интуитивное поле её присутствия где-то рядом – в ДРУГОМ.

И в ком? – если не в подставленном для этой цели Боге? И дело в шляпе! Теперь Истина о РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ = НЕСУЩЕСТВУЮЩИЙ РЕАЛЬНО БОГ. И в него можно вовать всё что угодно. И от его

имени («Истины») можно делать с верующим всё, что заблагорассудится.

И делают это те, кто сотворили Бога. Изобрели его как элемент технологии обретения Власти над людьми.

А если их миллиарды?! И гнут спину они на хозяев своих от зари до зари – ни Истины, ни Смысла своей жизни не зная? То это же какие рабы! Какой бизнес!

Понятно, что Бога (да и любую ложь) можно взгромоздить и на другую интуитивную Истину. Получиться религия иная. Или идеология... Проще говоря – ИЗОЩРЕННАЯ ЛОЖЬ. Не путать с ложью обыденной, приземлённой, тупой.

Здесь другое, – здесь продвинутая технология порабощения посредством

Комбинированной Лжи – тщательно выверенного, отборного подлога.

Второй слой подтасовок религиозного Торты – отождествление Богов и их Пути с Событиями, что реально наблюдаемы на небосводе – из века в век, из года в год и ежедневно.

Сопоставляем хронологию Пути Христа, Диониса, Моисея, Будды...

Приём мошенничества тот же: Ложь Пожирает Истину В Себе... Ею питаюсь.

Эта формулировка-образ – очень существенна, и мы к ней ещё вернёмся (во второй моей книге).

А пока лишь уясним, что любое священное письмо – вариации применения нами декларированного приёма. Его применения с

целью самой убогой на Свете: увести человека от Истины и ввергнуть в рабство.

Хорошо. Что ещё нам о Боге известно?

Что он везде и во всём. И даже! (подчас) – Один и ВСЁ.

Блестяще! Беда только в том, что он не ВСЁ, а совсем другое, чьим уворованным «Я Есмь» подменяется и искажается Основа Всех Основ – Жизнь в её ПЕРВИЧНОЙ ИПОСТАСИ – как АБСОЛЮТ-ЖИЗНЬ – ДО ДЕЛЕНИЯ ЕЕ И ВОПЛОЩЕНИЯ В ВИРТУАЛЕ И РЕАЛЕ.

То есть Высшая Истина – изначально – никаких трёх производных из себя аспектов НЕ ИМЕЕТ.

Она ОДНА И ОДНО!

Однако на эту глубину рефлексии – религия и наука грозно ставят своё плутовское Табу

посредством «незыблемых» аксиом: «Материя есть ВСЁ»... или «Бог есть ВСЁ» – на выбор.

– А меж обозначенных крайностей – что?

– Святое Дело – пространство для жульнических спекуляций.

Хорошо. А если через Табу переступить? Что тогда?

Конец Света? Крушение цивилизации? Крах Гомо Сапиенс?

Другие цели, ценности, нравы, смыслы?..

Чьи?

Да, именно! И об этом моя вторая книга... А пока – Богу божье:

Нет его – если речь об нём в Реале – «ВЕРШИНЕ ЖИЗНИ», – Жизни, которой под обоями и под мебельной обивкой навалом. И мы всегда её там найдём. В отличии от Бога.

И кроме той или иной Формы Жизни – нигде, никогда и ничего мы вообще не найдём!

Не упускать бы только из виду, что наше Жизненное Пространство – это живое тело Планеты в Теле Живой Вселенной, – как Целого.

Но. Ведь не как сказочного «героя» нам подают Бога, а втирают как абсолютную Истину и высшую РЕАЛЬ!

Ну хорошо – он «есть», конечно, он «есть» и «существует». Но как?

Не как высшая, или хотя бы триединая, а как низшая (невоплощённая) ипостась Жизни – элемент Виртуала (сознания) – притом в качестве вредоноснейшей программы, что дезориентирует многих в реальной жизни.

Оно нам надо? Буратино и Красная Шапочка – явления того же рода, только куда более полезные и совершенные эстетически.

И что характерно: никто нам «не втирает», что эти сказочные персонажи существуют реально, что они имеют проявленную материальную ипостась – иллюзия остаётся иллюзией и служит нам в качестве некой ассоциации – элементом Сознания – где-то в правом полушарии мозга. И ладно.

Однако у нас речь о Наивысшей форме Жизни, – Жизни воплощённой – в каждой элементарной частице, в каждом известном нам явлении или процессе в Реале.

И речь о Жизни в переливах её более простых форм в более сложные и наоборот – редукции этих форм до изначальной стартовой ипостаси (ЖИЗНИ) – что до ВСЕГО и в чём ВСЁ черпает

ВСЁ многообразии форм своих потенциальных
ВОПЛОЩЕНИЙ.

Надеюсь, понятно.

Не совсем? Ну ладно, к этой теме мы ещё
вернёмся.

Понятно, что Смерти, при таком раскладе,
нет. Ею можно считать лишь потерю
индивидуальности, – потерю своего «Я». Это
если идти Путём Регресса. Если же идти Путём
Развития, неизбежно становление иными
существами, совершенствующимися и
созидающими свою индивидуальную Личность
– своё «Я».

Физическая Смерть – это переход из одной
формы Жизни в другую. Вот – весь секрет:

Ну нельзя сдохнуть! Никак! Можно лишь,
становясь иной формой жизни, временно
вливаясь в форму, проявленную в Реале иного

Существа (Земли) – влиться в неё – в качестве не проявленной сущности (то ли целостной, то ли обчекрыженной донельзя) с неизвестной перспективой дальнейшего продвижения «по службе» – то ли ВВЕРХ (новое воплощение Индивида с его новым Смыслом Жизни, Принципами, Программой... на созидание чего и дана была предыдущая жизнь), то ли – на ДНО.

На Дно. Что тоже не так уж и плохо, но сравнимо разве что с «бесконечными» управляемыми ядерными взрывами в реакторах атомных электростанций.

Не хотелось бы никого излишне запугивать, но АЭС – это очень точный аналог распада Индивидуальных структур Личности в «энергообменном реакторе» Жизни –

«процедура» не просто болезненная, а беспредел чудовищных страданий.

Да, это очень похоже на Ад, но – ДРУГОЕ. Высшие Церковники Истину «знают». Только ВРУТ, что по милости Бога, управление «Атомным Оружием» Справедливости и Балансом Жизненных Сил – находится в их непосредственном ведении.

Работа у них такая – лгать.

Неизвестно чтоб кому-то удалось прорваться на более высокий уровень «в обход могилы». Но. Это ли существовадно?

А доказательства ВСЕГО о чём здесь речь, – В САМИХ НАС... и в МИРЕ вокруг. И БОЛЕЕ НИГДЕ!

Загадка лишь в том, почему мы ищем их в речах лукавых служителей культов, авторитетов от науки, политики? Почему

стремимся увидеть их на шкале тех или иных измерительных приборов? Почему поддаёмся гипнозу оболваненной толпы?

3) Ещё один момент-прозрение, друзья, что поможет вам навести порядок в ваших черепных коробках:

Это беспрецедентная продажность и холуйство нашей академической НАУКИ. Её благоверное служение Золотому Тельцу.

Вы полагаете, что Наука – ваш верный поводырь в поисках Истины? Увы! Далеко не всегда и не во всём.

Немного терпения – и ту же Истину, что я извлёк из-под карнавального панциря Бога, я с превеликим удовольствием для вас извлеку и из-под глянцевой шелухи Научной Картины Мира.

О да! – В Науке очень много верного. И особенно ценно в ней то, за что инквизиция пытала и жгла честных учёных – лучших представителей рода человеческого.

Но! И у науки есть свой (экстра триединый) Бог: Материализм (материя+сознание+смерть), Систематика и Эйнштейновский свсверхконцепт, что все открытия крышует. А над ним – тот же, что у Бога Религии Хозяин – имя ему – СПРУТ – Беспрецедентная Алчность и Тотальная Ложь Суррогатной Сути Гомо, паразитирующей на его Природном Естестве.

– И для чего человечеству сей свсверхконцепт?

– Прежде всего, для легитимации ложного Пути Развития через паразитизм для всего вида Гомо, и для упоения Властью теми из них, кто до неё дорвутся.

При том, что Истинная Природа Человека – этого решительно не приемлет!

Неутолимая жажда Власти – признак избыточной деградации разумных существ, когда при полном отсутствии подлинных ценностных ориентиров и достоинств у «прокажённых», они заменяются реальной властью над теми, кто являются носителями того, чего у властолюбцев быть уже не может: Доброты, Совесть, Благородства, Сострадания, Достоверного Знания, Подлинных Талантов.

Власть – это орудие мести Падших Разумных человечеству за то, что оно стало им трамплином для «полёта» на ДНО. Но теперь не об этом.

Научная Картина Мира держится на насильно внедрённой в сознание человека Аксиоме Смерти, в соответствии с которой

ЖИЗНЬ ВСЕЛЕННОЙ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ПЕРВИЧНОЙ ФОРМОЙ ЖИЗНИ ВСЕГО СУЩЕГО В НЕЙ.

А это значит, что в уверенности, что при этом Совесть не пострадает, с ней и её частями можно обращаться как с бесчувственными элементами: болванками, чурками, чушками...

Наука и Бог-фантом (присвоивший СЕБЕ право судить о Жизни Вселенной) это приветствуют и поощряют в угоду неуёмной и неистребимой экспансии прожорливости Гомо.

Едва ли найдётся хотя бы одна пылинка в Космосе, к которой ОН не сумеет пристроить свои рваческие интересы и аппетиты под эгидой тандем-симбиоза Религии и Науки.

Отнюдь не второстепенную роль в этом ДЕЛЕ играет Теория Относительности

Эйнштейна. Уже сколько пытались её «сыграть в ящик» ввиду непригодности для непредвзятого познания законов природы – ан нет! – не дают «сыграть» – реанимируют прокажённую и – на передовую!

А как же?! – на ней держится МЁРТВАЯ КАРТИНА МИРА. И ВАКХАНАЛИЯ СМЕРТИ, чинимая самозваными «Венцами Природы» – рабами-роботами Золотого Тельца.

ЖИВАЯ КАРТИНА МИРА (пусть и тускло весьма) отражена в мировоззрении Николо Тесла. Для него весь Мир, все элементарные частицы и физические поля – Живые Организмы. Но до недавних пор – для Науки – сам учёный был «Трупом»: говорить о нем было не принято и опасно. Почему? Надеюсь, понятно.

Но и теперь мало кто понимает, в чём конкретно выражается отличие понимания Мира великого серба от воззрений «богоизбранного» Эйнштейна. И мало кто понимает, что Эйнштейн – разве что в подмастерья к Тесле годится. А это именно так. И убедиться в этом не сложно:

Под патронажем МЁРТВЫХ теорий подставного и богоугодного Эйнштейна Наука заковала ЖИВУЮ Планету в железо, бетон, асфальт, в смертельную радиацию и вредоносные электромагнитные поля.

И этот сверхконцепт-убийца продолжает своё чёрное дело – уже замахнулся на замену наших биологических особенностей – биотехнологическими, наших сознательных центров – нанотехнологическими.

Нам это надо? И нашей Планете мы такие нужны?

Такие! – с нашими исполинскими щупальцами, протезами, зондами, мегаполисами, автомагистралями, мостами, промыслами – этим нашим телом-чудовищем – телом человечества – телом гигантского ненасытного СПРУТА, вцепившегося в Живую Планету – с телом ВАМПИРА, упивающегося её жизненными соками!

Без слепой веры научным догматам и авторитетам, без противоестественной любви к Богам-Фантомам, наедине с СОВЕСТЬЮ своей – подумать бы об этом! Всем.

А «мышеловки с русским салом» – на страницах моих лит-шедевров – никто не отменял.

Заглядывайте на «огонёк». А там – будь что будет...

Летальный исход пока не гарантирован даже самым «достойным».

FR SI ST PR FB YT

Copyright © 2017 Set-Amon Sigeo